

Южная Русь

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

ОРАНЖЕВАЯ
МИНА

Южная Русь

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

ОРАНЖЕВАЯ МИНА

Москва
АЛГОРИТМ
2008

УДК 32
ББК 66.2(0)
К 21

Оформление *Б. Протопопова*

Кара-Мурза С. Г.

К 21 Оранжевая мина / С. Г. Кара-Мурза, А. А. Александров, М. А. Мурашкин, С. А. Телегин. — М.: Алгоритм, 2008. — 240 с. — (Южная Русь).

ISBN 978-5-9265-0560-0

В рамках доктрины Нового мирового порядка происходит демонтаж национальной государственности с заменой ее на марионеточные правительства. Для этого применяются политехнологии, получившие название «цветных» революций. Среди них наибольшую известность приобрела так называемая «оранжевая» революция на Украине. В книге рассмотрены философские и культурные предпосылки такого типа революций, способы их финансирования и организации, их социальная база и технические приемы. Кратко изложены история возникновения и развития доктрины «цветных» революций и причины беспомощности постсоветской государственности в противостоянии им.

УДК 32
ББК 66.2(0)

© Кара-Мурза С. Г., 2008
© Александров А. А., 2008
© Мурашкин М. А., 2008
© Телегин С. А., 2008
© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

ISBN 978-5-9265-0560-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эту книгу мы писали весной 2005 г., когда завершилась «оранжевая революция» на Украине». Уже было ясно, что в современной политике появилось новое явление и новая технология — «оранжевые революции». Его надо срочно изучить и понять. Один из нашего авторского коллектива живет на Украине, он внимательно наблюдал все происходящее и собрал огромный запас материалов. Когда стали писать, сам этот материал, сами события этой революции начали диктовать нам содержание книги, последовательность и тематику глав. Более того, этот материал заставил нас рыться в истории — чтобы понять корни событий.

Так и получилось, что мы начали писать книгу о трех совершенно конкретных операциях по замене властных верхушек в Югославии, Грузии и на Украине. Это были операции, проведенные по одной схеме, с помощью одних и тех же технологий, с помощью специально созданных однотипных организаций, собранных из людей одного типа. Главной, наиболее глубокой и важной для наших народов стала, конечно, «оранжевая революция» на Украине.

По мере изучения материала оказалось, что эти операции стали поводом, чтобы взглянуть на дело со многих точек зрения и связать много событий, которые произошли в разных местах и в разное время. Мы собрали и использовали много материала, чтобы возникла устойчивая картина — далеко еще не полная, но в главных чертах отчетливая. Можно было еще добавлять и добавлять фактов и рассуждений, картина становилась бы более детальной и красочной, но пришлось остановиться — в обилии деталей и красок тонет главное. Эта книжка — лишь один из первых шагов в освоении того знания, которое нам открыли «оранжевые революции».

Один из главных полученных нами уроков состоит в том, что западная мысль, отходя от норм Просвещения и погружаясь в соблазнительный творческий хаос постмодерна, порождает небывалые политические технологии. Они позволяют устраивать в терпящих кризис обществах завораживающие спектакли. Толпы людей, ставших их зрителями и участниками, на время обретают общую целеустремленную волю, которую режиссеры направляют на достижение целей, этим людям непонятных или даже враждебных. Что получили сербы, свергнув Милошевича и отправив его в застенки где-то в Гааге? Что получили грузины, посадив во власть Саакашвили с его нелепой антироссийской программой? На какое будущее для Украины рассчитывали киевские студенты, со слезами восторга слушавшие на Майдане Ющенко? Вчитайтесь сегодня в те его речи — что в них могло вызвать эти слезы?

Вот эти два пространства мы и хотели соединить в книге — мощные, нам незнакомые средства воздействия на духовную сферу людей, которые создает постмодерн, и то особое состояние нашего разума, чувств, па-

мяти, в которое приведен за 15 лет кризиса наш постсоветский человек. «Оранжевые революции» показали, что наши народы и страны, сама наша государственность оказались перед лицом совершенно новых угроз. Мы их еще не знаем, не понимаем и почти не видим.

После того как прошли эти операции по смене власти в Сербии, Грузии и на Украине и в обиход вошло понятие «цветные революции», наши обществоведы почти в один голос заявили, что это никакие не революции. Так, мелкие дворцовые перевороты. Ведь не было антагонистических противоречий, которые разрешили эти операции. Сменили Шеварднадзе на Саакашвили или Кучму на Ющенко — подумаешь!

Такая слепота прискорбна. Разорвать связи совместной исторической судьбы с Россией — разве это не революция для Украины? Пресекается многовековой вектор истории народа, а мы не придаем этому значения — потому что организовано это как карнавал. Революция роз! Помаранчевая революция!

Да, трех одинаковых спектаклей достаточно, точно такие же больше не пройдут. А увидим ли мы угрозу, если спектакль будет поставлен с другими декорациями? А нашли ли мы после операций в Белграде, Тбилиси и Киеве слабые места у себя? Разве поняли мы, почему так беспомощно выглядела и власть, и политические противники «оранжевых», и оторопевшие обыватели, которые ничего не могли противопоставить очарованию «оранжевого» спектакля? А ведь у нас нет никаких разумных оснований, чтобы считать себя в безопасности от подобных карнавалов и в будущем. Надо ведь понять, кому и почему требовалось сменить Кучму и не допустить прихода к власти его преемника Януковича.

Разумеется, еще предстоит изучить предысторию технологий, которые сегодня предстали в виде шедевров — «оранжевых революций». Придется вспомнить и странную студенческую революцию 1968 г. в Париже, когда элитарная молодежь благополучной Франции чуть не разгромила свою благословенную страну — без разумных причин, без программы. Почему вспыхнул этот первый бунт постмодерна? Почему он вдруг сам собой прекратился? А можно ли его организовать искусственно? Почему он провалился в Китае? Почему он увенчался успехом в форме «бархатных революций» в Восточной Европе? Кто может составить социальную базу для «оранжевого» спектакля в той или иной культуре?

Все эти вопросы кажутся понятными поодиночке. А когда их сводишь воедино, становится видно, как изменился за последние два десятилетия мир и как изменились мы сами. Изменились настолько, что нам, чтобы выжить как странам и государствам, как России и Украине, как большим культурам, требуется ни много ни мало как произвести пересборку мировоззренческой матрицы наших народов. Постмодерн ставит нас перед новым историческим вызовом. В том положении, в какое привел нас долгий тяжелый кризис, мы не выдержим войн нового поколения.

Глава 1

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ. ТЕОРИЯ ОРАНЖЕВЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

НЕНАСИЛЬСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР ПРИНЦИП БАРХАТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

Для темы данной книги непосредственно важны те опасности для государства, которые возникают в ходе подготовки *революции*. Это, прежде всего, опасность свержения самой власти и глубокого изменения типа государственности. Как правило, в стабильном государстве смена и первых лиц, и властной команды происходит регулярно в соответствии с принятыми правовыми процедурами. При наличии противоречий в самой правящей верхушке возникают нештатные ситуации (как, например, при снятии Н.С.Хрущева в СССР в 1964 г.), но они практически не затрагивают общества и носят характер «дворцового переворота».

Проблема возникает, когда правящие силы решают заменить властную команду на другую, более подходящую в новых, изменившихся условиях¹. Когда смена

¹ Раньше, когда была общепринятой «классовая» риторика, говорили *правящий класс*. Однако уже в XX веке в большинстве стран, за исключением небольшого числа великих держав, и сам национальный правящий класс (например, буржуазия) оказался в такой зависимости от внешних сил, что главные решения, определяющие судьбы страны, стали приниматься за ее пределами. Чтобы не углубляться в эту отдельную проблему, мы и говорим *правящие силы*.

этой команды (включая президента или премьер-министра) мало затрагивает интересы конфликтующих сил, она проходит гладко и никто не сопротивляется. Особенно легко это происходит в президентских республиках, ибо с отдельным политиком можно договориться, ему можно пригрозить или, в крайнем случае, «ликвидировать». Для его замены не требуется дорогостоящих операций типа «революции».

Другое дело, когда правителей заменяют, чтобы изменить направление деятельности власти, поставить перед ней принципиально новые цели. Это вызывает сопротивление влиятельных общественных сил. Даже если верховный правитель и сам был бы рад, получив хорошие отступные, удалиться от власти, уступив место более подходящему «менеджеру», ему этого не позволяет его окружение («хунта»). Ведь оно тоже имеет средства воздействия на «первое лицо» — хотя бы с помощью шантажа. В этих случаях и приходится устраивать перевороты. Лучше «бархатные», без большого насилия. Это обходится дешевле и не создает риска породить реальное сопротивление части народных масс.

Типичным примером такой смены властной бригады была замена Горбачева на Ельцина в 1991 г. Команда Горбачева сделала для демонтажа советской политической и экономической системы все, что позволяли доктрина, риторика, сам образ этой команды. Соблазнив людей знаменем, на котором написано «Больше социализма! Больше социальной справедливости!», нельзя было проводить обвальную приватизацию. Такое грубое нарушение приличий как раз и снимает наваждение, чего никак нельзя допускать. Поэтому была разработана программа «свержения» команды Горба-

чева — программа стандартная и классическая. Граждане смотрели большой политический спектакль — и верили в него настолько, что и спустя 15 лет Горбачев может появляться на публичной сцене и рассказывать, как он страдал оттого, что ему никак не удавалось устроить «социализм с человеческим лицом».

Если бы изменения в целях и способе действий властной верхушки, которые вызывают смену ее персонального состава, касались только интересов конкурирующих группировок в правящем слое, то это нас мало бы касалось. Дворцовые перевороты всегда были и будут. Но если приходится проводить революцию, хотя бы и «бархатную», то это значит, что будут затронуты жизненные интересы большей части народа. В этих случаях быть безучастным наблюдателем глупо. Тут надо смотреть в оба и постараться воздействовать на ход событий. Как правило, соотношение *потенциальных* сил позволяет это сделать, но обществу не удастся превратить свои потенциальные возможности в *активные* — его сознание подавлено манипуляторами. Действует гипноз — мозг затуманен, руки не двигаются. Под звуки волшебной дудочки колонны людей бредут голосовать — за Ельцина, Кучму, Ющенко, Шеварднадзе, Саакашвили...

Возможность государства нейтрализовать эти опасности на этапе их созревания, а также преодолеть их в самый момент революции во многом зависит от способности власти выстроить «карту опасностей», в достаточной мере приближенную к реальности. «Бархатные революции» происходят лишь в тех странах, государственная власть которых потеряла эту способность и в своих действиях ориентируется по слишком недос-

товерной «карте», а то и вообще «пользуется картой другого района».

Причины этого многообразны. К фундаментальным причинам надо отнести *мировоззренческую* неадекватность власти. Она выражается, прежде всего, в унаследованном от философии модерна *механицизме*. Более трех веков в культуре Запада господствовало навеянное ньютоновской картиной мироздания представление об обществе и государстве как *машинах*. Происходящие в них процессы виделись как движение *масс* под действием *сил*. Соответственно, и угрозы государству власть видела как существование *массы* противников, накапливающих *силу*, которую они и собираются обрушить на защитные *силовые* структуры государства.

Средства преодоления этой угрозы виделись в укреплении этих силовых структур. Всякие рассуждения о «силе идей» воспринимались властью как лирическая метафора, указывающая на второстепенный фактор. Механистическое мировоззрение просто не позволяло власти увидеть иные угрозы или найти на них адекватный ответ¹. Такая власть, как показал опыт, оказывается не готовой к действиям против революции, *не применяющей «механическую» силу* (хотя бы на решающем первом этапе).

Политолог Р.Шайхутдинов пишет: «Среди угроз власти, которые способна «различить» и выявить се-

¹ Перед нашими глазами разыгралась драма ликвидации СССР, который ценой огромных лишений обеспечил себе военный паритет с Западом, но не создал культурных средств, чтобы защититься от информационно-психологической войны. Эту войну Запад выиграл при том, что СССР имел потенциальные предпосылки для победы, но не смог воплотить их в виде «оружия».

годняшняя власть, есть только материальные угрозы: нарушение территориальной целостности, диверсии и саботажи, угроза военного нападения или пограничных конфликтов, экономические угрозы и т.п. Огромное количество «нематериальных угроз», связанных с политическими институтами, с населением и его созданием и ментальностью, с символическими и коммуникативными формами, с интерпретациями и чужим экспертированием, остаются вне зоны внимания власти, прессы, политтехнологов.

Та власть, к которой мы привыкли, умеет видеть, как у нее пытаются захватить территорию, украсть деньги, но на Украине совершенно незаметно для всех у государства украли репутацию, авторитет и часть граждан, «перевербовав» их в свой народ. А, например, в США сформулировано такое понятие, как «угроза демократии». Или «приверженность идеалам свободы». Одно это позволяет американцам объявлять зоной своих жизненных интересов любую точку планеты, где, по их понятию, нарушается демократия или откуда исходит угроза свободе»¹.

В социокультурном плане «бархатные революции» — это революции *постмодерна*, генетически связанные с революцией 1968 г. во Франции. Главное заключается не в каких-то отдельных аспектах этого явления, а в том, что оно представляет собой совершенно новую, незнакомую власти систему. М.Ремизов отметил уже очевидную, но почти еще непонятую вещь: «Сам феномен «бархатных революций» имеет абсолютно неклассическую, постсовременную природу. Он

¹ Шайхутдинов Р. Со-общение, 2005, № 2.

принадлежит неоимперскому миру, а не старому доброму миру суверенных наций».

Итак, первое принципиальное качество «бархатных» революций, которое использует мировоззренческую слабость (механизм мышления) государственной бюрократии, — их *ненасильственный* характер или, по меньшей мере, создание полной иллюзии безопасного ненасильственного развития событий. Он нейтрализует главную силу, которую государство готовит для отражения революции — его силовые структуры.

Конечно, все революции и вообще все попытки борьбы с властью, в том числе в их насильственной фазе, всегда содержали и «бархатную» составляющую, использовали методы *ненасильственного* давления на власть. Популярное американское руководство по проведению «бархатных революций» (Дж.Шарп) гласит: «Случаи ненасильственного сопротивления известны еще примерно с 494 г. д. н. э., когда плебеи лишили своей поддержки своих римских хозяев-патрициев. Ненасильственная борьба применялась в различные эпохи народами не только Европы, но и Азии, Африки, обеих Америк, Австралии и островов Тихого океана»¹. Во Франции знаменитый поход женщин на Версаль, возглавленный проституткой Теруань де Мерикур, привел к фактическому падению французской монархии за три года до ее юридического упразднения. Этот опыт изучался, арсенал методов постоянно расширялся.

Дж.Шарп пишет: «Подобно вооруженным силам, политическое неповиновение может быть использова-

¹ Шарп Дж. От диктатуры к демократии. 1993 // www.psyfactor.org/lib/sharp.htm.

но в различных целях, от оказания влияния на противников с целью вызвать определенные действия или создания условий для мирного разрешения конфликта до разрушения ненавистного режима... Ненасильственная борьба намного более сложное и разнообразное средство борьбы, чем насилие. Вместо насилия, борьба ведется психологическим, социальным, экономическим и политическим оружием, применяемым населением и общественными институтами... Любое правительство может править постольку, поскольку оно способно пополнять необходимые источники силы путем сотрудничества, подчинения и послушания со стороны населения и общественных институтов. В отличие от насилия, политическое неповиновение обладает уникальной способностью перекрывать такие источники власти».

Пожалуй, самое крупное применение методов неповиновения в XX веке — успешная стратегия партии Индийский национальный конгресс по ненасильственному освобождению Индии от колониальной зависимости. Множеством «малых дел и слов» партия завоевала прочную культурную гегемонию в массе населения. Колониальная администрация и проанглийская элита были бессильны что-либо противопоставить — они утратили необходимый минимум согласия масс на поддержание прежнего порядка.

Вот более близкий для нас пример — начало революции 1905 г. Одним из важных принципов государственного устройства царской России был запрет на подачу петиций. Только дворянство имело право ходатайствовать перед царем о сословных и государственных нуждах, но и это право было ликвидировано в 1865 г. Участие в составлении прошений, в которых можно

было усмотреть постановку общественно значимых вопросов, по закону строго каралось, особенно если прошение предназначалось к подаче самому царю.

В 1904 г. обострился конфликт царского правительства с земским движением. Земцы пытались склонить царскую власть на путь реформ, предоставляя ей инициативу, чтобы реформы не выглядели результатом давления снизу. Но это не было принято царем, он отвечал, что реформ «хотят только интеллигенты, а народ не хочет». Царь запретил проводить земский съезд, но его по обоюдному согласию провели как частное совещание.

Вслед за земским съездом 1904 г. либеральная оппозиция прибегла к новой форме легальной борьбы — она начала «банкетную кампанию». В губернских городах собирались многолюдные банкеты с участием радикальной интеллигенции, произносились речи, выдвигались конституционные требования и принимались резолюции. Хотя над этими банкетами подшучивали (конституционные требования «за осетриной с хреном»), они ставили режим в трудное положение. Репрессии против участников банкета выглядели бы глупо и были неэффективны, так что оппозиционные выступления оказались легализованы явочным порядком и стали привычными. Директор Департамента полиции А.А.Лопухин считал банкеты более вредными, чем студенческие демонстрации.

Резолюции банкетов оформлялись как *петиции*, которые были запрещены законом. Таким образом, и петиции были де-факто легализованы. Дошло до того, что петицию с требованием участия выборных представителей в законодательстве написали собравшиеся

в Москве 23 губернских предводителя дворянства. Затем московская городская дума единогласно постановила направить правительству требования, аналогичные решениям земского съезда.

Власть почувствовала себя в ловушке, а в этих условиях принятие любого решения сопряжено с большой неустранимой неопределенностью — трудно оценить последствия. В таком состоянии нередко предпринимаются действия, которые и современникам, и будущим историкам кажутся необъяснимыми, неадекватными или даже абсурдными. Обычно в массовом сознании возникает даже идея, что эти действия являются результатом заговора каких-то дьявольски хитрых теневых сил¹.

Так, царским правительством было принято решение о расстреле мирной демонстрации рабочих 9 января 1905 г. («Кровавое воскресенье»). Трудно восстановить логику рассуждений, которые привели к этому беспрецедентному для Российского государства решению, имевшему катастрофические последствия. С точки зрения формально действующего права намерение рабочих прийти с хоругвями к Зимнему дворцу и подать царю петицию было преступлением. Исходя из этих формальных норм права, власти и решили не допустить демонстрантов с петицией в центр Петербурга.

Но эта логика была несостоятельной, поскольку на деле право петиций уже было введено в России явочным порядком во время широкой «банкетной кампа-

¹ Действия царской власти в ходе революции начала XX века в этом смысле очень схожи с действиями государственной верхушки СССР в ходе перестройки — ведь невозможно рационально объяснить, например, действия ГКЧП в августе 1991 г.

нии» либералов в 1904 г. Право подать царю прошение быстро укоренилось в массовом сознании и уже воспринималось как естественное право. Таким образом, возникло резкое противоречие между представлением о праве у государственной верхушки и у рабочей массы, и после расстрела власть стала в глазах рабочих нелегитимной¹. Так ненасильственные акции либеральных кадетов, которые власть не решилась и не сумела пресечь, создали условия для тоже ненасильственной акции рабочих, на которую власти ответили массированным насилием — и был запущен маховик революции².

Ненасильственный характер действий со стороны оппозиции (особенно если их совершает «приличная» публика, как на банкетах либеральной профессуры) притупляет саму способность власти видеть угрозы, служит как «обезболивание» государства на первом этапе революций и мятежей. Государство перестает реагировать на сигналы, которые в нормальной ситуации повлекли бы самые решительные действия. Например, если оппозиция получает финансирование от иностранных государств для подготовки свержения существующей власти, то в случае привычных «силовых» действий оппозиции вроде устройства баррикад еще можно было бы ожидать активных действий по пресечению этих финансовых потоков. А при всех «бархатных» революциях финансирование оппозиции из-

¹ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция. СПб.: Наука, 1991.

² В 1905 г. усилилось пассивное сопротивление и крестьянского населения другими методами (например, бойкот винной монополии).

за рубежа ведется совершенно открыто, и власть стесняется этому воспрепятствовать.

Технология «бархатных революций» использует слабость устройства большинства современных государств, исповедующих уважение свободы слова и собраний. В этих государствах в массы и особенно в умы работников правоохранительных органов внедрена идея о недопустимости насилия по отношению к тем, кто не совершает насильственной агрессии — даже если формально допускает «мягкие» правонарушения. Эта *неполноценность государственности* была заложена, как программа-вирус, в механизм власти всех стран переходного типа, в которых правящий слой отказался от продолжения большого проекта, альтернативного «либерально-демократическому проекту Запада», впад в соблазн быть принятым в глобальную элиту «мирового сообщества».

Во всех таких странах была проведена *перестройка* — отказ от греха «тоталитаризма» в политической сфере и отказ от греха «огосударствления» в сфере экономики. В этот период производятся революции из серии «бархатных». На втором витке этого перехода производится, там где надо, замена «посттоталитарной» власти (например, постсоветской) на властную команду из уже специально выращенного элитарного круга — как это произошло при смене Кучмы на Ющенко. Этот второй круг замены власти организован по схеме «оранжевых революций». В них и активизируется та программа-вирус, которая была заложена на первом круге.

Р. Шайхутдинов пишет об «оранжевой революции» в Киеве: «Украинская ситуация показывает, что факти-

чески навязанный Западом Украине (и России) в начале 1990-х гг. правовой механизм легитимизации власти, закрепленный в конституции, само правовое государство оказались ловушкой. Стратегию Запада можно представить как двухходовку¹. Первый ход: дать власти в руки новую, модную, «демократическую» игрушку — выборы, научить с нею обращаться, вырастить слой политтехнологов и политконсультантов, сделать ее привычным инструментом (вместе с вытекающими из культурных и менталитетных особенностей народа характерными нарушениями) смены или продолжения власти. Второй ход: проанализировать использование этого инструмента и создать противодействующий сценарий, основанный на работе поверх выборного демократического механизма — на использовании современных властных инстанций: «биовласти» и «власти интерпретаций»».

Понятно, что уязвимыми в отношении «бархатных» и «оранжевых» революций являются государства с *ущербным суверенитетом*. Это те режимы, которые по разным причинам вынуждены сверять свои действия с тем, «что скажут в Вашингтоне». Напротив, реально независимые государства нечувствительны к таким технологиям. Скажем, «оранжевая революция» невозможна в США, поскольку там полиция разгоняет незаконные митинги и шествия вне зависимости и от

¹ Точно такая же двухходовка была реализована и в экономике: сначала был произведен вброс идеологии свободного рынка, экономической свободы, частной собственности, предпринимательства, и хозяйство Украины (да и России) было переломано и перестроено на этих основаниях, — а потом выяснилось, что реальные механизмы современного капитализма только частично связаны с этим.

поведения их участников, и от реакции «мировой общественности». Если государство способно противостоять «ненасилию» (как в Белоруссии), то спектакль попросту закрывается. К демонстрантам применяют более или менее вежливое насилие за факт выхода за пределы очерченного им пространства и за превышение отведенного им времени.

В 1995 г., в трудный для Кубы момент, США попытались организовать там «народные волнения» и послали самолеты разбрасывать над Гаваной листовки. Эти самолеты после всех предусмотренных церемоний с приглашением приземлиться были сбиты кубинскими истребителями. А когда в Майами была организована целая флотилия яхт и катеров «возлагать венки» в море, Куба предупредила, что вся эта флотилия будет потоплена. Все это было в рамках международного права — и Мадлен Олбрайт в ООН дала задний ход. Эту возможность и Белоруссия, и Куба имеют потому, что их властная верхушка действует исходя из обязанностей государства перед своим народом, а не исходя из теневых договоренностей о вращении этой самой «верхушки» в глобальную элиту.

Неумение противостоять невооруженной толпе парализует государственных служащих. Совершенно второстепенные вопросы о *форме* обращения с оппозицией для них становятся более важными, чем выполнение главных задач государства. Толпа блокирует здание правительства, а само правительство убеждено, что никаких насильственных действий предпринимать против толпы нельзя, потому что это недемократично. Происходит добровольный отказ государства не просто от *права* на легитимное насилие, но даже от обя-

занности применить насилие ради сохранения элементарного порядка и безопасности.

Дело доходит до полной утраты рациональности в заявлениях политиков. М.Фрадков во время событий в Бишкеке (Киргизия) заявил, находясь в столице Казахстана Астане: «Россия выступает против силового варианта разрешения конфликта... Конфликт необходимо решать, оставаясь в правовом поле, соблюдая Конституцию и действующее законодательство».

Конечно, политиков нельзя понимать буквально, но все же... Как может власть, «оставаясь в правовом поле», не применить силу, когда толпа громит здание правительства и магазины? Это же абсурд! Разве «Конституция и действующее законодательство» не обязывают воспрепятствовать свержению президента и правительства насильственными методами? Разве имеет право полиция безучастно наблюдать за погромами и грабежом? Фрадков сказал вещь несусветную с точки зрения государственного права. А ведь он сказал это в непосредственной близости от места событий, причем от имени России! Чего же нам, выходит, надо ждать от российской власти, если и в Москве Сорос устроит подобную демократию?

Даже в тех странах, где почитание гражданских прав и демократии не приобрело статуса высших ценностей, для ведения ненасильственных действий против власти удается найти средства парализовать ее силовые структуры. Так, в 1986 г. на Филиппинах оппозиция не признала результаты президентских выборов, на которых, согласно официальному подсчету голосов, победил диктатор Маркос (на выборах 1981 г. он якобы

получил 86% голосов). Власть располагала мощными репрессивными силами. Однако при проведении массовых демонстраций и митингов в Маниле был использован такой прием: как только машины с вооруженными солдатами выходили из ворот казарм, навстречу им устремлялась толпа женщин в самых нарядных платьях, с цветами в волосах. Они кидали солдатам цветы, приветливо улыбались и пели — и Маркос не смог заставить солдат стрелять в эту толпу. За несколько дней армия была деморализована и присоединилась к оппозиции¹.

Ненасильственный характер действий противника не только обессиливает государственный аппарат, но и раскалывает общество. Если власть отвечает насилием, то слишком большая часть общества начинает сочувствовать противнику, и этот опасный для государства процесс приходится тормозить, неся большие издержки. Примером может служить Интифада — ненасильственная революция нового типа, продукт конца XX века. Способ действий в ней разрабатывала группа европейских и арабских ученых — психологов, социологов и культурологов. Предложенную ими программу можно считать достижением современного обществоведения. Главный принцип Интифады — непрерывность и *полный отказ от насилия*. Действующие лица — *дети и подростки*.

—

¹ Все революции такого типа имеют что-то от «революции гвоздик» или «революции роз». Как замечает наблюдатель событий в Киеве, девушки выдвигаются как особый отряд революционной толпы и лишают силы «щиты спецподразделений — в них есть такие особые дырочки, как нарочно, приспособленные, чтоб миловидные студентки вставляли в них гвоздички».

Когда по телевидению нам показывают сцены, в которых мальчишки швыряют камни в израильских солдат, надо понять смысл этого действия. Психологи предвидели, что, когда детям и подросткам придется открыто выйти против вооруженных солдат, они испытают невыносимый стресс. Именно для того, чтобы разрядить его, снять напряжение, им разрешили кидать камни — но стараясь не нанести травмы солдатам. На практике так и было, физического вреда израильские солдаты практически не понесли. Но оказалось, что их моральное состояние от сопротивления детей страдало очень сильно. Известный военный историк Израиля заметил, что «одна из лучших боевых армий мира быстро дегенерирует в полицейскую силу четвертого сорта». По его оценкам, после Интифады армия Израиля показала бы себя в серьезной войне не лучше, чем аргентинцы на Мальвинских островах.

Как же ответили сионисты на революцию детей? Поначалу позорно. Обозреватель газеты «Нью-Йорк Таймс» по Палестине Т.Фридман, любящий афоризмы, предупредил палестинских подростков: «Если один из наших попадет в госпиталь, 200 ваших попадут на кладбище». Интифада началась в декабре 1987 г., к декабрю 1989 г., по официальным данным ООН, на оккупированных Израилем территориях погибло 2 тысячи детей и подростков.

Садизм, с которым избивались дети, поразил израильтян. Философ Авишай Маргалит собрал возможные объяснения этого садизма. Главный смысл сводился к тому, чтобы разжечь ненависть арабов и заставить их перейти к насилию, к терроризму. Это был «жесткий» вариант консолидации деморализованного израильско-

го общества и укрепления легитимности власти в его глазах. Таким образом, Интифада была успешной, она расколола израильское общество и потребовала от власти Израиля очень больших затрат, к тому же создавших новые тяжелые угрозы.

Показательна история перестройки в СССР, которая в Москве и столицах Прибалтийских республик велась по канонам «бархатных» революций. Здесь прилагались специальные усилия к тому, чтобы спровоцировать армию и милицию на насильственные действия против «революционеров». Провоцировать не удавалось, т.к. дисциплина в силовых структурах была еще очень строгой. Насильственные действия «военщины» пришлось организовать самой власти.

Вот как был устроен «путч» в Вильнюсе в январе 1991 г. Тогдашний председатель Литовской Республики В.Ландсбергис вызывает взрыв возмущения рабочих Вильнюса (в большинстве своем русских) бессмысленным повышением цен, к тому же объявленным в день православного Рождества. Кем-то подогретая толпа идет громить здание Верховного Совета ЛССР, подходы к которому в этот день, вопреки обыкновению, не охраняются. Толпу дополнительно провоцируют из здания — из дверей ее поливают горячей водой из системы отопления. Большого вреда нет, но страсти накаляются до предела. Люди с заранее припасенными камнями бьют стекла.

Повышение цен немедленно отменяется, но беспорядки начались, радио сзывает литовцев со всей страны на защиту парламента. А когда прибывают толпы людей и расставляются по нужным местам, подразделе-

ния войск КГБ начинают, казалось бы, абсурдные действия — с шумом и громом, с холостыми выстрелами танков и сплющиванием легковых машин штурмуют... телебашню Вильнюса. Этот штурм не имеет смысла, потому что рядом, в Каунасе, продолжает действовать мощный телецентр, а ту же телебашню в Вильнюсе накануне мог занять патруль из трех человек. В самом Вильнюсе занявшие телебашню «оккупанты» отказываются отключить автоматические радиопередатчики, призывающие народ на баррикады — хотя адреса этих радиопередатчиков известны.

В результате «штурма» — 14 погибших (убитых «неизвестными снайперами», но никак не военными), ритуальные похороны, практическая ликвидация компартии Литвы и всех «консервативных сил», которых в общественном мнении можно было связать с путчистами, получение Ландсбергисом тотальной власти, активное контрнаступление радикальных демократов в Москве. Таким образом, положение литовских «перестройщиков» было укреплено благодаря «насилию власти» в Вильнюсе, во время которого были совершены демонстративно грубые действия и принесены объединяющие литовцев жертвы.

По такому же сценарию, хотя даже без холостых выстрелов и с гибелью от несчастных случаев всего троих юношей (а также министра внутренних дел СССР Пуго с женой в результате «самоубийства»), был проведен «путч ГКЧП» в Москве в августе 1991 г. В первые дни эйфории после «ликвидации путча» видный публицист А.Бовин сказал, перефразируя Вольтера: «Если бы этого путча не было, его следовало бы вы-

думать!» Горбачев также выразил удовлетворение: «Все завалы с нашего пути сметены!»¹

Когда процесс свержения власти посредством «бархатной революции» вступает в решающую стадию, удержать толпу в рамках ненасильственных действий оказывается важной и очень непростой задачей. В «учебном пособии» Дж.Шарпа сказано: «Поскольку ненасильственная борьба и насилие осуществляются принципиально различными способами, даже ограниченное насильственное сопротивление в ходе кампании политического неповиновения будет вредным, так как сдвинет борьбу в область, в которой диктаторы имеют подавляющее преимущество (вооружения). Дисциплина ненасильственных действий является ключом к успеху и должна поддерживаться, несмотря на провокации и жестокости диктаторов и их агентов».

Чем более фундаментальные и непримиримые общественные противоречия становятся мотивами недовольства граждан, вовлеченных в «бархатную революцию», тем больше в этой революции элементов самоорганизации, не вполне контролируемых извне. Иными словами, тем менее «бархатной» становится такая революция. Иногда этот «небархатный» характер проявляется очень быстро и становится главенствующим. Это проявилось, например, в венгерских событиях 1956 г. и в образовании польской «Солидарности».

¹ «Бархатная» революция 1991 г. в Москве — слишком большая тема, в которую мы здесь не будем углубляться. Что касается попытки «военного переворота ГКЧП» как одной из самых совершенных в истории провокаций, ей посвящена глава в книге С.Г.Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием» (М.: Алгоритм — ЭКСМО, 2004).

В других случаях «бархатная» технология оказывается столь эффективной и соответствующей культуре общества, что его революционная часть сама стремится не выходить за рамки ненасильственных действий и сдерживает своих радикалов — это мы наблюдали и в палестинской Интифаде, и при ликвидации режима апартеида в Южно-Африканской Республике. В этих случаях как раз силы, *противодействующие* революции, стараются радикализировать конфликт и организуют провокации, стимулируя или даже создавая вооруженные группы, которые совершают акты насилия (в том числе террористические). Это раскалывает общество, отталкивает его умеренную часть от революции. В случае Интифады эту роль играют террористические движения, выступающие под флагом ислама, в ЮАР — племенные террористические отряды.

В очень редких случаях, наоборот, контролируемые насильственные действия служат лишь запалом, пусковым двигателем для возбуждения чисто «оранжевой» толпы, осуществляющей манипулируемый государственный переворот, как это было в свержении Чаушеску в Румынии в 1989 г., а затем и в ликвидации советской государственности в 1991 г. («путч августа 1991 г.»).

В 80-е годы и организация и технология «бархатных» революций стала объектом изучения и разработки в крупных государственных и полугосударственных учреждениях Запада. Выше уже цитировалось известное руководство Дж. Шарпа — научного руководителя Института Альберта Эйнштейна (ИАЭ). Об этом Институте известно следующее.

ИАЭ основан в 1983 г. в США. В официальной декларации его целями названы «исследования и образо-

вание с целью использования ненасильственной борьбы против диктатур, войны, геноцида и репрессий». Возглавляют его бывший офицер DIA (Разведуправления Министерства обороны США) полковник Роберт Хелви и профессор Гарвардского университета Джин Шарп. Его сочинения, посвященные использованию ненасилия в свержении государственной власти, переведены на 27 языков. ИАЭ существует на деньги «благотворительных фондов» Сороса и правительства США. Шарп с помощниками с момента основания ИАЭ постоянно ездит в намеченные для переворотов регионы для «поддержки революций».

Шарп — главный теоретик и «лицо» ИАЭ, в то время как практической работой занимается его председатель полковник Роберт Хелви, начавший эту работу даже раньше, чем он официально уволился из армии США. Проработав 30 лет в DIA, он накопил богатый опыт подрывной деятельности в Юго-Восточной Азии. По многочисленным сообщениям, Хелви также был оперативным сотрудником резидентуры во время организованного США переворота в Сербии, и по крайней мере одно сообщение касается его пребывания на Украине во время «оранжевой революции».

Согласно отчету ИАЭ с 2000 по 2004 год, его целью было «продвижение всемирного изучения и использования ненасильственного действия во время конфликтов». Многочисленные группы, заинтересованные в таком «передовом опыте», обращались в ИАЭ за последние годы: из Албании, Косово, Молдавии, Сербии, Словакии, Кипра, Грузии, Украины, Белоруссии, Азербайджана, Ирана, Афганистана, ОАЭ, Ирака, Ливана и оккупированных территорий Палестины, Вьетнама,

Китай, Тибета, Шри Ланки, Малайзии, Кашмира, Гаити, Венесуэлы, Колумбии, Боливии, Кубы, Мексики, Анголы, Эфиопии, Эритреи, Того, Кении и Зимбабве.

Другое учреждение, активно действующее в том же направлении — Международный центр ненасильственных конфликтов (МЦНК), руководимый доктором Петером Аккерманом и бывшим военным Джеком Дювалем. Согласно сообщению на сайте МЦНК, он «развивает и поощряет использование гражданской ненасильственной стратегии с целью установления и защиты демократии и прав человека во всем мире... предоставляет помощь в подготовке и присылке полевых инструкторов, для углубления теоретических знаний и практических навыков применения ненасильственных методов в конфликтах по всему миру, где возможно продвижение к демократии и правам человека».

Основатель и председатель МЦНК Аккерман одновременно является одним из членов наблюдательного совета факультета права и дипломатии в университете Тафта, который активно готовит кадры для американских разведслужб, а также членом исполнительного совета Международного института стратегических исследований в Лондоне. Аккерман был также директором-основателем ИАЭ. Аккерман был продюсером документального фильма «Свержение диктатора» о свержении Слободана Милошевича, переведенного на арабский, фарси, французский, китайский, русский и испанский языки. Он также редактор и советник телевизионного сериала «Самая мощная сила» о ненасильственной борьбе как средстве смены режима (переведен на арабский, фарси, китайский, русский и испан-

ский). Аккерман также автор двух книг на ту же тему и регулярно читает лекции об использовании ненасилия для свержения намеченных правительств, в том числе в Государственном департаменте США.

БАРХАТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ КАК СПЕКТАКЛЬ ПОСТМОДЕРНА

Принято говорить, что «бархатные революции» — продукт эпохи постмодерна. Что это значит?

Революции эпохи модерна — как буржуазные, так и антибуржуазные — вызревали и предъявляли свои цели и свою доктрину на основе рациональности Просвещения. Язык и проблематика Просвещения задавали ту матрицу, на которой вырастали представления о мире и обществе, о правах и справедливости, о власти и способах ее свержения, о компромиссах и войне групп и классов. Под доктринами революций был тот или иной *центральный текст*, корнями уходящий в ту или иную мировую религию. Революционные силы могли объединяться или раскалываться в связи с трактовкой этого текста (например, «Капитала» Маркса), но все это происходило в определенной системе координат, установки и вектор устремлений партий и фракций можно было соотнести с достаточно жесткими утверждениями почти научного типа.

Постмодерн разрушил эти матрицы и главные центральные тексты, произвел, как говорят, их *деконструкцию*. Проблема истины или правильности понимания аксиом и формул исчезла, исчезли и сами аксиомы, они не складываются в системы. Цели и аргументы могут полностью игнорировать причинно-следствен-

ные связи и даже быть совершенно абсурдными. Этот переход был на индивидуальном уровне ознаменован всплеском немотивированных преступлений, так что категории юриспруденции, возникшей как продукт Просвещения, зачастую просто неадекватны природе социальных патологий. На коллективном уровне мы наблюдаем всплеск рационально не мотивированных конфликтов, вспышек насилия, бессмысленных бунтов и «выращенных в лаборатории» революций.

Произошедшие недавно на наших глазах «цветные» революции просто не могут быть истолкованы в привычной логике *разрешения социальных противоречий*. Политологи с удивлением пишут: «Ни одна из победивших революций не дала ответа на вопрос о коренных объективных причинах случившегося. А главное, о смысле и содержании ознаменованной этими революциями новой эпохи. После революций-то что? Ни от свергнутых и воцарившихся властей, ни со стороны уличных мятежников, которые явно заявили о себе как об активной оппозиционной политической силе, до сих пор ничего вразумительного на этот счет не прозвучало»¹. Эти революции и являются интересующим нас предметом.

Двадцатый век был переломным в деле манипуляции общественным сознанием. Сложилась наука, которая занималась этой проблемой, — *социальная психология*, один из краеугольных камней которой заложил Гюстав Лебон в своем учении о *толпе*. Возникли и теоретические концепции — учение о культурной гегемонии, учение о подсознательном. Параллельно раз-

¹ Маслов О. Прудник А. «Бархатная революция» как неизбежность / «Независимая газета», 13.05.2005.

вивалась новаторская и жесткая практика «толпообразования», превращения больших масс людей в толпу и манипуляции ею.

Возникли новые технологические средства, позволяющие охватить интенсивной пропагандой миллионы людей одновременно. Возникли и организации, способные ставить невероятные ранее по масштабам политические спектакли — и в виде массовых действий и зрелищ, и в виде кровавых провокаций. Появились странные виды искусства, сильно действующие на психику (например, *перформанс*, превращение куска обыденной реальности в спектакль).

Особенностью политической жизни конца XX века стало освоение политиками и даже учеными *уголовного мышления* в его крайнем выражении «беспредела» — мышления с полным нарушением и смешением всех норм. Всего за несколько последних лет мы видели в разных частях мира заговоры и интриги немыслимой конфигурации, многослойные и «отрицающие» друг друга. Мы видим резкое ослабление национального государства, одного из важнейших творений эпохи Просвещения. Едва ли не главным признаком этого ослабления является *приватизация насилия* — использование и морального, и физического насилия негосударственными структурами и коллективами (политическими и преступными). Зачастую уже государство втягивается как один из актеров в политические спектакли с применением насилия, поставленные теневыми режиссерами (как в случае терроризма).

Все это вместе означало переход в новую эру — *постмодерн*, с совершенно новыми, непривычными этическими и эстетическими нормами. Один из философов

постмодернизма сказал: «Эпоха постмодерна представляет собой время, которое остается людям, чтобы стать достойными гибели». Это само по себе — постмодернистская метафора. Здесь для нас важно отметить, что постмодернизм — это радикальный отказ от норм Просвещения, от классической логики, от рационализма и понятия рациональности вообще. Это стиль, в котором «все дозволено», «апофеоз беспочвенности». Здесь нет понятия истины, а есть лишь суждения, конструирующие любое множество реальностей.

Этот переход накладывается на более широкий фон *антимодерна* — отрицания норм рационального сознания, норм Просвещения. Что это означает в политической тактике? Прежде всего, постоянные разрывы непрерывности. Действия с огромным «перебором», которых никак не ожидаешь. Человек не может воспринимать их как реальность и потому не может на них действительно реагировать — он парализован. Можно вспомнить танковый расстрел Дома Советов в 1993 г. — тогда и подумать не могли, что устроят такое в Москве.

Это — пример большого спектакля, сильно бьющего по чувствам. Вот случаи поменьше и поспокойнее. Например, Гаити, где неожиданно устроили показательное избиение генералов, отличников боевой и политической подготовки академий США, которые всю жизнь точно выполняли то, что им приказывали начальники. Вдруг и к ним пришла перестройка — морская пехота США приехала устанавливать демократию и послала ту же уголовную толпу, что раньше забивала палками либеральных демократов, теми же палками забивать родню генералов.

Но буквально с трагической нотой это проявилось в ЮАР. В начале 90-х годов мировой мозговой центр решил, что ЮАР нужно передать, хотя бы номинально, чернокожей элите, т.к. с нею будет можно договориться, а белые у власти все равно не удержатся. Поскольку вести идеологическую подготовку времени не было, «своих» подвергли психологическому шоку, который устранил всякую возможность не только сопротивления, но даже дебатов. Вот маленький инцидент. Перед выборами белые расисты съехались на митинг в пригороде столицы. Митинг был вялый, ничего противозаконного в нем не было. Полиция приказала разъехаться, и законопослушные бюргеры подчинились. Неожиданно и без всякого повода полицейские обстреляли одну из машин. Когда из нее выползли потрясенные раненые пассажиры — респектабельные буржуа, — белый офицер подошел и хладнокровно расстрелял их в упор, хотя они умоляли не убивать их. И почему-то тут же была масса репортеров. Снимки публиковались в газетах, и все было показано по западному ТВ. Всему миру был представлен великолепный спектакль.

Расстрел белых расистов в ЮАР и избиение, по указке консула США, членов военной хунты на Гаити открыли новую страницу в истории политических технологий. Новые методы манипуляции сознанием обеспечивают столь надежный контроль за поведением масс, что с помощью толпы можно провести революцию, а через короткое время с помощью той же самой толпы — контрреволюцию.

В известном смысле постмодерн стирает саму грань между *революцией* и *реакцией*. Постмодернистский характер политических технологий, применяемых

при «демократизации» государств переходного типа, проявляется в разных признаках архаизации общественных процессов. Одним из таких проявлений стал *политический луддизм*, который был применен в ходе «оранжевой революции» на Украине и, видимо, немало удивил наблюдателей. «В ходе событий в Тбилиси, Киеве и Бишкеке появились первые признаки того, что на политической повестке дня оказались уже не вопросы борьбы за власть, а борьбы с властью»¹. Ранее он был присущ «слаборазвитым» странам, и трудно было ожидать, что он так органично впишется в политические технологии страны с все еще высокообразованным населением.

Речь идет о том, что политическая сила, которая представляет себя как оппозицию существующей власти, демонстративно препятствует работе власти вообще — борется не против конкретной политики власти, а отвергает ее как институт, образно говоря, разрушает машину государства. По свидетельству наблюдателей, для выборов в Южной Азии (Шри Ланка, Индия, Бангладеш) характерно, «что протестующие толпы людей нападают на правительственные здания и уничтожают их и государственное имущество, парализуя общественные учреждения и службы, то есть тот самый общественный капитал и инфраструктуру, которые созданы якобы для их обслуживания»².

Как ни странно, именно эта сторона «оранжевой революции» вдохновила некоторых российских полит-

¹ Гуцин В. Записка власти // «Политический журнал», 2005, № 12.

² Тамбиа С. Национальное государство, демократия и этнонационалистический конфликт // Этничность и власть в полиэтнических государствах. М.: Наука, 1994.

технологов-постмодернистов. Они увидели в этом многообещающую форму политического действия. Суть ее в «организационном оформлении широкого народного движения нового типа, которое будет видеть смысл и цель своего существования не в борьбе за власть, а в борьбе с властью. Отсюда, от этого полюса, будет постоянно исходить импульс атаки на любую власть, какой бы она ни была по персонально-качественному составу или идейно-политической ориентации. В случае возникновения и организационного оформления этого полюса в России может возникнуть инструмент эффективного, не отягощенного конформизмом посредников воздействия на власть»¹.

Западные философы, изучающие современность, говорят о возникновении *общества спектакля*. Мы, простые люди, стали как бы зрителями, затаив дыхание наблюдающими за сложными поворотами захватывающего спектакля. А сцена — весь мир, и невидимый режиссер и нас втягивает в массовки, а артисты спускаются со сцены в зал. И мы уже теряем ощущение реальности, перестаем понимать, где игра актеров, а где реальная жизнь. Здесь возникает диалектическое взаимодействие с процессом превращения людей в толпу. Лебон сказал о толпе, что «нереальное действует на нее почти так же, как и реальное, и она имеет явную склонность не отличать их друг от друга».

Речь идет о важном сдвиге в культуре, о сознательном стирании грани между жизнью и спектаклем, о придании самой жизни черт карнавала, условности и зыбкости. Это происходило, как показал М. Бахтин,

¹ Гуцин В. Зачистка власти // «Политический журнал», 2005, № 12.

при ломке традиционного общества в средневековой Европе. Сегодня эти культурологические открытия делают политической технологией.

Использование технологий **политического спектакля** стало общим приемом перехвата власти. В каждом случае проводится предварительное исследование культуры того общества, в котором организуется свержение власти. На основании этого подбираются «художественные средства», пишется сценарий и готовится режиссура спектакля. Если перехват власти проводится в момент выборов, эффективным приемом является создание обстановки максимально «грязных» выборов — с тем, чтобы возникло общее ощущение их фальсификации. При этом возникает обширная зона неопределенности, что дает повод для большого спектакля «на площади». Последнее время дало нам два классических примера — «революцию роз» и «оранжевую революцию».

Разработка и применение этих технологий стали предметом профессиональной деятельности больших междисциплинарных групп специалистов, которые выполняют заказы государственных служб и политических партий. Эти разработки ведутся на высоком творческом уровне, сопровождаются оригинальными находками и в настоящее время стали важным проявлением высокого научно-технического потенциала Запада. В самые последние годы для постановки кровавых спектаклей привлекаются (неважно, прямо или косвенно) организации террористов.

А.Чадаев так пишет об «оранжевой революции» на Украине: «Виктор Ющенко не вел себя как настоящий революционер. Скорее, он был похож на средневекового

карнавального «майского короля», сидящего в бумажной короне на пивной бочке посреди главной площади и горланящего свои «указы» на потеху веселым согражданам. Но именно эта «несерьезность» — или, точнее, полусерьезность происходящего — и стала специфическим оружием «оранжевой революции» (как до этого и «революции роз», и всех прочих), у власти не нашлось средств для отпора этому оружию.

Какой момент является ключевым для революции? Тот, когда правила, навязанные и отстаиваемые властью (легальная процедура, ее силовое обеспечение, система норм и ограничений), подменяются логикой игры. Тогда реальность карнавала торжествует над обыденностью, и происходит переворот — короли меняются местами: «майский» оказывается реальным правителем, а «настоящий» самодержец — шутом с базарной площади. Приняв навязанные ему правила игры, он в логике симметричных действий пытается делать то же самое, что делал только что его оппонент (сторонники Януковича тоже надевали ленточки, ставили палатки и мобилизовали актив) — и этот последний акт фиксирует его окончательное поражение. Занавес»¹.

Структурный анализ использования воображения в целях превращения людей в толпу (вообще господства) дал французский философ Ги Дебор в известной книге «Общество спектакля» (1967)². Он показал, что современные технологии манипуляции сознанием способны разрушить в человеке знание, полученное от реального исторического опыта, заменить его знани-

¹ Чадаев А. Оранжевая осень // «Со-общение», 2005, № 1.

² Русский перевод: Ги Дебор. Общество спектакля. М.: ЛОГОС, 2000.

ем, искусственно сконструированным «режиссерами». В человеке складывается убеждение, что главное в жизни — видимость, да и сама его общественная жизнь — видимость, спектакль. И оторваться от него нельзя, так как перед глазами человека проходят образы, гораздо более яркие, чем он видит в своей обычной реальной жизни в обычное историческое время. «Конкретная жизнь деградирует до спекулятивного пространства» (как видно из самого слова, спектакль и есть нечто спекулятивное).

Человек, погруженный в спектакль, утрачивает способность к критическому анализу и выходит из режима *диалога*, он оказывается в социальной изоляции. Такое состояние поддерживается искусственно, возник даже особый жанр и особая способность — *непрерывное говорение*. Человек, слушая его, просто не имеет возможности даже мысленно вступать с получаемыми сообщениями в диалог. На радио и телевидении, на митингах и массовых собраниях появились настоящие виртуозы этого жанра.

Ги Дебор уделяет особое внимание тому особому ощущению «псевдоциклического» времени, которое возникает у человека, наблюдающего политический спектакль. Время спектакля, в отличие от исторического времени, становится не общей ценностью, благодаря которой человек вместе с другими людьми осваивает мир, а разновидностью товара, который потребляется индивидуально в стандартных упаковках. Один «пакет» спектакля «стирает» другой. Как неоднократно повторяет теоретик современного западного общества К. Поппер в книге «Открытое общество и его враги», «история смысла не имеет»!

Общество спектакля — это *«вечное настоящее»*. В реальной жизни время, как важнейшая координата бытия, ощущается в движении «прошлое — настоящее — будущее». Настоящее понимается в неразрывной связи с прошлым и с ответственностью за будущее. Спектакль способен как бы «остановить» настоящее. При этом не остается места для проявления воли человека, будущее запрограммировано режиссером. Как пишет Ги Дебор, это вечное настоящее «достигается посредством нескончаемой череды сообщений, которая идет по кругу от одной банальности к другой, но представленных с такой страстью, будто речь идет о важнейшем событии». Режиссеры спектакля становятся абсолютными хозяевами воспоминаний человека, его устремлений и проектов. Актерами «спектакля» являются политики.

М.Эдельман в книге «Конструирование политического спектакля» пишет об этом превращении политиков в символические маски актеров: «Политические лидеры стали символами компетентности, зла, национализма, обещания будущего и других добродетелей и пороков и таким образом помогают придавать смысл беспорядочному миру политики. Наделяя образы лидеров смыслом, зрители определяют собственные политические позиции. В то же время, вера в лидерство является катализатором конформизма и повиновения. Термин, который возбуждает воображение большого числа людей и в то же время помогает организовать и дисциплинировать их, является эффективным политическим инструментом, хотя и неопределенным в последствиях его применения».

Ги Дебор отмечает и другое важное качество «общества спектакля» — «Обман без ответа; результатом его повторения становится исчезновение общественно-го мнения. Сначала оно оказывается неспособным заставить себя услышать, а затем, очень скоро, оказывается неспособным сформироваться». Из кого же состоит общество, не способное выработать своего мнения? Сегодня это общество из людей «мозаичной» культуры, людей *постмодерна*. Когда истины нет в принципе, а есть только интерпретации разных кусочков мозаики — как же можно выработать общее мнение?

В обществе спектакля особым видом театрализованного ритуала являются *выборы*. Антропологи видят в спектакле выборов перенесенный в современность ритуал древнего театрализованного государства, отражающий космический порядок, участниками которого становятся подданные. С.Тамбиа пишет: «Идея театрализованного государства, перенесенная и адаптированная к условиям современного демократического государства, нашла бы в политических выборах поучительный пример того, как мобилизуются их участники и как их преднамеренно подталкивают к активным действиям, которые в результате нарастающей аффектации выливаются во взрывы насилия, спектакли и танцы смерти до, во время и после выборов. Выборы — это спектакли и соревнования за власть. Выборы обеспечивают политическим действиям толпы помпезность, страх, драму и кульминацию. По существу, выборы служат квинтэссенцией политического театра»¹.

--

Тамбиа С. Национальное государство, демократия и этнонационалистический конфликт // Этничность и власть в полиэтнических государствах. М.: Наука, 1994.

Автор описывает сценические приемы спектакля выборов, применяемые в тех странах Южной Азии, где архаизация и «этнизация» этого спектакля заметнее всего. Поразительно, с какой точностью эти приемы были повторены во время «оранжевой революции» на Майдане Незалежности в Киеве. Автор пишет: «Процессии как публичные зрелища проходят в окружении «медленных толп» зрителей. Эксгибиционизм, с одной стороны, и восхищающаяся аудитория зрителей — с другой, являются взаимосвязанными компонентами спектакля. Митинги, завершающиеся публичными речами на открытых пространствах. Центральным элементом массового ораторства является энергичная декламация стереотипных высказываний с готовыми формулировками, одобренными мифически-историческими ссылками, напыщенным хвастовством, групповой диффамацией, грубыми оскорблениями и измышлениями против оппонентов. Эти речи передаются и усиливаются до рвущего барабанные перепонки звука с помощью средств массовой информации — микрофонов, громкоговорителей, современной теле- и видеоаппаратуры. Этот тип шумной пропаганды эффективно содействовал «демонизации» врага и появлению чувства всемогущества и правоты у участников как представителей этнической группы или расы»¹.

Выборы как политический спектакль представляют для нас особый интерес потому, что в этот переходный момент смены властной верхушки происходит временное ослабление государства, что и используется,

¹ Тамбиа С. Национальное государство, демократия и этнонационалистический конфликт // Этничность и власть в полиэтнических государствах. М.: Наука, 1994.

как правило, для проведения постмодернистских революций (это наблюдалось в Сербии, Грузии, на Украине и в Киргизии). Моральное или прямое насилие и «политический луддизм» стали важной технологией таких выборов. Эта проблема изучена на материале бывших колониальных стран, но она актуальна и для постсоветских государств. С. Тамбиа пишет: «В ходе подробного исследования, которое я в настоящее время веду по теме недавних этнических беспорядков в Южной Азии, я все более утверждался во мнении, что то, как организуются политические выборы и события, происходящие до, во время и после выборов, можно в известной степени обозначить через понятие рутинизации и ритуализации коллективного насилия».

Автор изложил репертуар «ритуала» коллективного насилия как перечень «организованных, ожидаемых, запрограммированных и повторяющихся черт и фаз внешне спонтанных, хаотических и необузданных действий толпы как агрессора и преследователя».

Государства «переходного типа», такие как недавно освободившиеся от колониальной зависимости или перенесшие катастрофический слом прежней государственности (постсоветские), имеют систему институтов и норм в крайне неравновесном состоянии. По структуре эта система напоминает постмодернистский текст, в котором смешаны архаика и современность с их несовместимыми стилями. В качестве примера один автор приводит для РФ «феноменальную госсимволику (в частности, систему государственных наград, в которой орден Красной Звезды существует вместе с орденом Андрея Первозванного), отсутствие общих воззрений

на собственное прошлое. Яркий пример — недавнее открытие в Иркутске памятника Колчаку под звуки советского гимна. Вместо государства в России возник комплекс случайных политических институтов, лишенных фундамента и собранных всухую, без раствора».

В таких государствах ряд черт, присущих демократической системе, проявляется не в форме выработанных на Западе условных театрализованных ритуалов, а в жесткой, иногда абсурдной форме. К числу таких черт относится предусмотренное сценарием демократических выборов открытое выражение взаимной враждебности кандидатов и партий¹. В государствах «переходного типа» сцены этой враждебности играют с применением реального или очень жесткого условного (как это было на Украине) насилия.

С. Тамбиа пишет: «Демократические» политические выборы в недавно получивших независимость странах представляют собой один из основных компонентов саги о коллективном насилии. Более того, поскольку в рассматриваемых нами обществах ставки на выборах и их результаты представляются очень высокими и важными, и поскольку выборы позволяют и, фактически, поощряют преднамеренное выражение и осуществление поляризующей враждебности, постольку они впол-

¹ Советского человека, которому приходилось в самом конце 80-х годов выезжать на Запад и наблюдать многопартийные выборы, чрезвычайно поражала необъяснимая враждебность и даже ненависть кандидатов, демонстрируемая ими в ходе выборной кампании. По советским меркам она нарушала все обычные нормы приличия и часто казалась абсурдной — при том, что разницу в программах кандидатов надо было искать с микроскопом.

не могут затмить все ранее имевшиеся случаи периодических вспышек рутинного насилия»¹.

«Бархатных революций», уничтожающих стабильное жизнеустройство с большим потенциалом развития, не могло бы произойти, если бы образованный слой стран «реального социализма» не воспринял бы мыслительных норм постмодерна. Вот культурологические описания и общества, и человека восточно-европейских стран времени «бархатных революций»: «В молодой восточноевропейской интеллигенции реализовалась специфика «неэкономического» типа цивилизационного развития. Восточноевропейское общество первым дало миру образец «человека постмодерна», опередив Запад, который двигался к той же цели иным путем... Оппозицию коммунистическому режиму в Польше, как впоследствии и в других странах региона, составляли не конкретные социальные силы и не интересы отдельных групп общества, а эмоционально окрашенные идеалы и ценности. Приоритет ценностей над интересами отличает человека традиционного общества, как до известной степени и общества постмодерна, от материалистически и рационалистически ориентированного человека эпохи модерна»².

В Польше «Солидарность», втянув большую часть общества в большой и длительный спектакль, превратила массы людей в зрителей, которые оторвались от почвы социальной реальности и были очарованы зре-

¹ Тамбиа С. Национальное государство, демократия и этнонационалистический конфликт // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М.: Наука, 1994.

² Коровицына Н. С Россией и без нее: восточноевропейский путь развития. М.: Алгоритм — ЭКСМО, 2003.

лицем войны призраков. Вот к каким выводам, согласно Н.Коровицыной, приходят теперь социологи, изучавшие ту революцию: «Мало кто, наверное, в то время серьезно задумывался о реальных экономических последствиях происходившего. Вся общественная жизнь была пронизана мифологизмом, а массовые протесты имели характер преимущественно символический. Причем изначально существовало явное противоречие между декларативным принятием идеи общественной трансформации и отсутствием реальной, деятельной поддержки ее реализации. Преобладало мнение, что рано или поздно ситуация исправится автоматически как «естественное вознаграждение за принесенные народом жертвы». Сам протест выражался языком «морального сюрреализма». Для общественных конфликтов в Восточной Европе в целом характерна театральная, ритуальная атмосфера. Особенно это относится к Польше, где наиболее сильны традиции политического символизма».

Более того, «Солидарность» превратила страну не просто в общество спектакля, но в *театр абсурда*. Рабочие своими руками уничтожали какой-никакой, а все же социализм, открывали путь самому тупому и лишенному перспектив капитализму, будучи фундаменталистски привержены именно ценностям солидарного общества, ценностям социализма. Вот анализ Н.Коровицыной, напоминающий протокол вскрытия: «Ценности революции «Солидарности» характеризуются польскими авторами как фундаменталистские. Я.Станицкис назвала сам феномен этой революции «красивым, но политически опасным». «Красивая болезнь» 1980—1981 гг., связанная с появлением и крахом «Солидарности» обер-

нулась «польской драмой»... Радикальные оппоненты режима одновременно принадлежали к числу приверженцев его фундаментальных черт. Период «нормализации», начавшийся в Польше с введения военного положения, характеризуется как ситуация интеллектуального, когнитивного хаоса. Большинство людей в те годы подтверждало существование социального конфликта, но лишь немногие могли определить свое место в нем, понять, по какую сторону баррикад они находятся».

Особое внимание философов привлекла совершенно невероятным сценарием Тимишоара — спектакль, поставленный для свержения и убийства Чаушеску в ходе «полубархатной» революции в Румынии в 1989 г.¹ Изучающий «общество спектакля» итальянский культуролог Дж. Агамбен так пишет о глобализации спектакля, т.е. объединении политических элит Запада и бывшего соцлагеря в серии «бархатных» революций того времени: «Тимишоара представляет кульминацию этого процесса, до такой степени, что ее имя следовало бы присвоить всему новому курсу мировой политики. Потому что там секретная полиция, организовавшая заговор против себя самой, чтобы свергнуть старый режим, и телевидение, показавшее без ложного стыда и фиговых листков реальную политическую функцию СМИ, смогли осуществить то, что нацизм даже не осмеливался вообразить: совместить в одной акции чудовищный Аушвиц и поджог рейхстага.

¹ Убить его (а не просто свергнуть) посчитали необходимым, видимо, потому, что он создал недопустимый для «нового мирового порядка» прецедент — выплатил весь внешний долг Румынии. Чаушеску освободил страну от финансовой удавки — показал, что в принципе можно, хотя и с трудом, выскользнуть из этой петли.

Впервые в истории человечества похороненные недавно трупы были спешно выкопаны, а другие собраны по моргам, а затем изуродованы, чтобы имитировать перед телекамерами геноцид, который должен был бы легитимировать новый режим. То, что весь мир видел в прямом эфире на телеэкранах как истинную правду, было абсолютной неправдой. И, несмотря на то, что временами фальсификация была очевидной, это было узаконено мировой системой СМИ как истина — чтобы всем стало ясно, что истинное отныне есть не более чем один из моментов в необходимом движении ложного. Таким образом, правда и ложь становятся неразличимыми, и спектакль легитимируется исключительно через спектакль. В этом смысле Тимишоара есть Аушвиц эпохи спектакля, и так же, как после Аушвица стало невозможно писать и думать, как раньше, после Тимишоары стало невозможно смотреть на телеэкран так же, как раньше».

В телерепортажах из Тимишоары было видно, что перед камерами выкапывают не тела «расстрелянных секуритате» людей, а трупы, привезенные из моргов — со швами, наложенными после вскрытия. Люди видели эти швы, но верили комментариям дикторов. Этот опыт показал, что при бьющей на эмоции картинке ложь можно не скрывать, люди все равно поверят манипулятору¹. В самые последние годы для постановки кровавых спектаклей привлекаются (неважно, прямо или косвенно) организации террористов. Сам современный терроризм остается плохо изученным, и контро-

¹ Примечательно, что недавно, в декабре 2004 г., откровенный западный фильм об этой страшной провокации был показан по российскому телевидению. Для кого? Не для Путина ли?

лизовать его наличными средствами государственные службы пока не могут.

Тимишоара — крайний случай, в последних версиях «бархатных» революций — «оранжевых» — режиссеры ставят спектакли радостные, толпу соединяют чувством восторга. В одной редакционной статье о событиях на Майдане в Киеве сказано: «Апельсиновые гуманитарные технологи показали, как можно эффективно использовать революционную романтику, столь милую сердцам интеллектуалов и молодежи».

Московский культуролог В.Осипов очарован режиссурой «оранжевой революции» на Украине: «Оранжевая революция» осуществлялась мотивированным и хорошо тренированным активом, в подготовку которого были инвестированы немалые средства. Кроме того, она имела постоянное музыкальное сопровождение. Практически все популярные украинские рок-команды непрерывно выступали на Майдане, задавая всему происходящему возбуждающую, восторженную атмосферу, поддерживая дух праздника... Меня поразило, что организаторам удалось несколько недель сохранять в людях состояние энтузиазма и восторга. С активом палаточного городка все было проще — они жили на Майдане постоянно, получали деньги; но держать в заданном состоянии толпы киевлян и приезжих, ежедневно приходивших на площадь — сложная и важная гуманитарно-технологическая задача. «Оранжевые» решили ее на «хорошо». Им удалось мобилизовать массовое народное движение. В том числе — у тысяч людей, ставших инструментом производства этой иллюзии».

Вот — свойство хорошо поставленного спектакля эпохи постмодерна — сами зрители становятся «инст-

рументом производства иллюзии». Достаточно сравнительно небольших начальных инвестиций, чтобы запустить двигатель спектакля, а затем он работает на энергии эмоций, самовоспроизводящихся в собранную на площади толпу. Объект манипуляции сам становится топливом, горючим материалом — идет цепная реакция в искусно созданном человеческом «реакторе».

Квалификация режиссеров видна и в том, что в правильной дозировке стимулировались сильные эмоции, вступавшие в резонанс и дающие кооперативный эффект подавления рационального сознания — эмоции восторга и страха. В.Осипов делает такое наблюдение: «Поддерживалась особая атмосфера приподнятости, сдобренной страхом. Лидерам оппозиции нужно было удерживать актив в напряжении известиями о промежуточных победах и все новых угрозах. И они делали это очень искусно»¹.

Важным результатом этих революций-спектаклей становится не только изменение власти (а затем также и других важных в цивилизационном отношении институтов общества), но и порождение, пусть на короткий срок, *нового народа*. Возникает масса людей, в сознании которых как будто стерты исторически сложившиеся ценности культуры их общества, и в них закладывается, как дискета в компьютер, пластинка с иными ценностями, записанными где-то вне данной культуры.

Р.Шайхутдинов пишет о том, что происходило на Майдане и на что с остолбенением смотрела и старая власть, и здравомыслящая (не подпавшая под очаро-

¹ Осипов В. «Со-общение», 2005, № 1.

вание спектакля) масса украинцев: «Этот новый народ (народ новой власти) ориентирован на иной тип ценностей и стиль жизни. Он наделен образом будущего, который действующей власти отнюдь не присущ. Но действующая власть не видит, что она имеет дело уже с другим — не признающим ее — народом!»

Создание «нового народа» (или даже новой нации) в ходе подобных революций — один из ключевых постулатов их доктрины. Так при разрушении государственности всего СССР в массовое сознание было запущено понятие-символ «новые русские». Вот как объясняли появление этого «нового народа» идеологи, которые готовили большую «бархатную революцию» 1991 г. в Москве. В газете «Утро России» (органе Демократического союза) в марте того года Вадим Кушнир пишет в статье «Война объявлена, претензий больше нет»: «Вот почему я за войну. Война лучше худого лживого мира. После взрыва, находясь в эпицентре сверхситуации, ведя войну всех со всеми, мы сумеем стать людьми. Страна должна пройти через испытания... Война очищает воздух ото лжи и трусости.

Нынешняя «гражданка» скорее будет напоминать американскую, между Севером и Югом... Сражаться будут две нации: *новые русские* и *старые русские*. Те, кто смогут прижиться к новой эпохе, и те, кому это не дано. И хотя говорим мы на одном языке, фактически мы две нации, как в свое время американцы Северных и Южных штатов... Скоро, очень скоро у нас у всех появится свобода выбора. Поверьте, это очень увлекательное занятие».

Таким образом, «оранжевые революции», как революции эпохи постмодерна, отличаются от револю-

ций эпохи модерна очень важным и трудно осознаваемым свойством. Они «включают» и в максимально возможной степени используют спланируемый и разрушительный ресурс *этничности*. Революции индустриальной эпохи, даже будучи мотивированы задачами национального освобождения, спланировали своих сторонников рациональными идеалами *социальной справедливости*. Они шли под лозунгами классовой борьбы, под знаменем интернационализма людей труда и, можно сказать, маскировали этничность социальной риторикой.

Постмодерн отверг эту рациональность, уходящую корнями в Просвещение и представленную в данном случае прежде всего марксизмом и близкими к нему идеологиями. Отвергая ясные и устойчивые структуры общества и общественных противоречий, постмодерн заменяет класс этносом, что и позволяет ставить насыщенные эмоциями политические спектакли, из которых исключается сама проблема истины. Здесь открывается пространство для ничем не ограниченной мифологии, ценность которой определяется только ее эффективностью.

Опыт показал, что политизированная этничность может быть создана буквально «на голом месте» в кратчайшие сроки, причем одновременно с образом врага, которому разбуженный этнос обязан отомстить или от которого должен освободиться. Достигаемая таким образом сплоченность и готовность к самопожертвованию по своей интенсивности не идут ни в какое сравнение с тем, что обеспечивают мотивы социальной справедливости или повышения благосостояния. При этом большие массы образованных людей могут

прямо на глазах сбросить оболочку цивилизованности и рациональности и превратиться в архаичную фанатичную толпу. Власть, действующая в рамках рациональности Просвещения, с такой толпой в принципе не способна конструктивно взаимодействовать (что и показали, например, события конца 80-х и 90-х годов в Средней Азии, на Кавказе и в Югославии).

В ряде случаев сдвиг к рациональности постмодерна провоцирует нежелательную этнизацию и архаизацию обществ, как это происходит, например, в развивающихся странах, переживающих новый всплеск трайбализма, усиления родоплеменного сознания и организации. Не менее сложные проблемы обещает неожиданный возврат, казалось бы, навсегда ушедшего в прошлое этнического сознания в странах Запада. Но чаще всего агрессивное этническое сознание разжигается в государствах переходного типа в политических или преступных целях.

На эту способность духовной матрицы постмодерна провоцировать и искусственно интенсифицировать этногенез, указывают и антропологи. Дж. Комарофф задается вопросом, не используется ли эта способность как средство утопить борьбу за разрешение социальных противоречий в хаосе межэтнических столкновений. Он пишет: «О нашем времени часто говорят как о периоде множественности форм субъектности, расплывчатости чувства индивидуальности, как о времени антитоталитарных сил, благодаря которым многое в нашей жизни оказывается непредсказуемым, непоследовательным и полифоничным. Однако неомодернистская политика самоосознания обнаруживает прямо противоположную направленность на такое устрой-

ство мира, при котором от Узбекистана до Юкатана, от Анкориджа до Карфагена и от Порт-Морсби до Порт-Элизабет этничность и национальный статус используются как основы для складывания тоталитарных, сплоченных и высоко централизованных субъектов как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях. Возможно ли считать, что постмодернистское увлечение полиморфизмом является всего лишь извращением, то есть что оно — некий результат этноцентричного евроамериканского буржуазного сознания, отражающего собственную политику безразличия по отношению к требованиям и защите прав обездоленных?»¹

Не будем здесь углубляться в этот вопрос, но отметим лишь, что антисоветские революции в СССР и в Европе, сходная по типу операция против Югославии в огромной степени и с большой эффективностью опирались на искусственное разжигание агрессивной этничности. Технологии, испытанные в этой большой программе, в настоящее время столь же эффективно применяются против постсоветских государств и всяких попыток постсоветской интеграции. Видимо, в недалеком будущем с крупномасштабным применением этого оружия придется столкнуться и Российской Федерации.

Отсюда видно, что эффективно проведенная «оранжевая революция» означает фундаментальное событие в судьбе общества — разрыв непрерывности. Часть населения, подчинившись гипнозу спектакля, выпадает из традиций и привычных норм рациональности пре-

¹ Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтнических государствах. М.: Наука, 1994

дыдущего общества — «перепрыгивает в постмодерн». Но при этом она разрывает и свою связь с реальностью страны, ее новые ценности и «стиль жизни» не опираются на прочную материальную и социальную базу. Будет ли эта реальность меняться так, чтобы прийти в соответствие с новыми ценностями — или всей этой «оранжевой» молодежи придется пройти через период тяжелой фрустрации и вернуться на грешную землю в потрепанном виде? Проблема в том, что сама «рациональность постмодерна» исключает сами эти вопросы и возможность предвидения — один спектакль сменяется другим, и человек не замечает, как становится зрителем-«бомжем», без традиций и без почвы.

БАРХАТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ КАК ПРОГРАММА МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ

«Бархатные революции» в качестве одного из главных своих этапов имеют *уличное* действие невооруженной толпы, как правило, в столице государства. Это — большой политический спектакль, поставленный с применением специальных технических и художественных средств. Он оказывает сильнейшее воздействие на сознание как вовлеченных в толпу людей, так и на зрителей — жителей города и значительной части населения страны, наблюдающих спектакль по телевидению. Практически всегда эти революции становятся общемировым спектаклем, к трансляции которого привлекаются мировые СМИ.

Из этого видно, что главной задачей постановщиков спектакля «бархатной революции» является создание соответствующей их задачам *толпы*. Это означает,

во-первых, привлечение к действию достаточной массы людей, их концентрация в нужных точках городского пространства, удержание их в нужных местах в течение необходимого времени и такая обработка их сознания, чтобы толпа по сигналам режиссеров точно выполняла именно те действия, которые требуются по сценарию. Это достигается посредством манипуляции сознанием, исходя из богатого опыта по изучению толпы как особого типа человеческих коллективов. Сначала практические политики и философы систематизировали эмпирический опыт, позже к этой работе подключилась наука — социальная психология.

Социальная психология имеет в качестве объекта не отдельную личность, а *группы* людей. С точки зрения возможности манипулировать поведением человеческих масс большое значение для возникновения целого большого направления социальной психологии имели книги Гюстава Лебона («Макиавелли массового общества», как называли его недавно) «Психология масс» и «Душа толпы» (1895). Идеи, высказанные Лебоном, дополняли и развивали многие психологи и философы (например, З.Фрейд в книге «Массовая психология и анализ человеческого Я»). На прошедшей в середине 1990-х годов в США дискуссии о месте социальной психологии ее прикладная роль была определена инициатором дискуссии четко — «разработка систематизированных техник формирования образа мыслей и поведения людей в отношении друг друга, то есть разработка поведенческих технологий»¹. Начи-

¹ При этом из литературы по социальной психологии видно, что «коррективы в поведение» эти технологии предполагают вносить *без ведома* субъектов человеческих отношений.

ная с 60-х годов XX века социальная психология перешла к массивированным экспериментальным исследованиям, на базе которых и вырабатывались «поведенческие технологии».

Давно было подмечено, что у человека, который находится в тесном и прямом контакте с большой массой людей, резко меняется сознание. Ницше писал: «Когда сто человек стоят друг возле друга, каждый теряет свой рассудок и получает какой-то другой». Лебон в своей книге «Психология масс» перечисляет подмеченные им особенности толпы как короткоживущего человеческого коллектива. Приведем его тезисы из раздела «Душа толпы».

В толпе «сознательная личность исчезает, причем чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, принимают одно и то же направление. Образуется коллективная душа, имеющая, конечно, временный характер, но и очень определенные черты... Индивид, пробыв несколько времени среди действующей толпы, под влиянием ли токов, исходящих от этой толпы, или каких-либо других причин — неизвестно, приходит скоро в такое состояние, которое очень напоминает состояние загипнотизированного субъекта».

Толпа — качественно новая *система*, а не конгломерат несвязанных единиц. В ней «нет ни суммы, ни среднего входящих в ее состав элементов, но существует комбинация этих элементов и образование новых свойств». Лебон пишет: «Индивид в толпе приобретает сознание непреодолимой силы, и это сознание позволяет ему поддаваться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда бывает один. В толпе же он менее склонен обуздывать эти инстинкты, потому

что толпа анонимна и не несет на себе ответственности. Чувство ответственности, сдерживающее всегда отдельных индивидов, совершенно исчезает в толпе».

Сознание толпы приобретает черты специфической рациональности постмодерна — из этого сознания выпадает проблематика *истины*. Главным критерием, определяющим восприятие толпы, становится привлекательность сообщений. Лебон пишет: «Толпа никогда не стремилась к правде; она отворачивается от очевидности, не нравящейся ей, и предпочитает поклоняться заблуждению, если только заблуждение это прельщает ее. Кто умеет вводить толпу в заблуждение, тот легко становится ее повелителем; кто же стремится образумить ее, тот всегда бывает ее жертвой».

Свойством сознания толпы является нетерпимость, отказ от рационального, диалогического типа рассуждений. Лебон пишет: «Толпе знакомы только простые и крайние чувства; всякое мнение, идею или верование, внушенные ей, толпа принимает или отвергает целиком и относится к ним или как к абсолютным истинам, или же как к столь же абсолютным заблуждениям. Так всегда бывает с верованиями, которые установились путем внушения, а не путем рассуждения... Каковы бы ни были чувства толпы, хорошие или дурные, характерными их чертами являются односторонность и преувеличение... Сила чувств в толпе еще более увеличивается отсутствием ответственности, особенно в толпе разнокалиберной».

Человек в толпе обладает удивительно высокой *восприимчивостью к внушению*. Лебон пишет: «В толпе всякое чувство, всякое действие заразительно, и притом в такой степени, что индивид очень легко при-

носит в жертву свои личные интересы интересу коллективному. Подобное поведение, однако, противоречит человеческой природе, и потому человек способен на него лишь тогда, когда он составляет частицу толпы... Прежде чем он потеряет всякую независимость, в его идеях и чувствах должно произойти изменение, и притом настолько глубокое, что оно может превратить скупого в расточительного, скептика — в верующего, честного человека — в преступника, труса — в героя. Отречение от всех своих привилегий, вотированное аристократией под влиянием энтузиазма в знаменитую ночь 4 августа 1789 года, никогда не было бы принято ни одним из ее членов в отдельности».

Лебон много места уделяет *изменчивости* толпы — ее удивительной способности моментально, «все разом» реагировать на импульсы, получаемые от вожаков. Это показывает, что человек в толпе действительно обладает новым качеством, становится элементом новой системы. Он не обдумывает свои действия, а мгновенно подчиняется полученному каким-то образом сигналу.

Наконец, Лебон выдвигает одно важное положение, которое, видимо, опережало его время и, наверное, вызывало у современников удивление. Но сегодня, с развитием радио и телевидения, оно стало очень актуальным. Суть его в том, что для образования толпы не является необходимым физический контакт между ее частицами. Лебон пишет: «Тысячи индивидов, отделенных друг от друга, могут в известные моменты подпадать одновременно под влияние некоторых сильных эмоций или какого-нибудь великого национального события и приобретать, таким образом, все черты одухотворенной толпы... Целый народ под дейст-

вием известных влияний иногда становится толпой, не представляя при этом собрания в собственном смысле этого слова».

Именно это мы и наблюдаем в последние десятилетия: население, подверженное постоянному воздействию масс-культуры и телевидения, превращается в огромную виртуальную толпу. Эта толпа находится не на площади, а в уютных квартирах у телевизоров, но вся она не структурирована и слушает одних и тех же лидеров и пророков, не вступая с ними в диалог.

Все перечисленные свойства толпы оказываются присущи тем толпам, которые организуются для совершения «бархатных» революций. О событиях на Украине А. Чадаев пишет: «О прочих условиях, вроде международного давления, массового выражения вдруг появившейся «гражданской позиции» звездами искусства и спорта, возникновения субкультуры народно-революционного творчества, ритуального шельмования тех немногочисленных заметных одиночек, которые посмели выступить против «восставшего народа» в поддержку «Страшного Кровавого Режима», не стоит и говорить — это следствия [главного] условия: ситуации разгоревшегося пожара, на который сбегаются все, кому не лень».

В обращении к толпе в ходе таких революций политики применяют все главные средства манипуляции сознанием. Первым таким средством можно считать постоянное повторение *магических слов-заклинаний*. Воздействуя на духовную сферу человека, слово порождает многоплановый цепной процесс, обладающий кооперативным эффектом. Пробужденное словом чувство усиливает ход мысли, вызванной этим словом, а в

воображении возникают и начинают жить своей жизнью *образы*. Лебон писал: «Могущество слов находится в тесной связи с вызываемыми ими образами и совершенно не зависит от их реального смысла. Очень часто слова, имеющие самый неопределенный смысл, оказывают самое большое влияние на толпу. Таковы, например, термины: демократия, социализм, равенство, свобода и т.д., до такой степени неопределенные, что даже в толстых томах не удастся с точностью разъяснить их смысл».

Культуролог из Москвы В.Осипов высоко оценивает владение этой техникой вождей «оранжевой революции»: «Слово *свобода* вообще звучало повсюду. Как и тема сознательного, ответственного народа... Это было как бы ответом на якобы фальсификацию выборов — то есть на попытку лишить народ возможности что-то решать... Ющенко сыграл хорошо — объявил людям: вас хотели обмануть. Вас считают за быдло. Но вы — не быдло, вы — народ и скажете свое слово, от которого зависит все».

Все эти слова, которые Ющенко бросал в толпу, не имеют жесткого конкретного содержания. Их функция — сплотить людей в толпу общей идентификацией («мы — не быдло»), наэлектризовать привлекательным магическим словом *свобода*. В столкновении с запрограммированным сознанием этой толпы проиграла типичная русско-советская рациональность — и элиты, и массы шахтеров и рабочих. И Янукович, и его избиратели говорили о тех ценностях, которые были для них очевидными и самыми важными и, как им казалось, должны были быть самыми важными для всех. Эти ценности — восстановление украинского хозяйства, рост

производства угля и стали, повышение пенсий и заработной платы, политическая стабильность и порядок.

Язык Майдана был совсем другим, с точки зрения шахтеров Донбасса или металлургов Кривого Рога *иррациональным*. Там говорили и думали о свободе, Европе и рок-музыке. В.Осипов пишет: «Ющенко говорил удивительные вещи (ничего подобного украинцы не слышали никогда): вы навсегда запомните эти дни! Они пересекут вашу жизнь чертой! Вы никогда уже не будете прежними! Здесь и сейчас вы стали народом, решающим судьбу страны! Вы будете рассказывать внукам, что были с нами на Крещатике. Не дайте поставить себя на колени!»

В этих речах отсутствовала логика, но они оказывали сильное воздействие на чувства. Но в большой манипуляции сознанием игра на чувствах — обязательный этап. Лебон писал: «Массы никогда не впечатляются логикой речи, но их впечатляют чувственные образы, которые рождают определенные слова и ассоциации слов». Он особо подчеркивал, что «в своей вечной борьбе против разума чувство никогда не бывало побежденным».

Умелый руководитель толпы должен постоянно поддерживать ее состояние радостного возбуждения и веру в победу. В.Осипов пишет о том, как выполнялось это правило в Киеве: «Тимошенко кричала, что уже и депутаты Европарламента надели оранжевые галстуки, и в Москве на машинах оранжевые ленточки висят. В ее речах это звучало рефреном (который хором подхватывали): Сегодня Киев — завтра Москва».

Американский социолог Г. Блумер в работе «Коллективное поведение» пишет: «Функционирование про-

паганды в первую очередь выражается в игре на эмоциях и предрассудках, которыми люди уже обладают». Кроме того, в области чувств легче создать «цепную реакцию» — *заражение*, эпидемию чувств. Здесь издавна известны явления, которых нет в индивидуальной психике, — *подражание*, стихийное распространение массового чувства. Наблюдатель событий в Киеве пишет: «Множество людей повязывают себе оранжевые повязки — символы принадлежности к оппозиции — на все части тела: руки, ноги, голову. Автовладельцы привязывают оранжевые ленточки на антенны, на зеркала, на колеса, ставят флажки внутри салона, ночами носят по городу и сигналият в поддержку Ющенко (три сигнала — по количеству слогов в фамилии Ющенко). Безусловно, эта массовая истерия явно не оплачена»¹. Украинское телевидение передавало даже репортажи о киевлянах, выводивших на улицу своих кошек и собак с повязанными оранжевыми ленточками.

Едва ли не главным чувством, которое шире всего эксплуатируется в манипуляции сознанием, является *страх*. Есть даже такая формула: «Общество, подверженное влиянию неадекватного страха, утрачивает общий разум». Поскольку страх — фундаментальный фактор, определяющий поведение человека, он всегда используется как инструмент управления. Причем используется не страх, отвечающий на реальную опасность, а страх иллюзорный, «невротический», который создается в воображении, в мире символов, в «виртуальной реальности».

¹ Вальцев С. Украинский раскол как он есть // «Дуэль», 2005, № 2 (402).

Мы видели проявления такого иррационального страха в большой «бархатной» революции в Москве в августе 1991 г. М. Леонтьев писал тогда в «Независимой газете»: «Никогда ни в одном государстве мира военный переворот не означал такой физически ощутимой угрозы жизни для десятков тысяч предпринимателей. И никогда демократия не получала столь единодушной поддержки от бизнеса». Представьте только — ожидать, что ГКЧП поставит к стенке «десятки тысяч предпринимателей»!

«Щепотку страха» добавляли к своим вызывающим эйфорию лозунгам и вожди «оранжевой революции» на Майдане. В.Осипов пишет: «Речи лидеров оппозиции — Ющенко, Тимошенко, других — были очень хорошо построены. Их смысл сводился к тому, что любой новый ход оппозиции объявлялся очередной победой, но при этом всегда подчеркивалось, что нельзя расслабляться, нельзя уходить с Майдана! В каждом выступлении звучало: власть уже кому-то раздает дубинки, прибыли толпы люмпенов из Донецка, где-то прячется московский спецназ... Утверждалось: мороз приходит из Кремля!»

Толпа верила этому. Процитированный выше наблюдатель (А.Вальцев) пишет о настроениях на Майдане: «Их (в том числе состоятельных людей и существенную часть интеллигенции, студентов и старшеклассников) легко запутать, обмануть... По отношению к украинскому избирателю применялись отточенные до деталей западными политтехнологами методы оболванивания больших масс людей. Избирательная кампания Ющенко — это сплошной черный пиар, цель которого разжечь антирусские настроения и заставить поверить, что украинцы живут плохо из-за России. Абсолютное

большинство ющенковцев верит в то, что в Украину приехал русский спецназ, готовый убивать беззащитных украинцев. Все видели этот эфемерный спецназ, а отличили его поговору. Люди верили не только в ахи-нею про русский спецназ, но и про российские войска на границе, про тайные планы вторжения российских войск, про то, что русские обворовывают бедных украинцев и т.д.»¹.

Трудно поверить, что образованные люди в Киеве верили в страшный русский спецназ, но это так. Уже с конца XIX века ряд европейских ученых (особенно Гюстав Лебон) акцентировали внимание на значении *внушения* в общественных процессах. Лебон много писал о податливости внушению как общем свойстве толпы: «Первое формулированное внушение тотчас же передается вследствие заразительности всем умам, и немедленно возникает соответствующее настроение». Была даже выдвинута гипотеза о наличии у человека «инстинкта подчинения». В 1903 г. русский психофизиолог В.М.Бехтерев издал книгу «Внушение и его роль в общественной жизни». Он описал явление массового внушения под влиянием «психического заражения», то есть при передаче информации с помощью разных знаковых систем.

Лебон неоднократно возвращается к роли образов в программировании поведения: «Толпа мыслит образами, и вызванный в ее воображении образ в свою очередь вызывает другие, не имеющие никакой логической связи с первым... Толпа, способная мыслить только образами, восприимчива только к образам. Только обра-

¹ Вальцев С. Украинский раскол как он есть // «Дуэль», 2005, № 2 (402).

зы могут увлечь ее или породить в ней ужас и сделаться двигателями ее поступков».

Поэтому помимо чувств важнейшим объектом манипуляции сознанием является воображение — превращение какой-то частички реальности в образ, создаваемый сознанием (фантазией) человека. Лебон писал в книге «Душа толпы»: «Могущество победителей и сила государств именно-то и основываются на народном воображении. Толпу увлекают за собой, действуя главным образом на ее воображение... Не факты сами по себе поражают народное воображение, а то, каким образом они распределяются и представляются толпе. Необходимо, чтобы, сгущаясь, если мне будет позволено так выразиться, эти факты представили бы такой поразительный образ, что он мог бы овладеть всецело умом толпы и наполнить всю область ее понятий. Кто владеет искусством производить впечатление на воображение толпы, тот и обладает искусством ею управлять».

Когда читаем речи ораторов «бархатных» и «оранжевых революций», можно видеть, что они строятся не из рациональных понятий и категорий, а именно из образов. Они заполняют пространство, как призраки — народ и быдло, «донецкие урки», русский спецназ... Максимальной подвижностью и уязвимостью перед манипуляцией обладает сочетание двух «гибких» миров — воображения и чувств. Говорят, что эмоции — основные деятели в психическом мире, а образы — строительный материал для эмоций. Карл Густав Юнг пишет: «Образы, созданные воображением, существуют, они могут быть столь же реальными — и в равной степени столь же вредоносными и опасными, — как физические обстоятельства. Я даже думаю,

что психические опасности куда страшней эпидемий и землетрясений».

Исключительно сильная комбинация воображения и чувств возникает при воздействии на сознание образа *крови* и гибели людей, особенно гибели невинных. При этом образ крови воздействует на сознание по-разному в зависимости от того, как он *интерпретируется* теми источниками информации, которые захватили внимание массы. Во время «путча ГКЧП» в Москве в августе 1991 г. гибель трех юношей (причем в результате несчастного случая) стала важной вехой в процессе ликвидации советского государства, — а расстрел из танков здания Верховного Совета, наполненного безоружными людьми, в октябре 1993 г. прямого активизирующего эффекта на массовое сознание не произвел — «интерпретаторы» сумели это воздействие нейтрализовать.

От того, в какой мере удастся революционерам захватить те центры, из которых ведется интерпретация текущих событий, во многом зависит успех всей «бархатной» революции. На Украине оппозиция эту схватку выиграла, она завоевала «символическую власть». Р.Шайхутдинов пишет: «Символическая власть, или власть интерпретаций — контроль того, как люди понимают и воспринимают события и ситуации с использованием механизмов коммуникации. Власть направляет и подсказывает: что важно, а что нет, на что обратить внимание, а на что не надо, что существует, а чего нет совсем. Действующая в этой плоскости власть не дала бы транслировать клятву Ющенко на Библии в верности украинскому народу на всю страну».

Выше говорилось, что «бархатные революции» действуют в пространстве *общества спектакля*, их усло-

вием является предварительное превращение граждан в толпу зрителей. Но в манипуляции сознанием театрализация имеет и буквальное значение, как использование специальных театральных эффектов и технических средств. Лебон уделял большое внимание воздействию театра на толпу. Он писал: «Театральные представления, где образы представляются толпе в самой явственной форме, всегда имеют на нее огромное влияние... Ничто так не действует на воображение толпы всех категорий, как театральные представления».

Присущий театру кооперативный эффект комбинации текста и образа связан с тем, что соединяются два разных типа восприятия, которые входят в резонанс и взаимно «раскачивают» друг друга — восприятие *семантическое* и *эстетическое*. Самые эффективные средства информации всегда основаны на контрапункте, гармоничном многоголосии, соединении смысла и эстетики. Они одновременно захватывают и мысль, и художественное чувство (говорят, что «семантика убеждает, эстетика обольщает»).

На этом основана сила воздействия *театра* (текст, звук голосов, цвет, пластика движений) и особенно оперы. Воздействуя через разные каналы восприятия, сообщение, «упакованное» в разные типы знаков, способно длительное время поддерживать интерес и внимание человека. Поэтому эффективность его проникновения в сознание и подсознание несравненно выше, чем у «одноцветного» сообщения. Соединение многих знаковых систем в театре создает совершенно новое качество, благодаря чему *зрительный зал* образует специфическую «очарованную» толпу.

Лебон отметил важную вещь: «Часто совсем невозможно объяснить себе при чтении успех некоторых те-

атральных пьес. Директора театров, когда им приносят такую пьесу, зачастую сами бывают не уверены в ее успехе, так как для того, чтобы судить о ней, они должны были бы превратиться в толпу».

Это в полной мере учли организаторы «оранжевой революции». В.Осипов пишет: «Сцены стояли во всех стратегических пунктах: у здания правительства, у Рады, на площадях. Шоу, песни, музыканты использовались «оранжевыми» как оружие революции. То есть именно так, как мы планировали в 2002 году, работая с группой «Скрябин» — концерты прошли тогда в Киеве. Конечно же, менеджеры проекта «Оранжевая революция» были в курсе наших начинаний и использовали опыт кампании Озимого Поколения»¹.

Все наблюдатели, изучавшие ход «оранжевой революции» на Украине, отмечали умелое сочетание множества каналов воздействия на массовое сознание — текста и образов, музыки и пластики, света и цвета. Для этого применялись и самые современные специальные эффекты. В.Осипов пишет: «Тут важно подчеркнуть интересные технические аспекты. Представьте себе: Ющенко, выступая на Майдане, выкрикивает лозунг. И тут же он высвечивается лазером на стенах домов. Толпа скандирует речовку, и снова — лазерная графика. Технически революционеры были оснащены великолепно. То есть для подключения масс к измененному состоянию сознания задействовались все каналы восприятия — слух, зрение...»

В «бархатных революциях» мы видим применение особого языка — коротких (иногда из одного сло-

¹ В.Осипов говорит о его работе политтехнологом на Украине в выборной кампании в Верховную раду группы кандидатов, которая имела условное название «Озимое поколение».

ва) лозунгов, которые непрерывно повторяются — и в виде графических образов, и в речи вождей революции с трибун, и в скандировании толпы. Человеку всегда кажется убедительным то, что он запомнил, даже если запоминание произошло в ходе чисто механического повторения, как назойливой песенки. Внедренное в сознание сообщение действует уже независимо от его истинности или ложности. А. Моль подчеркивает: «На этом принципе и основана вся пропагандистская деятельность и обработка общественного мнения прессой». Еще раньше ту же мысль выразил Геббельс: «Постоянное повторение является основным принципом всей пропаганды».

Упрощение позволяет высказывать главную мысль, которую требуется внушить аудитории, в «краткой, энергичной и впечатляющей форме» — в форме *утверждения* (как приказ гипнотизера — приказ без возражения). Как пишет С. Московичи, «утверждение в любой речи означает отказ от обсуждения, поскольку власть человека или идеи, которая может подвергаться обсуждению, теряет всякое правдоподобие. Это означает также просьбу к аудитории, к толпе принять идею без обсуждения такой, какой она есть, без взвешивания всех «за» и «против» и отвечать «да» не раздумывая».

За последние десятилетия СМИ стали важным фактором укрепления этого типа мышления. Они приучали человека мыслить стереотипами и постепенно снижали интеллектуальный уровень сообщений так, что превратились в инструмент оглупления. Этому послужил главный метод закрепления нужных стереотипов в сознании — *повторение*. С.Московичи писал в «Учении о массах»: «Грамматика убеждения основывается на утверждении и повторении, на этих двух главенствующих

щих правилах». Он приводит слова Лебона: «Повторение внедряется в конце концов в глубины подсознания, туда, где зарождаются мотивы наших действий».

Повторение — один из тех «психологических трюков», которые притупляют рассудок и воздействуют на бессознательные механизмы. При интенсивном употреблении этого приема стереотипы усиливаются до устойчивых предрассудков, человек тупеет. С.Московичи пишет: «Повторение придает утверждениям вес дополнительного убеждения и превращает их в навязчивые идеи. Слыша их вновь и вновь, в различных версиях и по самому разному поводу, в конце концов начинаешь проникаться ими... Будучи навязчивой идеей, повторение становится барьером против отличающихся или противоположных мнений. Таким образом, оно сводит к минимуму рассуждения и быстро превращает мысль в действие, на которое у массы уже сформировался условный рефлекс, как у знаменитых собак Павлова... С помощью повторения мысль отделяется от своего автора. Она превращается в очевидность, не зависящую от времени, места, личности. Она не является более выражением человека, который говорит, но становится выражением предмета, о котором он говорит... Повторение имеет также функцию связи мыслей. Ассоциируя зачастую разрозненные утверждения и идеи, оно создает видимость логической цепочки».

Как только появляется эта видимость, облегчается захват аудитории из интеллигенции. Теперь интеллигент может с легким сердцем верить любому абсурду, потому что в его сознании не протестует логика — «полиция нравов интеллигенции».

Важнейшим средством (и признаком) манипуляции сознанием в политике является *замалчивание проекта*. Проект заменяется *политическим мифом*. Поэтому общее правило манипуляции при обращении к толпе — уклончивость в изложении позиции, использование туманных слов и метафор. Ясное обнаружение намерений и интересов, которые отстаивает «отправитель сообщения», сразу включает психологическую защиту тех, кто не разделяет этой позиции, а главное, побуждает к мысленному диалогу, а он резко затрудняет манипуляцию.

Иными словами, политик, собирающий под свои знамена граждан, тщательно избегает говорить о цели своего «проекта», о том, что ждет граждан и страну в том случае, если он с помощью их голосов (или действий) придет к власти. Вся его явная пропаганда сводится к обличению противника, причем к обличению главным образом его «общечеловеческих» дефектов: попирает свободу, поощряет несправедливость, врет народу, служит вражеским силам и т.д. Из всех этих обличений вытекает, что при новом режиме всех этих гадостей не будет, а воцарится свобода, справедливость, нравственность, трезвость и т.д.

Первыми признанными мастерами такой пропаганды были якобинцы во время Великой французской революции. Большое историческое исследование ее проделал в год ее столетнего юбилея П.Кропоткин. Он взглянул на нее по-новому, и она потрясла цинизмом нового типа пропаганды. Из всей совокупности речей и текстов, возбуждающих ненависть к старому режиму, абсолютно невозможно было «вычислить» тот проект будущего жизнеустройства, который стоял за отрицанием. И дело было не в том, что революция все-

гда заводит не совсем туда, куда обещали революционеры. Якобинцы сознательно умалчивали о своих намерениях.

Все «бархатные революции», включая ядро этой системы переворотов — перестройку Горбачева, — отличаются тем, что временное сплочение общества для разрушения прежней государственности достигалось исключительно путем *мифологизации прошлого*. Не допускалось никакого диалога относительно будущего жизнеустройства, единственной и главной целью было разрушение прошлого, ибо **так жить нельзя!** Пресекались всякие попытки даже задать вопрос о проекте. Горбачеву даже пришлось прямо высказаться по этому поводу: «Нередко приходится сталкиваться с вопросом: а чего же мы хотим достигнуть в результате перестройки, к чему прийти? На этот вопрос вряд ли можно дать детальный, педантичный ответ».

Это обман, никто и не просил педантичного ответа, спрашивали об общей цели. Когда писатель Ю.Бондарев задал предельно общий вопрос («Вы подняли самолет в воздух, куда садиться будете?»), его представили чуть ли не фашистом. Риторика этих революций была несовместима с нормами рациональности и просто со здравым смыслом, в заявлениях политиков не было ни логики, ни разумной меры.

После ликвидации СССР в декабре 1991 г. М.С.Горбачев заявил: «Мои действия отражали рассчитанный план, нацеленный на обязательное достижение победы... Несмотря ни на что, историческую задачу мы решили: тоталитарный монстр рухнул!» Мыслимо ли слышать такие слова от верховного правителя о своем государстве, которому он присягал на верность?

Вот рассуждения М.С.Горбачева о роли государства в экономике, построенные, как и все остальные рассуждения, в манипулятивном ключе. Он пишет: «Отличительной особенностью советской тоталитарной системы было то, что в СССР... человек был поставлен в полную материальную зависимость от государства, которое превратилось в монопольного экономического монстра».

Это не вяжется со здравым смыслом и логикой. Почему государство, обладая собственностью, становится «монстром»? А почему не монстр частная корпорация «Дженерал электрик», собственность которой побольше, чем у многих государств? Почему, если собственность государственная, человек «поставлен в полную материальную зависимость от государства» — а, например, не от своего труда? В чем реально выражалась «полнота» этой зависимости? Чем в этом смысле государственное предприятие хуже частного? Почти во всех отношениях оно для *работников* как раз лучше, это подтверждается и логикой, и практикой. А об интересах будущих «капиталистов» Горбачев ни слова не говорил.

Горбачев вытаскивает из нафталина троцкистский тезис об «отчуждении» работника в СССР: «Массы народа, отчужденные от собственности, от власти, от самостоятельности и творчества, превращались в пассивных исполнителей приказов сверху. Эти приказы могли носить разный характер: план, решение совета, указание райкома и так далее — это не меняет сути дела. Все определялось сверху, а человеку отводилась роль пассивного винтика в этой страшной машине».

Это — примитивная схоластика манипулятора, имеющая целью подавить разум человека потоком слов. Почему же люди, имевшие надежное рабочее место на предприятии и широкий доступ к культуре (в том числе к изобретательской деятельности), становились «отчужденными от самодеятельности и творчества»? Все это пустые слова, нечего тут ломать себе голову в поисках смысла.

Вот Горбачев рисует страшный образ «приказов сверху». А как же иначе может жить человек — не в джунглях, а в цивилизованном обществе? Люди обязаны ценить организацию общества, а иначе оно превратится в джунгли. И как понять, что хотя «приказы могли носить разный характер», это не меняет сути дела? Как такое может быть? «План, решение совета, указание райкома, сигналы светофора и так далее» — все это разные способы координации и согласования наших усилий и условий нашей жизни. Почему же им не надо подчиняться? Почему, если ты следуешь обдуманному плану действий, ты становишься «винтиком в этой страшной машине»? Как могли миллионы образованных людей этому аплодировать!

А вот способ обращения с понятиями и мерой. В разговоре на телевидении с В.Познером (в марте 2005 г.) Горбачев походя выдает такую сентенцию: «То есть, вообще говоря, надо было менять структуру. Ведь всего 8—10 процентов фондов работало на обеспечение жизненных условий людей. Все остальное работало или само на себя, или на оборону».

Это миф, доведенный до абсурда. Только ЖКХ (жилье, теплоснабжение, водопровод и пр.), то есть жизнеобеспечение в самом прямом смысле слова, составляло

около трети фондов страны. Еще треть фондов — сельское хозяйство и транспорт. Что значит, например, что фонды свинофермы или Московского метро «работали сами на себя»? И разве оборона не «работает на обеспечение жизненных условий людей»? Да задумывался ли когда-нибудь этот Главнокомандующий Вооруженными силами СССР, зачем вообще нужна оборона?

Столь же абсурдна и мифологична трактовка прошлого у предводителя «бархатной революции», ставшего президентом Чехословакии, В.Гавела: «Нашим воздухом нельзя дышать, нашу воду нельзя пить. Рождаются больные дети, так как родители вместо кислорода дышат серой, вместо воды пьют нефть с хлором. Мы разрушили или запустили прекрасные города и села. Покрыли страну крольчатниками, в которых нельзя жить, можно только спать и смотреть телевизор. Умирают наши леса. Десятки тысяч людей работают ради того, чтобы жить все хуже. Крупнейшие машиностроительные заводы зарабатывают не деньги, а долги. Через несколько десятков лет наша земля перестанет родить. Наша экономика во главе таблицы тех, кто зря расходует энергию. Наши деньги — не деньги, за них ничего не купить в двух километрах за Шумахой. Большинство больниц не выполняют своей миссии, а тысячи врачей заполняют бумаги, которые после них никто не читает. Миллионы людей делают бессмысленную работу. Наши студенты не ездят летом по Европе, не знают языков, не узнали, кто такой Шекспир, потому что должны были изучать, что коммунизм является вершиной истории мира»¹.

¹ «Известия». 1990, 13 апреля.

Представьте: до «бархатной революции» жители ЧССР «вместо кислорода дышали серой, вместо воды пили нефть с хлором»! Это уже не метафоры и не гиперболы, это заклинания шамана. «Наши деньги — не деньги, за них ничего не купить в двух километрах за Шумавой». Почему же они не деньги, если перед Шумавой за них можно было купить практически то же самое, что иностранцы за Шумавой покупают на тамошние деньги? «Наши студенты не ездят летом по Европе, не узнали, кто такой Шекспир»! До какого состояния надо было довести массовое сознание, чтобы люди проглатывали такие вещи. Действительно, «поминки по Просвещению», постмодернизм логики не признает. Никак не устоит эта цивилизация перед Китаем и Индией.

Почему же так эффективен миф в манипуляции сознанием? Политический миф деформирует и «упорядочивает» хаос политической реальности, что становится острой потребностью людей в момент кризиса. Миф *интерпретирует* реальность и создает иллюзию порядка. Миф фабрикуется в лаборатории политтехнологов. Ведущий специалист США по пропаганде Г. Лассуэлл дает такое определение: «Политический миф — это комплекс идей, которые массы готовы рассматривать в качестве истинных независимо от того, истинны они или ложны в действительности».

Конструируя политический миф, политтехнологи создают как образ «сил Добра», так и их противника, «империи зла». Так, Советский Союз в пропаганде США времен Рейгана был представлен не просто как геополитический и идеологический противник, а как воплощение Зла, как враг человечества, которо-

му должна быть объявлена священная война. В глазах американского обывателя это упорядочило мир, сняло стресс неопределенности. Потом на уровень американского обывателя стали ударными темпами переводить и мышление европейцев.

Техника подмены проекта мифом была эффективно применена и в «оранжевых революциях» последних лет. Например, из всех речей Ющенко и Тимошенко нельзя составить никакого связного образа того жизнеустройства, которое они предлагают для Украины в противовес обыденному, но связному проекту их оппонентов. Вместо проекта был предложен миф о *борьбе оппозиции с коррумпированной властью*. Ющенко был представлен как *сила Добра* («борец с режимом»), а Янукович — как *сила Зла* («ставленник режима Кучмы и Москвы»).

Не будем сейчас анализировать всю эту конструкцию, возьмем только миф «борец с режимом». Украинский обозреватель пишет: «Политическая программа и риторика Ющенко эклектичны. Ющенко, как и Кучма, и Янукович, и Саакашвили, и Путин, и Лукашенко — не правый и не левый, не либерал и не консерватор, не фашист и не социал-демократ. Избирателям он предложил «микс» из разваренных до полного безвкусия кусочков либеральных и социалистических идей, провинциального украинского национализма и провинциального же западничества. Но главным компонентом все же был *протест*. Протест против непопулярной «влады», раздробленной, нерешительной, а потому не опасной, т.е. чрезвычайно удобной в качестве мишени...

К несомненным успехам его самого и команды надо отнести навязывание сопернику собственной повестки кампании «*власть против оппозиции*». Кстати, при любой другой повестке Ющенко бы неизбежно проиграл

борьбу за симпатии украинцев. Это и «пророссийский кандидат против прозападного», и «кандидат Востока против кандидата Запада [Украины]», и «кандидат от промышленников против кандидата от спекулянтов» и пр. Себя бывший председатель правления Нацбанка и бывший премьер подавал как оппозицию.

Все наиболее узнаваемые лица «оранжевых» — из «бывших»: Ющенко и Кинах — бывшие премьеры, Тимошенко и Пинзеник — бывшие вице-премьеры, Тарасюк, Головатый — бывшие министры (из пришедших на память, вообще-то их больше), Червоненко — бывший глава Госрезерва, и это не считая целого сонма бывших начальников всевозможных департаментов, ведомств и администраций. Все они — назначенцы если не Кучмы, то Кравчука»¹.

«Антиноменклатурная» установка так долго нагнеталась в сознание советских людей (и либералами XIX века, и троцкистами 20—30-х годов, и «шестидесятниками», и «архитекторами перестройки»), что ушла в подсознание и чуть ли не стала одним из архетипов коллективного бессознательного. Обращение к подсознанию — самая сильная сторона манипуляции сознанием. Это и было учтено. Р.Шайхутдинов пишет: «Люди уже подсознательно верят: политик Ющенко, в отличие от партбюрократа Януковича, не может не вести честную игру».

Действительно, представление Ющенко в плане борьбы противоположностей *оппозиция — власть* было единственной возможностью не дать возникнуть в сознании толпы размышлениям и хотя бы внутреннему диалогу относительно реальных последствий избрания

¹ Сергей Донецкий. 2005. Контр-ТВ.

Ющенко президентом для Украины — и в экономическом, и в геополитическом плане. Для такой ситуации был выбран хорошо изученный и надежный миф.

Классической операцией, завершившей разработку технологии «раскрутки» с помощью такого мифа была кампания по выборам в сенат США в 1966 г. совершенно непроходного кандидата, «самодельного миллионера» М.Шаппа. Его продвигал видный специалист по политической рекламе, президент американской ассоциации политических консультантов Дж.Нейполитен. Он взялся за эту работу не столько ради денег, сколько для отработки технологии. Изучив обстановку, он выбрал главный лозунг кампании — *«Человек против Машины»*. Была разработана легенда о противоборстве Шаппа с «номенклатурным аппаратом».

За мишень для манипуляции было взято «общечеловеческое» чувство недоверия и недоброжелательства к власти и бюрократии. Фактически о Шаппе в рекламном ролике вообще не было речи, ролик просто эффективно разжигал антиноменклатурный психоз. Шапп лишь представлял *Человеком*, бросившим вызов *Машине*. Полученные в ходе этого эксперимента данные расширили возможности манипуляции. Оказалось, что на антиноменклатурной волне можно продвинуть абсолютно непригодного по всем показателям человека.

Эта техника была повторена во время перестройки в СССР. Для Ельцина был выбран и создан имидж «борца с номенклатурой». Для этого не существовало никакого «реального» материала — ни в биографии, ни в личных взглядах Ельцина. Он сам был едва ли не самым типичным продуктом «номенклатурной куль-

туры». Тем не менее, за весьма короткий срок и с небольшим набором примитивных приемов (поездка на метро, визит в районную поликлинику, «Москвич» в качестве персонального автомобиля) имидж был создан и достаточно прочно вошел в массовое сознание.

Наконец, как будто для того, чтобы сделать «оранжевую революцию» на Украине хрестоматийным примером манипуляции сознанием, массовое сознание было возбуждено *сенсацией* — отравлением Ющенко.

Сенсация — это сообщение о событиях, которым придается столь высокая важность, что на них концентрируется и нужное время удерживается почти все внимание публики. Под прикрытием сенсации можно или умолчать о важных событиях, которых публика не должна заметить, или прекратить скандал или психоз, который уже пора прекратить, — но так, чтобы о нем не вспомнили. Сенсационность — это технология. Выработаны даже количественные критерии подбора тех событий, которые можно превратить в сенсацию. Для создания образа Ющенко как «борца с системой» была использована даже его болезнь, которая, казалось бы, должна была бы ухудшить эстетические качества его образа.

Манипулятивный характер раскрученной в СМИ сенсации виден уже из того, что у технологов даже не было необходимости вырабатывать и предлагать правдоподобные версии. Объяснения были зачастую нелепыми, но это совершенно не имело значения — сенсация действует не по законам рациональности.

В СМИ была запущена версия «отравления диоксинами». Но состояние здоровья Ющенко никак не укладывалось в хорошо изученную картину такого отрав-

ления. Свои отравляющие свойства диоксин проявляет при длительном и медленном поступлении в организм малых доз; большую дозу, подмешанную в пищу или питье, можно легко определить по характерному вкусу и запаху. Наконец, сама идея использовать столь труднодоступное, но легко обнаруживаемое вещество при наличии сотен высокоэффективных и трудно определяемых в организме ядов кажется совершенно неправдоподобной.

Тем не менее, было добыто «свидетельство венских врачей», согласно которому Ющенко был отравлен диоксином, «дозой в несколько миллиграммов или в количествах около одного грамма» (!). Как писала западная пресса, «если это соответствует действительности, то речь идет о присутствии в организме самого большого количества отравляющего вещества, которое когда-либо регистрировалось при обследовании пострадавших: прежний рекорд 1998 года, тоже зарегистрированный в Вене, был побит почти в 1000 раз. Тогда, странным образом, 30-летний человек был отравлен с помощью примерно 1,6 миллиграмма диоксина. Во время катастрофы в Севесо в 1976 году самые большие дозы отравления были намного меньше одного миллиграмма».

Пресса была заполнена гремучей смесью ключевых слов и фраз: «яды», «КГБ», «отравление борца за свободу и демократию Ющенко», «Ющенко при смерти»... Чего стоит одно заглавие статьи в «Нью-Йорк Таймс» (20 декабря 2004 г.): «Убийство за столом. Тарелка супа из рук дьявола». Замечательно, что московские демократы сразу увидели «руку КГБ». Их товарищей, оказывается, тоже травил диоксинами. Пресса

писала: «Названные симптомы, внутренние и наружные, по свидетельству очевидцев, напоминают те, что наблюдались перед смертью у нашего коллеги, депутата Юрия Щекочихина. Версию его отравления поддерживают его товарищи по партии «Яблоко».

Когда отпала необходимость, вся эта «сенсация» была тихо свернута, и о ней практически больше никто не вспоминает. Она — всего лишь расходный материал в технологии манипуляции сознанием.

Глава 2

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ НА УКРАИНЕ ПОДМОСТКИ ОРАНЖЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Осенью 2004 г. на Украине должны были пройти выборы президента. Главными кандидатами были В.Янукович (действующий премьер-министр) и В.Ющенко (бывший премьер-министр), который считался «кандидатом от оппозиции». В ходе этих выборов и была проведена «оранжевая революция».

Задолго до этого она готовилась как большая спецоперация США и в целом Запада. Эта подготовка не скрывалась, о ней было довольно много сообщений в западной прессе, и сам этот факт предметом спора не является. Его надо изучать уже как урок истории.

ВЫБОРЫ КАК СПЕЦОПЕРАЦИЯ США

После того, как успешно прошла «революция роз» в Грузии, газета «Wall Street Journal» в своей редакционной статье 11 февраля 2004 г. написала: «Можно надеяться, что теперь наступил черед «каштанового» варианта в Киеве. Украина имеет замечательный шанс повторить грузинский успех народной демократии, но

при условии, что Запад и демократическая украинская оппозиция правильно разыграют свои карты».

Ш. Мамаев отмечает, что «это было первое, еще в сослагательном наклонении, упоминание в прессе об «оранжевой революции». В этой статье нет ни слова про вмешательство России в украинские дела — единственная обозначенная газетой вина Владимира Путина заключается в том, что он подает дурной пример Леониду Кучме. Тем не менее, это не помешало respectable американской газете уже тогда порекомендовать Вашингтону выделить деньги на поддержку Виктора Ющенко, чтобы привести его к власти с помощью «каштановой революции».

Она даже описала, как это сделать: «Наиболее вероятный сценарий состоит в том, что лагерь Кучмы будет пытаться запугать противников и сфальсифицировать итоги голосования. Украинская оппозиция, США и ЕС должны оказать на него необходимое давление. В свою очередь, оппозиция может продемонстрировать ему, что она способна вывести народ на улицы. В этом случае Ющенко мог бы договориться с Кучмой. Вашингтон потратил более 2 млрд. долл., чтобы поддержать свободную и независимую Украину. США могли бы с большей пользой посвятить значительную часть этих средств для поддержки демократических соперников Кучмы, которые делают то же, что делала оппозиция Сербии и Грузии. В ближайшие месяцы диктаторы Белоруссии, Кавказа и Центральной Азии будут внимательно наблюдать за событиями в Киеве»¹.

Таким образом, в феврале 2004 г. уже была принята доктрина, выбран момент и определен сценарий

¹ Мамаев Ш. Фабрика грез. — «Политический журнал», 2005, № 1.

акции. Вплоть до самого ее осуществления она имела условное название «каштановая революция». Как пишет Ш. Мамаев, деньги вскорости были выделены — 28 марта 2004 г. в украинском Интернете появился сайт молодежного движения «Пора». В учредительной декларации движения говорилось: «Стратегия и план кампании структурированы по аналогии с успешно сработавшими добровольческими сетями в Словацкой республике (1998), Сербии («Отпор», 2000) и Грузии («Кхмара», 2002). Из лидеров и технологов этих проектов будет сформирована Международная группа экспертов-консультантов».

Отсюда совершенно ясно происхождение и установки этого движения — к тому времени операция по свержению Милошевича в Сербии и роль в ней организаций США были хорошо изучены. Нисколько не скрывались и общая политическая ориентация «Поры», и ее отношение к России. В декларации говорится о «тоталитарных режимах в России и Белоруссии» и о том, что «Пора» намерена всячески активизировать кампанию по привлечению «нейтральных или плохо информированных граждан» к поддержке идей евроатлантической солидарности с помощью национально-демократических лозунгов.

Главным открыто действующим американским институтом, который занимался организацией «оранжевой революции», был «Freedom House» («Дом свободы»). Вот короткая справка о нем: «Freedom House» возглавляется бывшим главой ЦРУ при Билле Клинтоне Джеймсом Вулси, а финансируется известным американским миллионером, филантропом и политиком

Джорджем Соросом, финансировавшим также смену режимов в Сербии и Грузии».

Позже нью-йоркская газета «Сан» опубликовала репортаж о работе одного сотрудника «Фридом-хаус», который занимался организацией митингов в Киеве. Это А. Каратницкий, сын украинских эмигрантов, он много лет работает во «Фридом-хаус» который, по его словам, и является повивальной бабкой «оранжевой революции».

Как только на Украине началась избирательная кампания, Каратницкий регулярно посещал Украину для встреч с украинской элитой и получателями стипендий «Фридом-хаус». Он сопровождал Ющенко в Нью-Йорк, где организовал ему встречи с американскими политиками. «Фридом-хаус» подготовил 1023 инструктора по выборам, которые контролировали избирательный процесс на Украине. Каратницкий также участвовал в организации лагерей для украинских активистов, которые начали свою работу еще в августе. «Хорваты и сербы, лидеры групп, которые возглавляли гражданскую оппозицию Милошевичу, учили украинских парней, как «контролировать температуру» протестующей толпы», — рассказывает Каратницкий.

Уже в феврале в Киев зачастили высокопоставленные чиновники США с изложением планов большого поворота в политике относительно Украины. Специалист по Балканам И.Замятина вспоминает: «В период, когда разыгрывалась украинская карта, я прочла статью заместителя помощника госсекретаря США по европейским делам в 1997—2000 гг. Роналда Асмуса. Это тот самый период уничтожения Югославии. Выступая на конференции в Киеве в феврале 2004 г., он отметил,

что НАТО и Евросоюз могут добиваться присоединения Украины, «создавая быстро и без лишнего шума новые реалии, с которыми России придется свыкнуться. Такой подход может быть назван «стратегия Nike», так как он основан на девизе этой компании — «Just do it» («Просто сделай это»)»¹.

Судя по косвенным данным, операции было обеспечено щедрое финансирование. А. Головков пишет: «Ющенковских благодетелей можно понять. Украинский революционный проект — самый масштабный и затратный из запущенных в реализацию (затраты — на сотни миллионов долларов как минимум). Конечно, не один Сорос тратится. Кое-что подкинули, надо думать, по линии Госдепартамента США и смежных ведомств, нашлись и местные коспонсоры (прежде всего из так называемого «киевского» олигархического клана, поднявшегося при Кравчуке, удержавшегося при Кучме и, видимо, сделавшего ставку на «нашистов» [движение «Наша Украина»], несмотря на антиолигархическую и националистическую лексику последних). Затраченные деньги надо отбить с наваром и так, чтобы на всех хватило — тут одной «Криворожстали» мало будет»².

Образование для проведения таких спецопераций «комплексных» бригад из политиков, финансистов и специалистов спецслужб стало обычной практикой. Как отмечает Д.Юрьев, здесь имеет место сочетание политической воли руководства США и евробюрократии, с одной стороны, и финансово-политических спе-

¹ Замятина И. «Политический журнал», 2005, № 1.

² Головков А. На пороге заказных переворотов // «Политический журнал», 2004, № 47.

кулянтов (будь то Борис Березовский, Джордж Сорос или Милан Панич), заинтересованных в свержении власти в той или иной стране по причинам экономического и психологического характера. В зародыше кристаллизации «оранжевой революции» всегда находится «политтехнологическая группировка», организуемая и финансируемая из внешнего центра. Она подбирается теми, кто ставит задачи¹.

Вся эта подготовительная работа ни для кого не была секретом. Британская газета «Guardian» писала о том, что за «каштановой революцией» на Украине ясно видна рука Вашингтона. Кампания оппозиции, возглавляемой Виктором Ющенко, организована блестящим и изощренным умом американских политтехнологов, дипломатов и прочих консультантов, писала «Guardian», отмечая, что заказчиком «каштановой революции» стало, несомненно, правительство США.

Газета анализировала события в Сербии и Грузии, где Вашингтону удалось сменить политической режим. Накопленный в этих странах опыт, по мнению издания, американские политтехнологи решили применить и в Киеве. В заключение «Guardian» отмечала, что в случае успеха США продолжат свои действия и в других бывших советских республиках. Вероятнее всего, события повторятся в Молдавии и авторитарных странах Центральной Азии².

Эта работа длилась до самого момента выборов 23 октября 2004 г. 5 октября в Вашингтоне начался круг-

¹ Юрьев Д. Как сделать революцию («Оранжевые политтехнологии»).

- www.edinros.ru/forum.html?FID=161&page=3&FThrID=110391416910

² «США делают все, чтобы Россия не стала сверхдержавой» // RBC.ru, 06.12.2004.

лый стол «Путь Украины к зрелой национальной державности», в работе которого приняли участие Кондолиза Райс, Дж. Хербст (посол на Украине), Стивен Пайфер, несколько десятков украинских народных депутатов. 21—22 октября на Украине «с частным визитом» находился бывший советник президента США по вопросам национальной безопасности, бывший Государственный секретарь США Генри Киссинджер. Все это персоны высшего ранга.

И на самой Украине, и среди российских политологов выборы 2004 г. так и воспринимались — по выражению А.Бузгалина, как «столкновение проамериканского Запада Украины, поддерживаемого деньгами и специалистами Европейского Союза и США, и про-российского Востока, традиционно связанного с нашей страной экономическими и культурными узами и до, и во время СССР»¹.

ВЫБОРЫ НА УКРАИНЕ: ОБЩИЙ ФОН

Украина состоит из двух частей, культурные традиции и этнический состав которых существенно различаются. Север и Центр Украины составляют территорию собственно Малороссии — земель, постепенно отходивших от Польши к России с 1654 г., со времен Богдана Хмельницкого. В основном аграрная западная часть (Галиция, Волынь, Буковина и Закарпатье) — веками жила на землях, в которых правили Польша и Австрия (кроме Волыни, отошедшей к России в кон-

¹ Бузгалин А. Майдан: народная революция или ...? - www.apn-nn.ru/diskurs_s/25.html, 2005.

це XVIII века; Буковиной же в определенные периоды владели и Венгрия с Турцией). Это земли, не входившие в СССР до 1939 г. На западе Украины, прежде всего, в Галиции и Волыни, — центр украинского национализма. Индустриальные восточная и южная части Украины — земли, никогда не находившиеся под властью Польши. Это либо Слобожанщина (до Богдана Хмельницкого — приграничная лесостепная территория русского государства, на которой селились украинские беженцы от польских притеснений), либо территория Запорожской Сечи, либо Донбасс и Новороссия — южная часть нынешней Украины, отвоеванная Россией у Турции и Крымского ханства. В городах Востока и Юга Украины, заселенных в один и тот же исторический период выходцами из Великороссии и Малороссии, говорят на русском языке, а в селах встречается и русская, и украинская речь.

Поскольку этот фактор сыграл важную роль в «оранжевой революции», полезно сделать небольшой экскурс в историю украинского национализма. В столетнем холодно-горячем геополитическом противостоянии Запада с Россией важную роль играло и играет политизированное этническое самосознание части населения Украины. В его формировании и «боевом» использовании можно выделить две больших программы — начала и конца XX века. «Оранжевая революция» во многом опиралась на результаты обеих этих программ.

О программе начала XX века пишет в книге «Происхождение украинского сепаратизма» (Нью-Йорк, 1966) русский историк-эмигрант Н.И. Ульянов. Книга эта посвящена той роли, которую сыграли в фор-

мировании этого сепаратизма правящие круги Польши и Австро-Венгрии, а также либерально-демократическая столичная интеллигенция России, видевшая в украинском сепаратизме орудие борьбы с монархическим строем. Вкратце ее главные положения сводятся к следующему¹.

В конце XIX века Галицию, которая была провинцией Австро-Венгрии, стали называть украинским Пьемонтом, намекая на роль Сардинского королевства в национально-освободительной борьбе в Италии. В Галиции народность русинов (или рутенов, как их называли австрийцы) насчитывала около двух миллионов человек, которые жили вперемешку с поляками. Национальное самосознание русинов было неразвито, и от полонизации их спасал церковнославянский язык, на котором служила униатская церковь и который постоянно напоминал о едином русском культурном корне.

В самой Галиции «ни народ, ни власти слыхом не слыхивали про Украину. Именовать ее так начала кучка интеллигентов в конце XIX века». Впервые термин «украинский» был употреблен в письме императора Франца-Иосифа 5 июня 1912 г. В 1915 г. австрийскому правительству был вручен «Меморандум о необходимости исключительного употребления названия «украинец». Правительство, однако, энтузиазма в этом не проявило.

Национальное пробуждение русинов произошло, вопреки всем ожиданиям, на русской культурной почве, местная интеллигенция даже отказалась от разработки местного наречия и в реальном выборе между

¹ Из глав монографии Н.И. Ульянова, опубликованных в журнале «Россия XIX», № 1 (1992) и № 1, 4 (1993).

польским и русским языком обратилась к русскому литературному языку, на котором и стали издаваться газеты. Вокруг них образовался кружок *москвофилов*, во Львове возникло литературное общество им. Пушкина, началась пропаганда объединения Галиции с Россией (русофилов называли «объединителями»). По словам лидера украинских «самостийников» и предводителя украинского масонства Грушевского, москвофильство «охватило почти всю тогдашнюю интеллигенцию Галиции, Буковины и Закарпатской Украины». Перелом произошел в ходе Первой мировой войны, когда москвофилы были разгромлены и верх стало брать антирусское меньшинство.

Как пишет Ульянов, за этим стоял польский план, позволявший не только прервать опасный для Польши процесс сближения Галиции с Россией, но и использовать ее как орудие отторжения Украины от России. Венское правительство этот план поддержало, а после 1918 г. Галиция перешла под власть Польши. Пропаганда галицийских панукраинцев были очень интенсивной, после включения Западной Украины в состав Украинской ССР она переместилась в эмиграцию. Публикации их изданий, которые цитирует Ульянов, наполнены крайней, из ряда вон выходящей русофобией¹.

Однако, по мнению Ульянова, не менее важную роль сыграла поддержка антирусского движения в Галиции со стороны российской интеллигенции, начи-

¹ Вот выдержка из такого памфлета: «Если у нас идет речь об Украине, то мы должны оперировать одним словом - ненависть к ее врагам... Возрождение Украины - синоним ненависти к своей жене московке, к своим детям кацапчатам, к своим братьям и сестрам кацапам. Любить Украину — значит пожертвовать кацапской родней».

ная с Н.Г.Чернышевского. Сам факт издания русинских газет на русском языке они считали «реакционным» — они требовали, чтобы эти газеты выходили на малороссийском языке. «Либералы, такие как Мордовцев в «СПб. ведомостях», Пыпин в «Вестнике Европы», защищали этот язык и все самостийничество больше, чем сами сепаратисты. «Вестник Европы» выглядел украинофильским журналом», — пишет Ульянов. Грушевский печатал в Петербурге свои политические этнические мифы, нередко совершенно фантастические, но виднейшие историки из Императорской Академии наук делали вид, что не замечают их.

Ульянов пишет: «Допустить, чтобы ученые не замечали их лжи, невозможно. Существовал неписанный закон, по которому за самостийниками признавалось право на ложь. Разоблачать их считалось признаком плохого тона, делом «реакционным», за которое человек рисковал получить звание «ученого-жандарма» или «генерала от истории». Как заметил Ульянов, тесными были и личные связи: «В эмиграции до сих пор живут москвичи, тепло вспоминающие «Симона Васильевича» (Петлюру), издававшего в Москве перед Первой мировой войной самостийническую газету. Главными ее читателями и почитателями были русские интеллигенты».

Общий вывод Ульянова сводится к тому, что в начале XX века украинский национализм был авантюрой: «Не имея за собой и одного процента населения и интеллигенции страны, он выдвинул программу отмежевания от русской культуры вразрез со всеобщим желанием... Русская радикальная интеллигенция никогда не замечала его реакционности. Она автоматически подводила его под категорию «прогрессивных»

явлений, позволив красоваться в числе «национально-освободительных» движений. Сейчас он держится исключительно благодаря утопической политике большевиков и тех стран, которые видят в нем средство для расчленения России».

Видимо, критику в адрес советской власти в этом надо признать справедливой, хотя предложить эффективное противодействие «политике тех стран, которые видели в национализме средство для расчленения России», вовсе не просто. Советское руководство в 60—80-е годы было не на высоте таких задач.

Во время перестройки сотворение новой украинской нации, отколовшейся от России и даже враждебной ей, продолжилось с повышенной интенсивностью. «Оранжевая революция» стала и промежуточным результатом, и этапом в выполнении этой программы. И цели, и политические требования этой программы были хорошо известны. Выполняя эти требования, Л.Кучма еще в бытность президентом выпустил книгу «Украина не Россия» (2003). В ней он признает: «Процессы консолидации украинской нации пока еще далеки от завершения». На какой же основе и в каком направлении ведутся эти процессы?

По классификации антропологов, строительство украинской нации ведется согласно т.н. *примордиалистской* концепции этногенеза. Эта концепция представляет этничность как нечто изначально (примордиально) данное и естественное, порожденное «почвой и кровью». Этому взгляду противостоит «конструктивистский» (или «реалистический») подход, в котором этничность рассматривается не как данность и «фиксированная суть», а как исторически возникающее и

изменяющееся явление, результат творческого созидания. Примордиализм возник при изучении этнических конфликтов, эмоциональный заряд и иррациональная ярость которых не находили удовлетворительного объяснения в европейской социологии и представлялись чем-то инстинктивным, «природным», предписанным генетическими структурами народов, многие тысячелетия пребывавших в доисторическом состоянии¹. Рассуждения на этнические темы в категориях примордиализма легко идеологизируются и скатываются к расизму, так что в обзорных работах антропологи стараются отмежеваться от «экстремальных форм, в которых примордиализм забредает в зоопарк социобиологии» (К. Янг).

В пространственно-временных координатах нынешняя программа нациестроительства на Украине относится к самой современной вариации, которая лишь недавно стала предметом изучения и пока условно называется «гетеронационализмом». Ранее различали два вида национализмов. Первый — классический *евронационализм*, возникший в период становления национальных западных государств и колониальных захватов. В ходе национально-освободительной борьбы как противоположная еврационализму идеологическая конструкция возник *этнонационализм*. Это два онтологически несовместимых представления о мире, народе и нации, разделенные философской пропастью. Но в самое последнее время из борьбы этих двух идеологических построений рождается то, что и получило название гетеронационализма. Его определяют как

¹ Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтнических государствах М.: Наука 1994.

«попытку вместить этнонациональную политику самоосознания в рамки еврациональной концепции политической общности»¹.

Этот гетерогенный характер постсоветского украинского национализма хорошо иллюстрируется риторикой самого Л. Кучмы: он по-европейски говорит о нации и национальном государстве, но в качестве главного довода для легитимации этого государства использует типичный прием этнонационализма — память о преступлениях «колонизаторов» против освободившегося украинского народа. Вот формула из его речи на Вечере памяти жертв «голодомора» 22 ноября 2003 г.: «Миллионы невинно убиенных призывают к нам, напоминая о ценности нашей свободы и независимости, о том, что только украинская государственность может гарантировать свободное развитие украинского народа».

Этот прием этнонационализма был выбран как средство консолидации «нового» украинского народа вполне сознательно, потому что он закладывает мину под попытки интеграции Украины и РФ. В качестве главного преступления «москалей» взят голод 1932—1933 г. Л.Кучма уже назвал эту трагедию «украинским холокостом», пойдя в строительстве нации по пути Израиля, доктрина которого считается в антропологии проявлением жесткого этнонационализма. К этому украинских политиков подталкивали и США, где в 1986 г. Конгресс США даже учредил специальную комиссию по изучению этого «холокоста». МИД Украины

¹ Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века - В кн «Этничность и власть в полиэтнических государствах». М.: Наука. 1994.

пытается (пока без особых успехов) добиться от ООН признания «украинского холокоста» актом геноцида и «преступлением против человечества», активную поддержку в этом оказывает Польша¹.

Таким образом, украинские власти направили ускорившийся в условиях кризиса этногенез по рельсам жесткого этнонационализма, стремясь скрепить «новый» народ на основе национальной вражды и отрицания. Глава Украинской греко-католической (униатской) церкви кардинал Любомир Гузар сказал об этом: «Память о голодоморе — это нациотворческий элемент... [Это] фундаментальная ценность, объединяющая общество, связывающая нас с прошлым, без которого не может сформироваться единый государственный организм ни сейчас, ни в будущем»². Опыт стран, пошедших по этому пути, показывает, однако, что он чреват риском спровоцировать тяжелые расколы и конфликты внутри общества, а также испортить отношения с ближайшими соседями. Для нашей темы надо лишь подчеркнуть, что выбор политической технологии этнонационализма задал и определенный конфронтационный настрой для всего хода выборной кампании 2004—2005 гг. «Оранжевая революция» перенесла этнонациональный конфликт внутрь Украины.

Культурные традиции, историческая память, религиозные различия (и конфликты), а также особая заинтересованность Запада сыграли свою роль в разделе-

¹ Попытка апеллировать к мировому сообществу с идеей «украинского холокоста» была обречена на неудачу и может даже считаться политически некорректной. Не может быть «второго холокоста», претендующего на сходный с первым статус.

² Марчуков А. А был ли «голодомор»? // «Россия XXI», 2004, № 6.

нии украинцев во время выборов. Я. Батаков так комментирует географическое распределение голосов во время выборов: «Сравнив административное деление советской и нынешней Украины с таковым Российской империи, мы увидим, что за Януковича голосовали бывшие Харьковская, Екатеринославская, Херсонская и Таврическая губернии, то есть та колонизованная русскими и украинцами в XVIII—XIX вв. территория, которая носит историческое имя Новороссии. Эта территория в годы революции была произвольно включена в состав Украинской республики, сначала буржуазной, а потом и советской. За Ющенко же голосовали бывшие австро-венгерские области и запад Малороссии в собственном смысле слова»¹. (Мы поправим автора: за Ющенко проголосовала и левобережная часть Малороссии, присоединенная к России после 1654 г.)

На этот счет Бузгалин дает такое объяснение. Запад обещает Украине путь в НАТО и Европейский Союз со всеми вытекающими отсюда возможностями «приобщения к цивилизации», а также обещаниями экономической помощи. Западная Украина, украиноязычная интеллигенция и значительная часть мелкого и среднего бизнеса вкупе с некоторыми (но не самыми сильными) кланами явно поддерживает эту ориентацию... У части украинцев сохраняются подогреваемые оппозицией и Западом опасения российской экспансии и потери Украиной самостоятельности в случае победы прорусской линии. Гарантом от этих опасностей и лидером сближения с Западом видится Ющенко.

¹ Батаков Я. Балканизация Украины. — «Русский Журнал». 2004, № 2.

Россия обеспечивает Украине поставки дешевых нефти и газа, а также заказы для значительной части промышленности юго-восточного региона Украины. К этому следует добавить и то, что подавляющее большинство населения восточных регионов и Юга (около половины граждан Украины) является русскоязычным и устало от подчиненного положения русского языка и культуры на Украине. Янукович в избирательной кампании оказался сторонником сближения с Россией и защиты прав русскоязычного населения, которое не верит в обещания Ющенко сохранить права русскоязычного населения и опасается, что их постигнет судьба русскоязычных меньшинств Прибалтики, чьи гражданские права сильно ущемлены¹.

В этом состоят видимые причины противостояния, которые несколько по-разному трактуются наблюдателями в соответствии с их идеологическими позициями. Известный американский советолог Ричард Пайпс излагает конфликт в такой фразеологии: «Виктора Януковича поддерживала как Москва, так и украинская бюрократия, русское меньшинство и промышленные магнаты, сделавшие состояния на сотрудничестве с московским истеблишментом, в то время как его соперник Ющенко представляет демократические и проевропейские устремления украинского большинства»².

Украинские наблюдатели объясняют эти «проевропейские устремления» более прагматическими соображениями. В программе Ющенко были заинтересованы и чиновничество, и простые люди центральных и западных регионов. Поскольку это регионы дотаци-

¹ Бузгалин А. Цит. соч.

² www.inosmi.ru/stories/01/06/22/3006/215135.html.

онные, их власти выигрывали от перераспределения национального дохода, а также от валютных поступлений в рамках международных программ. Но и простые люди Западной Украины поддерживали программу Ющенко, потому что важным источником дохода у них является отхожий промысел и они надеялись, что с победой Ющенко им будет легче выезжать в Европу, подрабатывать там и посылать деньги домой.

Студенты, у которых мечта жизни — устроиться работать на Западе или во властных структурах, также видели в победе Ющенко свой интерес. На другом полюсе — Донбасс. У его жителей источник материального обеспечения — то, что там же и находится. В том числе и у элиты (предпринимателей и чиновников), которые, в случае победы Ющенко, могли потерять многое. Отсюда и их уменьшенная склонность к «сговору и торгу». В качестве основной организующей (и финансирующей) силы этой стороны выступали директора союзных предприятий. Националистическая сторона опиралась на местную и центральную бюрократию и интеллигенцию, сельское население и студенчество и вела борьбу под националистическими знаменами и под лозунги о демократии и борьбе с антинародным режимом.

Однако правы, видимо, те наблюдатели, которые считают, что «геополитические» ссображения избирателей являются, скорее, продуктом идеологического воздействия, внушенными стереотипами, скрывающими иные, неосознаваемые установки. В действительности геополитическая обстановка в данный момент очень неопределенна и не позволяет выработать разумную установку на уровне обыденного сознания.

М.Хазин пишет: «Для части населения, проголосовавшей за Ющенко, никакой геополитической игры нет. Но и та часть, которая принимала в расчет геополитические соображения, на самом деле не отдает себе отчета в том, какие реальные геополитические проблемы стояли за их выбором. Например, теперь, после победы Буша, нет однозначно единого «Запада». А выбор Ющенко часто делался именно из приоритетов «западного» выбора... Действительно, к какому же Западу собирался двигаться Ющенко: «к западу» Буша или к «западу» Шредера, «западу» Блэра или «западу» Ширака? Вопрос не в том, в какую сторону решат двигаться украинские элиты: на Запад или на Восток. Они сначала должны понять, что нет сегодня ни единой России (в которой абсолютно аналогичный раскол), ни единого Запада, а также различать, с кем конкретно они хотят дружить у нас или на Западе»¹.

Конъюнктурные расчеты более определены. Так, позиции большинства жителей восточных областей противоречат установки значительной доли крупных собственников. Ведущие бизнесмены Донецкой области скупили советские металлургические заводы. Одни осуществляют вертикальную интеграцию, объединяя с ними мощности по добыче угля и железной руды, другие приобретают сталелитейные заводы в странах «новой Европы». Они экспортируют сталь в Китай и на Ближний Восток, однако нацелены на поставки в Европу, которая сейчас защищается протекционистскими барьерами. Чтобы преодолеть их, они приоб-

¹ «Политический журнал», 2004, № 44

ретают производственные мощности в Европе, оказывают давление на правительство, чтобы Украина вступила в ВТО и заключила с Евросоюзом соглашение о свободной торговле¹. Поэтому, хотя эти бизнесмены и поддержали Януковича, они слишком зависели от Запада и в решающий момент оказались не готовы идти до конца.

А. Бузгалин особо отмечает роль интеллигенции в регионах, проголосовавших за Ющенко. Слой интеллигенции Украины, пишет он, очень сильно дифференцирован. Масса «рядовой» (учителя, врачи, инженеры и т.п.) интеллигенции, преимущественно очень бедной, находилась в оппозиции к действующей власти. Наряду с этой массой существует и прослойка «элитной» интеллигенции, в значительной степени сращенная с властью, но готовая в любой момент ее предать, переметнувшись к новому «кормильцу». Кроме того, на Украине постепенно сложилось прозападное интеллигентское течение, выросшее частью вследствие искренних симпатий к «демократической Европе», частью на базе официальной пропаганды последних 15 лет, частью на базе относительно благополучной жизни за счет американских и западноевропейских грантов, стажировок и т.п. Эта часть интеллигенции в большинстве своем подчеркнуто украиноязычна.

Вероятно, с какой-то мере правы и те наблюдатели, которые видят в выборе интеллигенции и студенчества утопическое стремление уйти через «западный» выбор от пугающей необходимости принять участие в тяжелом восстановительном проекте и модерниза-

¹ www.inosmi.ru/stories/01/06/22/3006/215784.html

ции Украины через новый виток индустриализации. Над сознанием многих господствует иллюзия Запада как «постиндустриального рая», которая уже сыграла фатальную роль в столичных городах СССР в начале 90-х годов.

«Собирать страну можно на разных основаниях и различными способами. И ключевой вопрос: какая технология позволяет управлять этими процессами? В ходе выборной кампании поверх традиционной индустриальной инфраструктуры была запущена «оранжевая волна» сетевой инфраструктуры, ориентированной на постиндустриальные стандарты, с новой системой ценностей, формирующихся в Европейском макрорегионе»¹. Культивировать утопии и заражать ими юные умы — во все времена было прекрасной и разрушительной миссией интеллигенции.

Роль организованного сообщества, которое направляло конкретный повседневный ход событий, выполняла «оппозиционная интеллигенция», сплоченная неформальными связями и обслуживающими ее СМИ, а также примыкающее к ней студенчество. К интеллигенции в этом смысле надо причислить и религиозных деятелей, поскольку они включаются в политическую борьбу, выходя за рамки отправления религиозного культа. Надо подчеркнуть важное обстоятельство: «оранжевая революция» произошла в тот момент, когда экономика Украины была на подъеме и доходы населения быстро увеличивались. Практика не подтверждает механистического представления о наличии прямой связи между уровнем жизни и политическими установками населения.

¹ Малиновский П. // «Со-общение», 2005, № 1.

После развала СССР в результате рыночной реформы народное хозяйство Украины претерпело катастрофу. Произошло сокращение валового внутреннего продукта более чем на 50%, еще более сократилось промышленное производство. В 2000 г. средняя реальная зарплата на Украине составила 27% от уровня 1990 г.¹, при значительном сокращении общественных фондов потребления. На Украине образовался массовый слой бедняков и люмпенов.

Около четверти населения Украины жило в начале этого десятилетия ниже уровня абсолютной нищеты, составляющем около 33 долл. в месяц. В беднейших областях вокруг Карпатских гор ниже этого уровня находится почти 50% населения, уровень безработицы во многих населенных пунктах здесь превышает 80%. Большинство взрослых из карпатских сел подрабатывают нелегальной работой в Центральной и Западной Европе. Европейские аналитики оценивают число украинцев, работающих за рубежом, в 7 миллионов человек².

В последние годы украинская экономика начала выходить из глубочайшего спада. Экономический подъем начался, прежде всего, за счет тех отраслей промышленности, которые оказались прямо связаны с экономикой РФ. Здесь наблюдается экспансия более крупного и сильного российского капитала. По темпам роста Украина в самые последние годы обгоняет все страны СНГ и считается самой быстроразвивающейся экономикой Европы. В 2000—2003 годах рост ВВП Украины в среднем составлял 7,3% в год, реальный ежегодный при-

¹ Для сравнения напомним, что в 2000 г. зарплата в Белоруссии составила 95%, а в РФ 42% по отношению к уровню 1990 г.

² Фарнам А. Дети остаются без родителей, когда мигранты бегут из бедной Украины // «Левая Россия» (left.ru). 2005, № 2.

рост инвестиций тоже превышал 7%. Инфляция измерялась однозначными цифрами, а обменный курс гривны оставался стабильным. Эти успехи позволили ощутимо повысить реальную заработную плату и доходы населения (за 5 месяцев 2004 г. реальные доходы населения выросли на 15,0%). С 2000 г. наблюдается сокращение задолженности по выплате зарплат и пенсий.

В региональном отношении большая часть растущего промышленного потенциала пришлась на Юг и Восток Украины с их металлургией, добывающей промышленностью и машиностроением. Главной отраслью украинской экономики, безусловно, является ориентированная на экспорт металлургия. Однако в последнее время укрепляется и положение отраслей, ориентированных на внутренний рынок. В определенной мере этот подъем связан с действиями правительства в бытность премьер-министром Януковича. За 6 месяцев 2004 г. ВВП вырос по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 12,7%, промышленное производство на 15,9%. Доля машиностроения в экспорте возросла за год с 13,6 до 19,5%. С 2001 г. прекращены заимствования у МВФ и Всемирного банка.

23 августа 2004 г. президент Л.Кучма сказал: «В Украине реализована основная позиция социально ориентированной экономики — опережающий рост, в сравнении с ВВП, реальных доходов населения, прежде всего заработной платы. Только в нынешнем году эти доходы выросли на 15%, а реальная заработная плата — на 26%. На сегодня среднемесячная зарплата составляет свыше 600 гривен (в сравнении с 181 гривной в 2000 г.), что в полтора раза больше прожиточного минимума для трудоспособных особ. Если в 2000 г. средний размер пенсии составлял 66 гривен, то сегодня — свыше 220 гривен».

Примечательно и такое заявление В.Януковича: «Мы рассматриваем в качестве идеала не какой-то там «капитализм», а эффективную европейскую социальную рыночную модель»¹.

ХОД ВЫБОРОВ

Уже с середины октября 2004 г. обстановка на Украине стала накаляться. В предвыборную борьбу вступила даже церковь. Вот, например, некоторые сообщения прессы тех дней:

«Православная общественность Украины обратилась к народу с просьбой «защитить веру законным и правовым путем». 21 октября Союз Православных братств и Союз Православных граждан Украины проводят Всеукраинский Крестный ход... против прихода к власти антиправославных сил во главе с Ющенко. Участники крестного хода требуют также от правительства и его главы более четкой поддержки канонического Православия... Организаторы Всеукраинского Крестного хода считают, что Украина, Россия и Белоруссия — это страны общей Церкви, общей веры и общей судьбы. Крестный ход начнется в 9 часов утра у Успенского Собора Киево-Печерской лавры».

25 октября: «Гражданская инициатива «Лента» предлагает украинцам продемонстрировать свою гражданскую позицию и на протяжении последней недели перед выборами добавить оранжевый цвет, доминирующий в символике Ющенко, в одежду или любые окружающие

¹ «День», № 138, 6 авг. 2004 г.

предметы... Сегодня власть всеми путями хочет запугать нас, готовых голосовать за Виктора Ющенко. Власть, используя монопольный доступ к СМИ, говорит, что нас мало; что сторонники Ющенко — это террористы, разнужданные молодчики и престарелые националисты. Давайте покажем власти, друг другу, что это не так!» — сказано в заявлении инициативы.

Для этого инициаторы акции «Оранжевая неделя» предлагают сторонникам Виктора Ющенко на протяжении недели, которая осталась до 31 октября, а также непосредственно в день выборов носить одежду с элементами оранжевого цвета либо прикрепить оранжевую ленту к одежде, сумке, антенне автомобиля. Можно также повесить ленту на ветку дерева во дворе дома, возле офиса, в парке или прикрепить ее к ручке двери в квартиру, подъезд, офис. Кроме того, предлагается вывесить на балконе любой оранжевый предмет либо приклеить оранжевый кусочек бумаги к внутренней стороне окна.

25 октября: «31 октября в 22.00 ч. Центральный штаб Виктора Ющенко уже будет иметь результаты президентских выборов», — сообщил сегодня на пресс-конференции руководитель Львовского областного избирательного штаба Виктора Ющенко Петр Олейник. «Результаты выборов будут известны в Киеве, когда еще будут заполняться протоколы», — сказал он. По его словам, Украина в лице Ющенко покажет беспрецедентный вариант параллельного подсчета голосов. «Мы отработали колоссальную систему параллельного подсчета голосов», — указал Олейник. При этом он сказал, что не может рассказать технологию такого подсчета и добавил: «Мы также отработаем системы оригинальных протоколов. Их будет абсолютно достаточно для

того, чтобы полностью вести юридическую работу в случае потребности».

Вот краткая сводка событий. Незадолго до дня выборов оппозиция приступила к организации в Киеве несанкционированных митингов, часть которых кончалась «ненасильственными» силовыми действиями, в том числе с вторжением в здание ЦИК и драками с милицией. В первом туре, который состоялся 31 октября, ни один из кандидатов не набрал 50% голосов. По уточненным данным, первым был Ющенко с крайне незначительным отрывом от Януковича.

21 ноября состоялся второй тур выборов. Центризбирком объявляет победителем Януковича. Ющенко просит Европу и США не признавать итоги украинских выборов. 23 ноября, в отсутствие кворума, он выходит на трибуну Верховной Рады и (уже после того, как спикер, увидев такое развитие событий, объявил заседание закрытым) присягает на Библии в качестве президента страны. Оппозиция призывает жителей страны прекратить работу и учебу, выйти на улицу и начать бессрочный митинг. 24 ноября, в день официального объявления результатов голосования, в крупных городах по всей Украине одновременно проходят многочисленные оппозиционные митинги с активным участием студенчества. Вечером того же дня журналисты центральных телеканалов объявляют о неподчинении «цензуре», сменяют акцент своих репортажей в пользу Ющенко и заполняют эфир теледебатами с равным участием нескольких представителей обеих сторон. В западных областях областные и городские советы и ряд подразделений МВД один за другим объявляют о неподчинении официальной власти и признании

Ющенко избранным президентом, власть сторонников Ющенко на Западе становится полной.

Демонстранты блокируют либо пикетируют здания Верховной Рады, правительства, ЦИК и Верховного суда. 27 ноября Верховная Рада, окруженная митингующей толпой, принимает постановление, в котором признает результаты выборов не отражающими волю избирателей¹. Несмотря на явный выход ситуации в столице из-под контроля в этот день, власти не решаются применить силу и не объявляют чрезвычайного положения. Не последнюю роль сыграл фактический переход Службы безопасности Украины (СБУ) на сторону Ющенко.

С 25—26 ноября, уже после массового перехода киевских СМИ и других структур на сторону Ющенко, начали активизироваться сторонники Януковича (до того они только проводили короткие митинги и собрания по окончании рабочего дня). Луганский областной совет принимает решение об образовании Юго-Восточной автономной республики, Донецкий областной совет решает провести 5 декабря референдум об образовании автономии в Донбассе. Харьковский областной совет избирает губернатора председателем облсовета, поручает ему возглавить облисполком, сосредотачивающий исполнительную власть в области, и постановляет приостановить отчисления в центральный бюджет (это решение тут же опротестовывает област-

¹ В ходе этого заседания депутат-социалист Рудьковский прямо предупредил своих коллег: «Я обращаюсь к народным депутатам, вы должны понять: на улице сейчас находится 200 тысяч человек, и никто из этого зала не выйдет до тех пор, пока мы не...» (в этот момент его перебил спикер).

ной прокурор). 28 ноября в Северодонецке Луганской области проводится съезд местных советов Украины (на который, в основном, прибыли депутаты юго-восточных регионов и меньшее количество центральных). Его участники признают президентом Януковича и не исключают возможности референдума по изменению территориального устройства страны, предусматривающего либо федерализацию, либо образование юго-восточной автономии. На неофициальном уровне высказываются угрозы запустить процедуру отделения от Украины в случае успеха переворота. На Юго-востоке проводятся массовые митинги в поддержку Януковича.

Сторонники Ющенко обвиняют оппонентов в сепаратизме и требуют от Прокуратуры и МВД немедленно остановить «изменников». СБУ возбуждает уголовные дела «по факту посягательства на территориальную целостность» и, совместно с органами Прокуратуры, вновь и вновь допрашивают руководителей восточных областей «как свидетелей» о решениях местных органов власти и съезда в Северодонецке. После этого Юго-восток только шел на попятную: Харьковский облсовет отменяет опротестованные пункты своего постановления, Донецкий облсовет переносит референдум об автономии на 9 января, а новый съезд местных советов в Харькове 5 декабря отличается исключительно умеренными речами, в которых переворот признается фактически состоявшимся. Затем решение о референдуме 9 января и во все отменяется под предлогом необходимости юридической проработки предложений об автономии.

На второй неделе кризиса наступление революции в Центральных регионах продолжалось. Блокируются областные администрации, не подчиняющиеся револю-

ционерам, множатся заявления различных организаций и известных лиц о непризнании выборов. 1 декабря Верховная Рада голосует о недоверии правительству, 3 декабря Верховный суд Украины, здание которого тоже окружено толпой, признает невозможность точно установить результаты голосования и решает провести повторное голосование второго тура выборов не позднее 26 декабря.

Верховная Рада голосует за повторные выборы. Согласно сделке, заключенной фракциями, сторонники Януковича соглашались на смену состава ЦИКа (в итоге потеряли посты два активных противника революционеров) и принятие специального закона о порядке переголосования, а сторонники Ющенко соглашались на внесение изменений в Конституцию, перераспределявших часть полномочий президента в пользу правительства, которое, после новых парламентских выборов, должно было формироваться парламентским большинством. Закон о порядке переголосования лишал возможности проголосовать многих сторонников Януковича. Так, голосовать на дому могли теперь только инвалиды первой группы, представившие в участковую избирательную комиссию нотариально заверенную просьбу о возможности проголосовать на дому (подавляющее большинство пожилых и немощных людей поддерживало Януковича). Накануне голосования Конституционный суд смягчил формулировку, но ЦИК фактически заблокировала выполнение его решений: разъяснения по выполнению решений Конституционного суда поступило в участковые комиссии восточных регионов только около 6 вечера, так что мало кто смог обратиться в участковую комиссию с прось-

бой о голосовании на дому до 8 часов вечера, как того требовала инструкция. Мало того, ЦИК решила вернуться к совершенно неадекватным избирательным спискам первого тура выборов, однако процедура внесения в список дополнительных избирателей была невозможной. Многие жители Юго-востока, приходя на участок, не находили себя в списке, а внесение в список было возможно только по решению суда. В суды выстраивались огромные очереди, но рассмотреть все просьбы они не смогли. Наконец, на многих участках Юго-востока почему-то не хватило бюллетеней для избирателей, приписанных к данному участку.

В отличие от второго тура, 26 декабря представители Ющенко блокировали подписание протоколов на многих участках восточных областей, пока результаты подсчетов по протоколам западных и центральных областей не показали перевес Ющенко. Иными словами, если бы переголосование дало другой результат, то и его бы объявили сфальсифицированным.

Несмотря на многочисленные жалобы о массовых нарушениях, допущенных в ходе переголосования 26 декабря, Верховный суд отклонил иск Януковича о признании выборов недействительными. Интересна позиция украинской прокуратуры. Когда в ЦИК из самых разных регионов стали приходить многочисленные телеграммы от избирателей о том, что они не смогли реализовать свое право на участие в голосовании, Прокуратура оперативно организовала расследование обстоятельств послышки этих телеграмм, опрашивая тех людей, чьи подписи стояли под телеграммами. По ее словам, многие из них отрицали свою причастность к посылке телеграмм.

ДЕЙСТВИЯ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ

Всех поразила неготовность стороны Ющенко представить существенные доказательства фальсификации (значительную часть «доказательств» вообще составляли распечатки из Интернета сообщений СМИ). С другой стороны, бросалась в глаза полная незаинтересованность Верховного суда докопаться до сути обстоятельств дела: рассмотрение шло по формальным признакам, без разбирательства по существу. Во время заседания действительно было предъявлено довольно много документов и фактов, но ни по одному из них нельзя было сделать однозначный вывод в чью-то пользу без вызова многочисленных свидетелей и экспертов. Например, был предъявлен один недозаполненный протокол участковой комиссии, но подписанный и с печатями, и два экземпляра протокола другой участковой комиссии с несовпадающими данными. По словам представителей Ющенко, это был способ массовой корректировки результатов голосования. Для того чтобы доказать массовость этой практики, двух участков явно недостаточно (притом что сторонники Ющенко входили в каждую комиссию и каждый из них получал по экземпляру протокола). Но даже чтобы сделать выводы о причинах несоответствия на двух конкретных участках, требовалось вызвать *всех* членов участковой комиссии, включая представителей *обеих сторон*, подписавших протоколы. Однако суд по данному случаю не вызвал ни одного свидетеля.

Далее были предъявлены по 15 открепительных удостоверений, выписанных на имя двух человек. По

словам представителей Ющенко, это доказывало массовую практику многократного голосования сторонников Януковича по открепительным удостоверениям на разных участках. Очевидно, что и в этом случае нельзя было сделать вывод ни о массовости подобной практики, ни о том, как она повлияла на результат голосования. Но суд не пожелал разобраться даже с конкретными 15 открепительными удостоверениями. Следовало вызвать обоих человек, на которых были выписаны удостоверения (их паспортные данные были зарегистрированы), а также членов участковых комиссий, якобы выписавших эти удостоверения, произвести экспертизу подлинности удостоверений и печати, вызвать представителей Ющенко, якобы изымавших эти удостоверения, установить, в какие регионы были направлены эти удостоверения, настоящие ли они и т.д.

Была предъявлена пачка из 300 открепительных удостоверений без указания имени, якобы изъятых наблюдателями от Ющенко у автобуса молодчиков, которым помогали правоохранительные органы. Само объяснение из числа курьезов постмодерна: как могли несколько интеллигентных наблюдателей от Ющенко забрать эти бумаги у молодчиков, которыми был битком набит автобус и которым помогала милиция? Явно требовалось расследование того, как эта пачка на самом деле оказалась в руках истца, настоящие ли это удостоверения, на какой регион выписаны и кем выданы, если они настоящие, или где напечатаны, если фальшивые. Представители Януковича предлагали вызвать в качестве свидетелей представителей территориальных комиссий Донецкой и Луганской областей, которые обвинялись в фальсификациях — суд отказал.

Они просили объявить перерыв на один день, чтобы иметь возможность ознакомиться с материалами, представленными истцом — и тоже получили отказ. Сторона Януковича документально опровергла показание одного из свидетелей стороны истца, но суд не счел нужным прореагировать на вскрывшийся факт лже-свидетельства. Суд был скорый, на улице гудела толпа, а накануне вынесения решения Кучма намекнул, что выборы будут судом отменены, что и произошло.

Январское же разбирательство в Верховном суде жалоб на нарушения, совершенные в пользу Ющенко при переголосовании второго тура 26 декабря, было уже откровенным фарсом. Суд даже не принял к рассмотрению сотни видеозаписей, на которых были зарегистрированы нарушения в ходе голосования. Суд умудрился рассмотреть по существу дело с более чем 600 томами доказательств меньше, чем за один день. Не соблюдались минимальные процедурные рамки — на целые стадии процесса отводилось по два-три часа времени. Председатель даже позволял себе публичные комментарии по ходатайствам стороны Януковича, прямо в зале суда заявляя коллегам, что ходатайство удовлетворять нельзя. Решение было уже принято, и разбирательство было всего лишь ритуалом, почти уже ненужным. Характерно, что выпуск газеты «Голос Украины» с официальным объявлением победы Ющенко принесли в зал суда еще до объявления решения.

Все наблюдатели сходятся в том, что и предвыборная кампания, и сами выборы были исключительно «грязными». В каком-то смысле, это стало своеобразным политтехнологическим открытием: после дос-

тижения некоторой «критической» величины «грязи» или видимости ее, которую может спровоцировать любая из сторон, исход выборов не поддается надежному выяснению и разрешение конфликта выносится на улицу. Это лишает любого из избранных кандидатов «легитимности от выборов», функция легитимизации возлагается на какую-то постороннюю инстанцию. Например, на тех международных наблюдателей, авторитет которых, опять же, подтверждается не на Украине, а какой-то еще более высокой инстанцией (скажем, «мировым сообществом»).

Так и получилось на Украине. Центральный избирательный штаб Виктора Януковича во время 2-го тура зафиксировал более 7 тыс. нарушений и подал в территориальные избирательные комиссии и суды 6094 жалобы, многочисленные международные наблюдатели тоже указывали на эти нарушения. Их суд посчитал несущественными. Зато когда наблюдатели ПАСЕ и ОБСЕ указывали на нарушения со стороны сторонников Януковича — эти нарушения были признаны тяжкими. Мнения других наблюдателей авторитетными не считались.

Уже после выборов было обнародовано открытое письмо директора Американского Центра Демократии, доктора Рэйчела Эхренфелда, бывшего директора Целевой группы по вопросам терроризма и нетрадиционной войны Палаты представителей Конгресса США Йозефа Бодански и видного историка Джона В. Свэйлса к членам Верховного суда Украины. В письме, в частности, говорится:

«Мы ошеломлены описанием ситуации на Украине как западными политическими деятелями, так и СМИ. Президентские выборы, будучи несовершенными, как и

все выборы — были свободными, справедливыми и законными и должны быть признаны таковыми. Мы чувствуем себя уверенными в нашем утверждении, потому что принимали участие в выборах в качестве официальных наблюдателей (двое в обоих турах выборов и один только во втором туре).

Мы посетили и осмотрели несколько городских и сельских избирательных участков в Киевской области. Мы можем засвидетельствовать, что украинские официальные лица, участники избирательной кампании, приложили все усилия, чтобы убедить в справедливости и легитимности выборов. Нами не были отмечены какие-либо нарушения избирательного закона и инструкций кем-либо, сопряженным с украинским правительством. И при этом не было никакого вмешательства властей в процесс свободного волеизъявления населения.

С другой стороны, наблюдатели от оппозиции на некоторых избирательных участках, крикливо одетые в оранжевую одежду и шарфики, неоднократно вмешивались в организованное проведение голосования и регулярно запугивали избирателей. Кроме того, мы не наблюдали проведение никакого независимого экзит-пола...

Мы были больше всего удивлены первоначальными, прошедшими сразу после выборов, протестами, которые мы увидели в Киеве утром после выборов — была сооружена большая сцена с огромными телевизионными экранами, оранжевые флаги, оранжевые плакаты были всюду — все свидетельствовало в пользу хорошо финансируемой предварительной подготовки к «спонтанному» проявлению ярости лидерами оппози-

ции и их сторонниками. Действия, которые мы наблюдали, наряду со следующим гражданским неповиновением, кажутся нам заранее запланированным стремлением захвата власти недемократическим путем...

Проведение третьего тура выборов, не говоря уже о том, чтобы провести их до решения украинскими судами этого вопроса (авторы письма имеют в виду рассмотрение по существу в местных судах конкретных и подтвержденных случаев нарушений. — *Авт.*), является незаконным, и будет всего лишь наградой за широко распространенное запугивание избирателей и гражданские беспорядки, совершенные активистами партии оппозиции».

Аналогичное заявление прислала Британская Хельсинкская Группа по правам человека, которая послала своих наблюдателей на второй тур и проводила мониторинг в г. Киеве и Киевской области, в Чернигове и Закарпатье. Заявление заканчивается такими словами: «Открытая предвзятость правительств Запада и назначенных ими наблюдателей в делегации ОБСЕ не позволяет полагаться на ее отчет о выборах... Иностранцы не должны поощрять гражданский конфликт из-за проигрыша кандидата, поддержка которого им обошлась так дорого»¹.

Все это уже не имело значения. Выборы были грязными, а сила была на стороне Ющенко. Один из российских наблюдателей писал в конце ноября: «Неослабевающий психологический террор «оранжевых» вынудил некоторых чиновников сознаться в использовании административного ресурса в пользу Януковича. Одна-

¹ www.bhhrg.org/CountryReport.asp?CountryID=22&ReportID=230.

ко до сих пор никто не принуждал к подобным признаниям чиновников, использовавших административный ресурс в пользу Ющенко. Возможно, мы дождемся признательных показаний и от них»¹.

КОНСТРУКТИВНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОСРЕДНИКИ

Важной технологией «оранжевой революции» стало использование переговоров для связывания рук государства. Целью переговоров было создать впечатление, что революционеры готовы пойти на диалог и компромисс. Для контроля за «правильным ходом» переговорного процесса в Киев зачастили «международные посредники» — верховный комиссар Евросоюза по вопросам внешней политики и безопасности Хавьер Солана, генсек ОБСЕ Ян Кубиш, президенты Польши и Литвы Квасневский и Адамкус. В заседаниях круглого стола с участием Кучмы и обоих кандидатов в Президенты всякий раз подтверждалось обязательство о неприменении насилия, оппозиция же обязывалась разблокировать работу правительственных учреждений (так ни разу и не выполнив обещания). После одного из таких заседаний Солана и Квасневский, выйдя к журналистам, пожали руки Кучме и Януковичу и обнялись с Ющенко. Митингующим на Майдане было очень важно знать, что их поддерживает «весь цивилизованный мир»: выступлений на Майдане депутатов

¹ Богданов В. Апофеоз незалежности // «Политический журнал», 2004, № 48.

Европарламента, Немцова и Леха Валенсы, приветственных заявлений Горбачева и Гавела было недостаточно — нужны были очевидные жесты со стороны высокопоставленных чиновников Запада, и они постоянно поступали.

НЕНАСИЛЬСТВЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ПО УКРАИНСКИ: ПАЛАТОЧНЫЕ ГОРОДКИ

Ненасильственная оккупация территории в невралгических пунктах страны (особенно столицы), например, около правительственных зданий или символических мест, является одной из важных технологий, описанных в руководстве Дж. Шарпа. Эта технология была с большим размахом использована во время «оранжевой революции» на Украине. Опыт этот очень поучительный, через призму практической работы видны важные вещи. Здесь мы кратко приведем сведения, опубликованные в декабре 2004 г. в российском Интернете в большом материале под названием «Организация и экономика «оранжевой революции»¹, а также в материалах на украинском сайте².

Немногочисленный митинг на Майдане (площади Независимости в центре Киева) начался сразу после голосования, но с 24 ноября 2004 г., со дня объявления окончательных результатов второго тура голосования, лидеры оппозиции призывали прийти на бессроч-

¹ «Организация и экономика «оранжевой революции» www.regnum.ru/news/373890.html Опубликовано 09.12.2004.

² www.russian.kiev.ua/archives/2004/0412/041209upt1.shtml

ный митинг всех своих сторонников. Начал функционировать палаточный городок. Одномоментно в нем находилось 2—3 тысячи человек. В первый день появилось около 200 палаток, за три последующих еще около 300. Так как организатором лагеря являлась «Пора», она и осуществляла общий надзор. Из «Поры» назначались коменданты лагерей и их заместители. Кроме того, «Пора» руководила финансовыми и материальными потоками.

Другие городки были расположены также у здания Верховной Рады и возле Прорезной улицы. Они были развернуты в первый же день организацией «Пора», для чего через избирательный штаб заранее были заказаны несколько сотен оранжевых четырехместных палаток Wenzel Yellowstone (стоимостью около 170 долларов каждая, производство США). Выбор именно этой модели объясняется тем, что ее не требуется закреплять вбитыми в землю колышками. Кроме таких палаток, были также большие армейские палатки на 20 человек, часть которых покупали у производителей (примерно по 250 долл.).

УНА-УНСО, военно-патриотическая организация «Тризуб», которые имеют отделения по всей Украине, совместно со студенческой «Порой» в первый же день развернули Нижний палаточный лагерь. Они же, используя давно налаженные связи с армией, получили для палаточных городков новенькие армейские полевые кухни и дизель-генераторы «Ильичевец» — тоже новые, несмотря на 1967 год выпуска — видимо, из армейских запасов. «Тризубовцы» не скрывают, что происхождение их камуфляжных бушлатов и берцев на прорезиненной подошве — также со складов расквар-

тированных в Киеве воинских частей. Благодаря отопительным устройствам, в палатках было тепло.

По словам самих «западенцев», во Львове и Тернополе в те дни не работали рынки и другие предприятия и организации, на улицах стало гораздо меньше людей — все были в Киеве. По городу разъезжали автомобили, украшенные оранжевыми флагами, с которых призывали всех ехать на киевский Майдан. Кстати, необходимость «поселения» на Крещатике сначала стала для приехавших неожиданностью: откликнувшись на призыв лидеров, люди поехали на один, максимум два дня, готовясь к штурму Рады и столкновениям с милицией. Вместо этого их ждали палатки.

Кроме палаточных городков, остановиться можно было и в других местах: Украинском народном доме, Доме профсоюзов, зданиях Филармонии и Киевской рады, Международном центре культуры и искусств (Октябрьском дворце), железнодорожном вокзале, нескольких городских кинотеатрах. Там работали штабы, первый из которых появился в Украинском доме. В штабах были расположены пункты расселения (многие киевляне оставляют там свои координаты, а затем к ним на постой направляют прибывающие группы), туалеты, медицинские центры. Там же можно было переночевать, для чего пол был устлан пенополипропиленовыми матами. Кроме того, в «опорных пунктах» находились склады поступающей митингующим еды, теплых вещей и прочего.

Главный палаточный лагерь был разбит на несколько секторов по территориальному признаку. Самая большая часть принадлежала львовянам. Регистрация в лагере была закончена, и новые палатки не появля-

лись здесь с 29 ноября. Снабжение лагеря, хотя и осуществлялось по-прежнему бесперебойно, но уже не так обильно, как в первые дни — из рациона «защитников демократии», например, фактически исчезло мясо.

Бензин для генераторов покупали на городских АЗС, на дрова для костров шли поддоны с пивзаводов, их закупали по 5 гривен за штуку, часть дров закупалась прямо в супермаркетах. Одноразовую посуду брали на рынках. Кстати, организацией питания параллельно занималась и евангелистская церковь. Эта организация решила воспользоваться моментом для вербовки сторонников. Евангелисты не только поставили в лагере палатку — «Центр молитвы», — но и активно занимались распространением своей литературы среди митингующих. В плане питания и теплых вещей помогают и киевляне, хотя, конечно, того, что они приносили, заведомо не хватило бы без спонсоров.

Доставка людей была продумана заранее. Так, для первого рейса были использованы автобусы, следовавшие через Львов из Польши — их пассажиров просто высадили. В западноукраинских городах активно шел сбор средств «на нужды митингующих» — даже учителя г. Луцка, например, собрали на эти цели 3500 гривен. Сами поездки организовывали, в основном, предприятия из числа своих сотрудников (и часто используя свои автобусы), но были и те, кто приехал самостоятельно.

Проезд обеспечивали также частные автопредприятия, руководство которых поддерживало Ющенко, чьи областные штабы платили водителям лишь за бензин. Зачастую шоферы сами активно участвовали в митингах и демонстрациях. Дополнительной платы они не получали, но, так же, как и у митингующих, у

них сохранялась зарплата за дни, проведенные в Киеве. Помогали и областные администрации, выделяя для поездок школьные автобусы. Жители городов, лежащих в радиусе 100 км от Киева, ездили на митинги ежедневно — кто самостоятельно, а кто пользуясь такими же организованными автобусами.

Характерная черта — небывалая организованность «мятежников», их полное подчинение приказам, доносимым сверху через отлаженную структуру агитаторов. В «оранжевой революции» нет и намек на стихийность, которая, как известно, сопровождает любой народный бунт. Огромные настенные экраны, биотуалеты, сменная одежда и обувь, а также еда и лекарства для бунтовщиков не очень-то вписываются в понятие революции.

В мини-городке из пятисот палаток все работы — от централизованного вывоза мусора до оперативного информирования митингующих — организованы по армейскому принципу. Есть отделы спецопераций и силовых структур. Здесь железная дисциплина: не видно пьяных, никто не ругается матом. Есть своя церковь, аптеки, больницы, пункты ремонта и подзарядки мобильных телефонов. Для посещения лагеря нужен специальный пропуск или аккредитация. Как в армии, на каждую ночь — новый пароль.

Внутренний распорядок лагеря строг: посторонних туда пускали только по поручительству кого-то из проживающих. Внутренней охраной занимались «тризубовцы», которые следили за тем, чтобы обитатели не находились в пьяном виде. На территории городка — сухой закон. Правда, в последние дни он нарушался все чаще, а в конце концов был зарегистрирован первый случай

употребления наркотиков. Замеченных под градусом или кайфом без вопросов вышвыривали из городка.

Между собой патрули «тризубовцев» общались через рации, но не милицейские, а те, что продаются в магазинах сотовой связи. Охрану периметра лагеря несли поочередно сами же его обитатели. Кому идти в дежурство, определяли все те же люди из «Поры» — на охрану периметра мог встать любой желающий. Впрочем, им в этом помогали координационные штабы регионов. Люди из УНСО выполняли функцию службы внутренней безопасности: периодически они устраивали обыск по палаткам. Говорят, иногда после этого пропадали вещи, хотя с воровством и другими нарушениями в лагере было более или менее благополучно.

В самой «Поре» также имелась четкая организация и иерархия. Отдельные люди руководили различными направлениями и отделами, например, «спецоперациями» (это, в частности, отправка специально сформированных отрядов в районы Киева с целью проведения ночью агитации — расклеивания листовок и повязывания оранжевых ленточек на машины).

Неплохо было организовано здравоохранение митингующих. Стараниями все того же Омельченко (мэр Киева) медпункты были организованы в Украинском доме, Октябрьском дворце, здании столичной администрации, Главкиевархитектуры, в Доме профсоюзов, гостинице «Крещатик», здании кинотеатра «Орбита», двух амбулаториях. Ежедневно в каждом медпункте оказывалась помощь примерно 800—2000 пострадавших, в основном с ОРВИ. В основном в них выдавали противогриппозные и жаропонижающие препараты. Медицинские палатки в городке организовывали сту-

денты медицинских институтов из разных городов. На Майдане постоянно дежурила «скорая помощь», в усиленном режиме работали городские больницы.

ПОСЛЕДСТВИЯ ВЫБОРОВ

Подавляющее большинство аналитиков сходится на том, что «оранжевая революция», решив поставленную перед ней конкретную задачу — привести к рычагам власти ставленника правящей верхушки Запада — открыла новый этап в жизни Украины. Этот этап чреват значительным углублением того кризиса, который переживает страна. Вспомним, что после аналогичных «революций» в восточноевропейских странах через короткое время перед людьми встал вопрос: «А есть ли жизнь после перехода?»

В тех странах этот вопрос был в большой мере снят путем срочного принятия их в члены Евросоюза. На Украине, где половина населения неразрывно связана с Россией и культурой, и исторической памятью, этот вопрос не будет снят даже путем включения Украины в ЕС. Впрочем, такого включения в ближайшей перспективе не предвидится.

Риск ухудшения отношений с РФ, очевидно необходимых для жизни и развития Украины, неизбежен. Это вызвано слишком большими обязательствами Ющенко перед его спонсорами. Иначе невозможно разумно объяснить его поспешные обещания помочь в установлении демократии в Белоруссии и на Кубе. Все время стараются подлить масла в огонь и США. В американо-израильском стратегическом прогнозе «Обсуж-

дая судьбу России» сказано: «Клинтон и Буш-младший старались систематически увеличить влияние США в регионе, называемом Россией «ближним зарубежьем», в то же время позволяя течь естественному процессу экономической дисфункции. Точнее, они позволяли, чтобы слабость России создавала вакуум, который может быть успешно занят американской мощью. Водораздел был обеспечен на Украине. Вашингтон добился там преимущества прозападных сил, которые, несмотря на влиятельное соседство с Россией, активизировали дискуссию относительно вступления в НАТО. Украина расположена на южных рубежах России, и, если она станет членом НАТО, Россия станет незащищенной».

США с самого начала вели себя провокационно. После того, как Путин лично приезжал на Украину во время выборов, заместитель Госсекретаря США Э. Джоунз вызвала посла РФ Ю. Ушакова и передала ему «озабоченность американской администрации» действиями президента России. Как выразился один из видных российских дипломатов, вызов посла в стране пребывания «с целью выражения критики в адрес главы государства — случай беспрецедентный. Такое практикуется американцами только со странами третьего мира»¹.

Допустив завоевание власти толпой, которая опирается на внешнюю поддержку, страна попадает в ловушку. Ведь толпа, в отличие от реально созданной в ходе революции элиты, рассеивается, и власть оказывается напрямую связана с оказавшим поддержку «гегемоном». М.Ремизов пишет: «Именно внешний центр

¹ «Политический журнал», 2004, № 44

власти — не столько по дипломатическим каналам, сколько по каналам мировых СМИ, — гарантирует статус митингующих в качестве авангарда народа, вышедшего на сцену истории, чтобы сменить режим. Внешнее признание важно для любого революционного режима, но в одном случае оно только следует за фактом взятия власти, а в другом — логически предшествует ему. В этом смысле совершенно не важно, была или нет «оранжевая» толпа тайно «сфабрикована» манипуляциями глобального гегемона, важно, что она была открыто «коронована» его рукой».

Как будет далее действовать этот гегемон в отношении Украины?

А. Головков писал еще перед вторым туром: «После победы «бархатной революции» соросовского типа ее формальные лидеры получают власть как бы на условиях подотчетности перед своими реальными руководителями. Формат соответствующих отношений определяется совокупной конкретикой политических обстоятельств. Сербам в известной мере повезло: теневые ниспровергатели Милошевича, добившись полной победы, затем совершенно забыли о стране, не слишком интересной в плане извлечения постреволюционных дивидендов...

У постреволюционной Грузии право на осуществление собственной политики изъято вовсе. Зато все высшее руководство солнечной страны поставлено на твердую зарплату в соответствующем фонде, созданном соросовскими политменеджерами... Украинский сценарий постреволюционного развития может оказаться значительно сложнее и острее сербского и грузинского. Вероятнее всего, никакой консервации существующего status quo не будет при любом исходе про-

исходящего электорального двоеборства. За избранием «оранжевого» президента наверняка последуют меры по обеспечению полного господства «нашистов» в киевских структурах общеукраинской власти. Затем начнется разборка с «сепаратистами» в восточных и южных регионах, вплоть до полного вытеснения «сине-белых» из политического пространства.

«Оранжевый» режим на Украине наверняка станет одним из вариантов управляемой демократии постсоветского типа. Но весьма значительные механизмы управления «демократизированной» страной окажутся в руках ее иностранных благодетелей. Именно так можно понять некоторые странности развертываемого украинского сюжета. Невозможно, например, представить, чтобы «киевский клан» сдал украинскую столицу «оранжевым» без некоторых неформальных договоренностей, гарантом которых никак не может стать непредсказуемый пан Ющенко. Необходимые гарантии были наверняка предоставлены от имени и по поручению ющенковских зарубежных патронов, чьими младшими партнерами отныне становятся киевские «новоукраинцы»¹.

Д. Якушев пишет об этой ситуации: «Перевыборы совершенно не отменяют уже состоявшийся раскол Украины, который прошел гораздо глубже отдельных «сепаратистских» выступлений восточных политиков. Народ, живущий на юго-востоке страны, уже никогда не забудет, как Галиция и Киев отказали ему в языковом равноправии, как вытолкали избранного ими президента, как, не спросив их согласия, решили лепить из них «единую нацию», героями которой являются Бан-

¹ Головков А. На пороге заказных переворотов // «Политический журнал», 2004, № 47.

дера и Донцов, как наплевали на их желание сближения с Россией, которую здесь, на юго-востоке Украины, многие с полным основанием считают своей родиной. Все это очень глубоко и действительно серьезно»¹. Экономическая политика новой власти как будто специально направлена на месть промышленным регионам Юго-востока. Снижены импортные пошлины, позволившие подняться машиностроению и пищевой промышленности, искусственно поддерживается завышенный курс гривны, облегчающий отток капитала и способствующий удушению промышленности Юго-востока через усиление конкуренции с импортом.

И все же преувеличивать значение «оранжевой революции» как фактора развала страны и окончательного раскола с Россией не стоит. Такая страна, как Украина, и такая развитая и гибкая культура, как украинская, тесно связанная с русской культурой, — большие сложные системы. Они обладают исключительной живучестью и способностью к адаптации. «Молекулярные» повседневные процессы, идущие помимо и вопреки давлению Ющенко и стоящего за ним «гегемона», обволакивают и подтачивают самые мощные, но жесткие инструменты власти. После таких выборов, которые повидала Украина, эти «молекулярные» процессы приобретут гораздо более сознательный характер. Такие уроки очень полезны.

¹ Якушев Д. Оранжевый туман не будет вечным // «Левая Россия» (left.ru). - left.ru/2004/17/yakushev116. phtml.

Глава 3

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СХЕМА ОРАНЖЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Из опыта Украины можно вывести такую абстрактную схему. Детали и наполнение ее могут меняться, но «скелет», видимо, применим в разных конкретных ситуациях.

Прежде всего, можно составить перечень *необходимых* элементов технологии. Они могут не быть *достаточными* и дополняются до действующей системы конкретными специфическими условиями или искусственно создаваемыми факторами, но иметь как можно более полный перечень необходимых элементов обязательно.

Если речь идет о перехвате власти, то есть о замене действующей власти или блокировании ее кандидата на выборах, то необходимым элементом подготовки является подбор подходящей *кандидатуры* нового правителя. Понятно, что создать образ (имидж) личности гораздо легче и дешевле, чем создать образ политической партии — поэтому Запад во всех подконтрольных ему зонах мира категорически требует перехода от парламентских форм государственности к президентским. Даже при сверхцентрализованной номенклатурной системе советского государства Горбачев не смог

бы привести его к катастрофе. если бы предварительно не добился учреждения поста президента.

Технологии манипуляции сознанием очень эффективны, они могут за несколько месяцев создать очаровательный образ будущего президента *почти из ничего*. Но они не могут создать этот образ из реальных черт совершенно незнакомого людям человека. Отсюда первое требование к «материалу» — отбор ведется из списка достаточно известных людей.

А. Чадаев выражается на этот счет категорично: «Сегодня не может быть никакого другого успешного революционера, кроме яркого отставника с высокого поста. Как не может быть и никакой коалиции вокруг него, кроме союза таких же отставников калибром поменьше. Только возникнув, будучи состоявшейся, такая коалиция мобилизует (т.е. фактически вызывает к жизни) и превращает в свой массовый актив тот или иной революционный класс»¹.

Р. Шайхутдинов указывает на особенно ценные черты, которые учитываются при отборе кандидата: «Для начала выбирается оппозиционная фигура, так или иначе близкая по образу мыслей американцам и внутренне чуждая обыкновениям власти, практикуемым на некой территории. Этот человек должен быть «привержен демократическим ценностям и идеалам свободы». Но чтобы эта приверженность не оказалась просто предвыборным трюком (ведь известно: все кандидаты говорят примерно одно и то же), важно, чтобы этот человек был материально «прикреплен» к западным ценностям, например — имел жену-американку

¹ Чадаев А. Оранжевая осень // «Со-общение», 2005, № 1

(Коштуница, Саакашвили, Ющенко) либо учился или долго жил в США или Европе (Саакашвили). «Цивилизованность» должна быть на нем закреплена столь сильно, чтоб он не мог от нее отказаться»¹.

Подбор такой кандидатуры ведется и в РФ. Называются разные имена (Касьянов, Рогозин, Илларионов, Ходорковский и др.), но не исключено, что это делается для маскировки. Однако каким-то боком изучаемые персоны в спектакль втянуты будут, у Сороса деньги зря не тратят, всякая овчинка, подвергнутая малейшей выделке, идет в дело. Б. Березовский, в общем, положительно оценивает потенциал Касьянова, хотя и считает, что экс-премьер слишком нерешительный политик и у него нет собственной стратегии прихода к власти. Он отзывается о нем так: «Я считаю, что Касьянов — идеальная фигура для консолидации самых разных сил, оппозиционных путинскому режиму. И правых, и левых, и русских, и нерусских, а самое главное — как человек, бывший во власти, он хорошо знаком с ситуацией в регионах и со многими губернаторами лично»².

Так или иначе, работа по подбору кандидатуры идет и, скорее всего, будет выполнена квалифицированно. А дальше постараются работники по созданию имиджей и телевидение.

Второй элемент технологии — создание территориального анклава, где местные власти и влиятельные слои населения обеспечивают «оранжевому» кандидату (или вообще революционерам, если перехват вла-

¹ Шайхутдинов Р Демократия в условиях «спецоперации»: как убить государство — «Со-общение», 2005, № 1.

² Семенова Д Березовский предрекает кровавую революцию в России — Utro ru, 11 апреля 2005.

сти происходит не в момент выборов главы государства, как это и было в Грузии и Киргизии)¹. Р.Шайхутдинов формулирует эту задачу так: «Внутри страны формируется территория, где оппозиционный кандидат получает безусловную поддержку; она становится плацдармом для объявления и расширения власти оппозицией. В Украине такими территориями стали Западные области и Киев, в Грузии — прежде всего Тбилиси. Здесь власть избранного президента заранее не признается».

Третья задача — внедрение в массовое сознание и закрепление там нескольких простых стереотипов, отвечающих формуле незыблемой истины: «враги против наших». Это общее правило всех революций. Вот известные примеры таких стереотипов, «патриоты против аристократов» (Франция, 1793); «правоверные против американских дьяволов» (Иран, 1979); «демократия против тоталитаризма» (СССР, 1991); «народ против преступной власти» (Украина, 2004).

В этой работе технологи опираются на хорошо изученную закономерность манипуляции сознанием: многократное повторение какой-то формулы загоняет ее в подсознание. Оттуда она воздействует на поведение человека независимо от того, в какую сторону его толкает *сознание*. Твое сознание формулу отвергает, а подсознание блокирует разум.

Пока что в РФ разрабатывается формула «народ против преступной власти» в ее относительно мягких

¹ Создание плацдарма — почти необходимое условие для смены власти или начала гражданской войны. Для Февраля и Октября 1917 г. была необходима «колыбель» в виде Петрограда, для зарождения Белого движения — Донская область, для августа 1991 г. — Москва.

вариантах (например, «народ против коррумпированной бюрократии»). Внедрение мысли о том, что именно «коррумпированная бюрократия» («чиновничество») является сейчас главным коллективным врагом народа и причиной всех бед России, ведется с такой интенсивностью, что даже сам В.В.Путин вынужден был включать в свои выступления эту ложную формулу.

Для ее обоснования привлечена тяжелая артиллерия. Недавно на работу вызвали даже престарелого архитектора перестройки А.Н.Яковлева. Он дал интервью, в котором ключевая мысль была такой: «Меня беспокоит больше всего наше чиновничество. Оно жадное, ленивое и лживое, не хочет ничего знать, кроме служения собственным интересам. Ненавидящее людей. Оно, как ненасытный крокодил, проглатывает любые законы, любые инициативы людей, оно ненавидит свободу человека... Поэтому я уверен: если у нас и произойдет поворот к тоталитаризму, произволу, то локомотивом будет чиновничество. Распустившееся донельзя, жадное, наглое, некомпетентное, безграмотное сборище хамов, ненавидящих людей».

Казалось бы, это параноидальное заявление имеет слишком общий характер. Где же тут конкретный враг народа? Ведь нельзя же совсем без чиновников. Поэтому чуть ниже, вскользь, даются более определенные ориентиры цели: «Единая Россия» — это некая секта, искусственно созданная чиновничья организация. Я не знаю, сколько у них там рядовых членов, но знаю, что на 90% она состоит из чиновников»¹. «Единая Россия», разумеется, сама по себе никого не интересуется, она не

¹ Яковлев А. Н. «Независимая газета», 19.04.2005.

может быть никому ни врагом, ни другом. Суть в том, что это *партия президента В.В.Путина*. Это партия той власти, которую предполагается сбрасывать.

После того как образ коллективного врага народа создан, в течение некоторого времени производится «первичный нагрев ситуации». Подбирается «доказательная база», которая благодаря СМИ возбуждает эмоции (массы расстрелянных в Тимишоаре, организованный русскими «голодомор» на Украине, убитый и обезглавленный по приказу Кучмы журналист Гонгадзе, зверски убитые советской военщиной трое юношей в туннеле напротив Посольства США в Москве).

На этом этапе решается важная задача — установление *интерпретационной диктатуры*. Должен быть слышен только голос «народного гнева», голос обвинителя. Любой диалог или попытка воззвать к рассудительности пресекается «ненасильственными действиями снизу», например, бойкотом. В такой ситуации сама попытка власти объясниться оборачивается против нее самой. Прекрасным примером служит попытка генерала Родионова в 1989 г. объяснить Съезду народных депутатов СССР причины и обстоятельства гибели людей на митинге в Тбилиси. Ему не дали говорить, причем самую активную роль в этом играл А.Собчак, который, будучи председателем комиссии по расследованию этих событий, знал о непричастности военных к этой трагедии, но скрыл это от депутатов.

Для укрепления «власти слов» людей приучают к новоязу, на котором могут быть сформулированы только те мысли, которые соответствуют заданной формуле «истины». И вот уже слова «провластный кандидат Янукович» и «народный кандидат Ющенко», при всей

их нелепости, включаются в язык нейтральных комментаторов — и даже сторонников Януковича. Схватка за интерпретационную власть — важный этап «оранжевой революции», и она регулярно проигрывается постсоветской властью, как проигрывалась советской.

Если интерпретационная диктатура установлена, то «оранжевые» получают возможность вообще выйти из диалога с оппонентом. Его уже можно опорочить настолько, что дальше он автоматически рассматривается как враг народа, как препятствие, подлежащее устранению. «Каждый голос за Ющенко — это еще одно «нет» бандитам» (телереклама Ющенко). «Янукович — выбор обманутых рабов» (лозунг на митинге возле украинского посольства в Москве).

В отношении врага снимаются культурные нормы. Очень скоро он почти перестает быть человеком. Враг становится объектом биологически чуждого вида — американским дьяволом, аристократом, донецким бандитом — и его можно только «Геть!» (так в 1992 г. в «Московском комсомольце» писали, что участники митинга антиельцинской оппозиции — и не люди, и не звери, а что-то вроде инопланетян). Тем самым снимаются всякие — и моральные, и инстинктивные — ограничения на методы борьбы. Шельмование противника становится безответным, третейского судьи в виде общественного мнения уже нет, объяснений никто не слушает¹. В случае, если враг — это действующая

¹ Например, Янукович непрерывно называется уголовником, хотя в действительности Верховный суд СССР оправдал его, т.к. в отношении него произошла судебная ошибка. Более того, запускается легенда, будто он был осужден за изнасилование, тогда как приговор был вынесен за драку.

власть, невозможной становится и любая форма самоотождествления с властью, что является психологической основой внутренней легитимности любого политического режима.

Следующий этап — создание и энергичное внедрение внешнего признака «наших» (розы и флаг с крестами — в Грузии, «оранжевое» — на Украине, броские художественные символы). Если процесс идет по нарастающей, то ускоряется самоотождествление обывателей с «нашими». «Нашими» становится быть модно и престижно. Красные гвоздики и оранжевые ленточки вешают на себя люди всех слоев общества — и бомжи, и миллионеры (в феврале 1917 г. красный бант нацепил себе на грудь великий князь, брат отрекшегося императора). Более того, обывателю навязывается *страх* оказаться «не нашим» (для этого выработан большой перечень средств психологического террора — см. руководство Дж. Шарпа). Количество «наших» растет, как снежный ком. Кучка людей, недавно бывшая маргинальной оппозиционной сектой, стремительно обрастает массой последователей и сторонников.

Для сплочения «наших» в сознание внедряется образ «неминуемой победы». Он может быть вообще не мотивирован (сайт Ющенко был украшен бегущей строкой: «до победы Ющенко осталось... 40... 30... 5 дней»). Нагнетается ожидание освобождения, неминуемого и радостного перерождения всего общества «сразу же после победы». Все это вместе переводит толпу в режим управляемого коллективного возбуждения. Заявления лидеров становятся гипертрофированными, почти безумными, но это лишь прибавляет энтузиазма их сторонникам. Юлия Тимошенко провозглашала:

«Оранжевая революция станет эпидемией свободы по всему миру!» — и это радовало толпу, большую долю которой составляли люди с высшим образованием.

Д. Юрьев объясняет, как эта растущая толпа приобретает самосознание большинства, даже *народа*. Этот момент предусмотрен в драматизме спектакля. Он пишет: «Заранее провозглашенная победа обязательно натывается на серьезное препятствие... И в этот момент происходит запланированный взрыв! Отсрочка заранее провозглашенной победы, чем бы она ни была вызвана (согласительной процедурой, попыткой компромисса со стороны власти, наконец, победой кандидата «партии власти» на выборах — не говоря уже о таком подарке, как *сомнительная* победа этого кандидата) — объявляется последним чудовищным преступлением врагов *народа*, кражей этой самой вожаемой победы».

Следует мгновенный и массовый взрыв негодования, перерастающий в массовое же воодушевление, во всеобщую эйфорию людей, которых пока не большинство, но — оказывается — очень много! Колоссальный аффект внезапного массового взаимоопознания превращает пока еще меньшинство в победительную, агрессивную и властную толпу»¹.

Важное условие для достижения этой пороговой точки — заблаговременное создание общего, как будто естественного убеждения, что власть не имеет права пресечь этот «праздник угнетенных» насильственным восстановлением порядка. И в массовое сознание, и в сознание работников правоохранительных органов постоянно внедряется мысль, что «против народа» нель-

¹ Юрьев Д. Как сделать революцию («Оранжевые политтехнологии»)

// www.edinros.ru/forum.html?FID=161&page=3&FThrID=110391416910

зя применять насилие и что «народ победить нельзя». Таким образом, «народу» предоставляют возможность эскалации давления на власть вплоть до захвата зданий, представляющих собой символические объекты государства и власти — резиденции главы государства, парламента и т.д.

Примечательно уже цитированное выше недавнее интервью А.Н. Яковлева. Его спрашивают: «Ожидаете ли вы повторения социального кризиса — например, в ходе реализации реформ ЖКХ, медицины и образования? Как поведет себя власть? Отступит — или прибегнет к силе?» Главное здесь, конечно, последний вопрос. И Яковлев, на правах высшего авторитета РФ в области демократии, отвечает: «Выступления возможны. И власть, бесспорно, отступит, будет маневрировать. Вообще в таких случаях в демократическом обществе государственным деятелям надо подавать в отставку. Надо было подавать в отставку после «Курска», после Беслана». Яковлев делает два предупреждения. Первое: когда начнутся «выступления», власть *обязана* отступить. Это *бесспорно!* Второе: *эта* власть уже давно обязана была подать в отставку.

Какова повторяющаяся динамика действий «оранжевых» революционеров? Начинается все с «мирного протеста» против нарушений закона о выборах, фальсификаций при подсчете голосов, использования «административного ресурса» и т.д. Собираются митинги — на вполне законных основаниях. Однако по ходу митингов возбужденную и сплоченную толпу призывают к нарушению «во имя свободы» второстепенных положений закона — к объявлению митинга бессроч-

ным, началу голодовки, устройству палаточного лагеря и т.д.

Здесь — разрыв непрерывности, момент выбора для властей. Следуя закону, они должны вытеснить митингующих с площади и разогнать митинг, вне зависимости от его лозунгов. Если власть этого не делает, то теряет основания для применения силы при последующей, шаг за шагом, эскалации беззакония. Толпа сразу разрастается и создает новые и новые «рубежи обороны», прорыв которых становится все труднее и труднее — устанавливаются палатки, подтягиваются полевые кухни, налаживаются передвижные киноустановки и т.д. «Оранжевая» толпа закрепляется на каждом уровне «гражданского неповиновения»: в палаточном городке царит порядок, пикеты ведут себя корректно. Напасть полиции на мирный палаточный городок, волочить в грузовики студенток, которые протягивают солдатам цветы? Под объективами видеокамер парижского телевидения?

Следующим шагом становится создание невыносимых условий для работы государственных органов. Это изображается как борьба за демократию (точнее, как выразилась Юлия Тимошенко, «за нашу демократию»). Дело доходит до предъявления *ультиматума* президенту Кучме. Создаются «специальные» условия для работы Верховного суда, так что принять решение, не удовлетворяющее «оранжевых», становится невозможно — речь идет уже не о судебном, а о чисто политическом решении.

На фоне этого поэтапного развития событий так же поэтапно разыгрывается спектакль с «непризнанием итогов голосования». Это — новая выборная техно-

логия, при которой внутренний вопрос народного волеизъявления превращается в вопрос *внешнего* признания результатов выборов, во «всемирное» голосование за то, кому быть президентом Украины, Сербии, Грузии. Мировой «центр силы», на который ориентированы и революционеры, и власть, заранее объявляет о том, какой результат будет признан законным.

Как пишет Р.Шайхутдинов, достигается это так: «Действующая власть объявляется *участником* выборов (а не их организатором) через одного из кандидатов («административный ресурс»). Предполагается, что этот ресурс она просто не может не использовать... Отсюда проистекают многочисленные следствия, самое важное из которых то, что выборы и вообще действия властей всегда трактуются как *неправовые*, и таким образом не доказанный факт нарушений превращается в очевидный. Не случайно все требования к властям концентрируются вокруг того, чтобы они либо «вернулись в правовое поле», либо не выходили бы из него. При этом действия оппозиции могут быть какими угодно!»

Таким образом, итоги выборов и институты, их удостоверяющие, перестали считаться чем-то уважаемым. Итоги становятся предметом закулисного политического торга или результатом противодействия двух групп «агентов влияния». Таким образом, граждан практически лишают права выбора, но этот факт пока еще скрывают декорациями демократических процедур. Если же возникает непредвиденное противодействие (например, со стороны крупных социальных групп, как это и произошло на Украине), то непризнание итогов голосования представляют как борьбу с «государ-

ственным переворотом», осуществленным «бандой Кучмы — Януковича, Милошевича, Шеварднадзе...».

Для этого и требуется поддержка мощных «агентов влияния», и их привлекают из-за рубежа, прежде всего, со стороны тех сил, которые и уполномочены легитимировать смену власти. Р.Шайхутдинов пишет: «Не просто широко, а в массовом масштабе используются международные миссии, наблюдатели и общественные организации, имеющие возможность интерпретировать события в нужном для оппозиции ключе, а также участвовать в альтернативных подсчетах голосов и формировании общественного мнения. Одна из важнейших функций этой массовости — физическое заполнение каналов коммуникации и СМИ, такое, чтоб другие интерпретации не пробивались к слушателям и читателям... Используются ведущие мировые информагентства для формирования нужной оппозиции трактовки происходящего и для выражения — причем заранее, до объявления любых результатов — уверенного сомнения в демократичности и честности процедуры».

Если страна является достаточно крупной и сильной, то приговор международных миссий дополняют ритуальным подтверждением национальных органов — парламента, Верховного суда и пр., что, в принципе, является нарушением выборного законодательства. На основе опыта Украины Р.Шайхутдинов делает сильный вывод: «Парламент и депутаты используются оппозицией для вмешательства в выборный процесс. Во-первых, неприкосновенность депутатов позволяет им служить живым щитом для различных действий, граничащих с силовыми (на Украине оппозиционные депутаты 23 октября ворвались в здание ЦИК Украины,

что привело к неприятию решения ЦИК об открытии 400 избирательных участков в России)... Нет законного способа обуздания депутатов, когда они начинают «хулиганить», как нет способа ограничить парламент, применяемый для захвата власти оппозицией».

Все перечисленные этапы являются необходимыми структурными элементами технологии «оранжевых революций», проводимых в момент выборов. Опыт показывает, что дело не обходится и без использования «силовых приемов», иногда и выходящих из-под контроля вождей революции. Интенсивность применения силы варьирует в широких пределах и, теоретически, может быть сведена почти к нулю. Классическая чистая модель «оранжевой революции» действительно в пределе является ненасильственной.

Глава 4

УРОКИ ОРАНЖЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА УКРАИНЕ: СЛАБОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Подведем итоги анализа «оранжевой революции» на Украине. Этот анализ приводит к фундаментальным выводам (хотя на ряд частных вопросов ответа пока нет).

Прежде всего, речь идет именно о *революции* — краткосрочной массовой мобилизации большей части населения ради достижения конкретной цели фундаментального характера. Принципиальной ошибкой, свойственной российским (да и многим украинским) политикам и политологам, является представление украинских событий как столкновения различных олигархических кланов или региональных элит, как конфликта интересов конкурирующих группировок криминального капитала — в целом, как *переворота*, но никак не революции.

А. Чадаев пишет: «Была ли украинская революция настоящей? Многих обманывает балаган. И напрасно: сегодня иначе нельзя — это стиль эпохи. Таков один из канонов «общества спектакля»: зритель до самого конца не должен понимать — с ним что, шутят или все всерьез?»¹

¹ Чадаев А. Цит соч.

Доводом для трактовки смены власти на Украине как переворота служит тот факт, что существовавшая в постсоветских республиках властная верхушка (Шеварднадзе, Кучма, Акаев) была уже настолько зависима от ее отношений с Западом, что с точки зрения конкретных интересов США не было никакого смысла производить замену одной команды на другую, тем более с помощью таких дорогостоящих операций, как революции. Ни Шеварднадзе, ни Кучма ни в чем бы и так не отказали американской администрации (РФ, в силу наличия у нее ядерного оружия, является особым случаем).

Этот на первый взгляд убедительный довод несостоятелен. Новизна этих событий, которые заставляют видеть в них революцию, заключается не только в использовании новых технологий политического действия, но и в характере ее целей и в движущих силах. Р.Шайхутдинов так определяет это событие: «Выборы на Украине и сопутствующая им политическая и гуманитарно-технологическая операция, названная «оранжевой революцией», — наглядный пример использования технологий, которыми владеет глобализованная часть человечества — Европа и США — при расширении границ формируемой ими империи»¹.

Таким образом, в организационном и технологическом плане смена власти на Украине — революция *эпохи глобализации*, а ее цель — формирование *глобальной империи*.

¹ Шайхутдинов Р. Цит. соч.

СМЫСЛ ОРАНЖЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТРОЕНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

При проведении «оранжевых революций» речь идет не о конкретных частных целях администрации США, а о том, что в нынешнем состоянии постсоветские республики не вписываются в новый имперский мировой порядок из-за того, что обладают пусть и ущербной, но собственной легитимностью, кусок которой они получили путем дележа легитимности Советского Союза при его расчленении. Они — именно *постсоветские*, продукт советской системы, они символически еще в ней — одни надеются ее вернуть «в обновленном виде», другие проклинаят.

Власть на этих территориях тоже постсоветская. На Украине Первого секретаря КПУ Щербицкого сменил секретарь КПУ по идеологии Кравчук, который и стал президентом. Его сменил Кучма, продолжив процесс постепенной модификации советской власти в постсоветскую. Точно так же Ельцин не «спущен» нам из США, мы вырастили его в своем коллективе. Он передал свое кресло В.В.Путину, и В.В.Путин принял народ РФ. Как бы Кучма или В.В.Путин ни старались угодить США, они «наши», их приняло по своей воле либо большинство населения, либо большинство существовавшего до того госаппарата (при непротивлении населения). И народы «наши». И украинцы, и киргизы, и таджики — пока что все они представляют собой части разделенного советского народа, и эта принадлежность ощущается ими как нечто наднациональное.

Новый мировой порядок предполагает, что на территориях СССР, не принятых в «Запад», должна быть установлена власть, получившая легитимность из рук Запада — именно Запад должен стать действительным сувереном над этими территориями. Тогда и постсоветские народы получают от Запада статус «наций».

М.Ремизов пишет: «Бархатная революция» — это неоколониальная революция, вшивающая в саму структуру революционного субъекта и, следовательно, государствообразующего субъекта, ген зависимости. Оранжевая толпа стала «украинским народом» (т.е. субъектом революции) по мановению мировых СМИ и по мандату мирового гегемона. Отныне «украинская нация» (т.е. субъект государства) является таковой только относительно имперского центра и внутри имперского поля. Это значит, в частности, что «бархатные революции» следует рассматривать не в логике отстаивания интересов США, а в логике сложного процесса производства легитимности мирового имперского порядка».

С этой точки зрения понятно, насколько близоруким является взгляд на «оранжевую революцию» как частную операцию, исходящую из прямого и частного политического интереса. Вот типичные аргументы в пользу этого подхода. И. Герасимов пишет о тех, кто прогнозирует повторение подобной операции в РФ: «И те, и другие исходят из постулата, будто бы «оранжевую революцию» в России непременно поможет осуществить Запад. Эта «истина» является как бы само собой разумеющейся и не подлежащей обсуждению — только одни выступают за необходимость повторения украинских событий в России, а другие против. Но так ли очевидно стремление Запада, и прежде всего США,

к поддержке процедуры свержения режима Путина под общедемократическими лозунгами? Не получится ли так, что, оказавшись в плену стереотипов, мы перенесем особенности Украины на совершенно непохожую российскую почву? Режим Путина крайне выгоден мировой элите: именно Путин активизировал ликвидацию остатков советской системы в социальной сфере, именно Путин дал согласие на размещение войск США на территории СНГ. Фактически Россия при Путине безвозмездно отдает свои природные богатства США, вкладывая выручку от продажи нефти в американские ценные бумаги, которые могут в одночасье потерять свою ликвидность»¹.

На самом деле, как поясняет Ремизов, в контексте строительства нового мироустройства для Запада совершенно неважно, кто более эффективно радеет о его интересах — Шеварднадзе или Саакашвили, Кучма или Ющенко: «С точки зрения геополитики влияния и вообще политики интересов, режимы Кучмы и Шеварнадзе для Соединенных Штатов практически ничем не хуже и не лучше новых «революционных» режимов. От постсоветской бюрократии США могли получить все, что хотели. Но суть империи в том, чтобы разрешать кризисы легитимности, подтверждая свое качество гаранта миропорядка, «метасуверена». В зонах вакуума легитимности империя не строится на «прагматической» логике рассуждений о том, кто наш, а кто не наш «сукин сын». А мы, повторяю, все еще в зоне вакуума — «в условиях, сложившихся после распада огромного великого государства», как и сказал президент».

¹ Герасимов И. Заря новой революции // www.livejournal.com/users/i_gerasimov/1355.html

На то, что результатом «оранжевой революции» должно стать возникновение власти с совершенно новым источником легитимности и даже возникновение «нового народа», настойчиво обращают внимание западные СМИ, что говорит о наличии продуманной политико-философской доктрины. В множестве сообщений о событиях на Украине прямо писалось, что украинцы стали «*политической нацией*» и перестали быть *постсоветским народом*. Можно предположить, что именно ощущение такого поворота, угроза утраты символической связи с тысячелетней страной привели к такому моментальному расколу населения Украины на две части.

Р.Шайхутдинов говорит об этом разрыве прежней (тоже прозападной!) власти Украины с теми, кто надел «оранжевые» шарфы: «Для нового народа у оппозиции существует внестрановая легитимизация: США, например, заранее объявляют, что выборы нелегитимны, и признают они только победу оппозиционного кандидата. Так другой народ приобретает легитимность извне».

Разумеется, что «революция как спектакль», приводящая к свержению власти толпой, подпавшей под интенсивное воздействие эффективных культурных средств, представляет собой лишь первый этап глубокого преобразования всей государственности, хотя и этап исключительно важный. Поэтому вовсе нет гарантии, что созданный с помощью технологических манипуляций «народ-гомункул» обретет собственную жизнь, которая будет продолжаться и после завершения «оранжевой революции». Для этого требуется изменение многих социальных, экономических и культурных условий, которые складываются *исторически* в

ходе «молекулярной» деятельности населения и данной территории, и сопредельных стран, и Запада¹.

М.Ремизов пишет о технологии интеграции постсоветских стран в Новый мировой порядок: «Исходя из этого и следует, на мой взгляд, прочитывать исторический смысл «бархатных революций». Режимы, выходящие из их горнила, по структуре своей легитимности уже не являются «постсоветскими»: их утверждение связано со сломом инерции и выходом на сцену мобилизованного массового субъекта. Или выкатыванием на сцену его муляжа.

В случае политического успеха массовой мобилизации, независимо от того, насколько она «постановочна», конструкт становится реальностью, и «революция» может быть признана состоявшейся. Это вполне относится и к украинскому сценарию смены власти: революция имела место, обозначено определенное событие в области легитимности. Вопрос, однако, в том, какова природа новой легитимности. Было бы большой ошибкой отвечать на этот вопрос по шаблону классического, современного понимания революции — и поспешно говорить, например, о появлении «гражданской нации» как субъекта украинского государства».

Действительно, пока нет оснований считать, что «оранжевые» станут «субъектом украинского государства». Майдан подмели, студенты разошлись по аудиториям, селяне западных областей вернулись к своему разбитому корыту. Но и утверждение, что в случае по-

¹ На багдадском Майдане толпа шиитов могла на время стать «оранжевой» — после того как американцы арестовали Саддама Хусейна. Но мало кто верит, что дарованная оккупационными войсками США «внешняя легитимность» реально принята шиитами.

литического успеха «оранжевого» спектакля «конструкт становится реальностью» (даже если это муляж), требует проверки временем. Очень может быть, что ощущение всемогущества новых политических технологий есть лишь психологический эффект от успеха ряда однотипных «блиц-революций» — ведь столь же непобедимой казалась армия фашистской Германии в ее блицвойне в Европе и летом 1941 г. в СССР.

УРОК УКРАИНЫ: БЕЗЗАЩИТНОСТЬ ПОСТСОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПЕРЕД ОРАНЖЕВЫМИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ

Здесь мы подходим к самому актуальному для нас практическому вопросу. Р.Шайхутдинов фиксирует то, что давно уже стало очевидным, но что не осмеливаются открыто признать российские политики: «Схемы, по которым действовала и действует оппозиция в Сербии, Грузии, а теперь на Украине, настолько близки, что можно уверенно сказать: мы имеем дело с новым, осознанно применяемым механизмом реализации внешней политики США и Европы; с новым механизмом захвата власти в посткоммунистических странах».

«Оранжевая революция» на Украине обнаружила крайнюю уязвимость традиционного для XX века «цивилизованного» национального государства против действий, инспирируемых и поддерживаемых из метрополии сил глобализации (Запада). Государства советского и постсоветского типа, идущие на сближение («конвергенцию») с Западом, структурно и функ-

ционально *беззащитны* против таких революций. За длительный срок (3—4 года), прошедший после предыдущей совершенно аналогичной революции в Сербии, они не могли понять ее уроки и мобилизовать собственные ресурсы для предотвращения назревающей революции у себя дома. Даже после того, как стереотипная революция произошла в Грузии, сторонники Януковича были уверены, что ничего подобного на Украине произойти не может (потому что «Украина — не Грузия»).

Р.Шайхутдинов пишет: «Эти проявления иного типа власти просто невидимы, как для политтехнологов, так и для представителей правительства. США и Европа достигают своей цели по присоединению к новому имперскому порядку все новых областей и стран недоступным для российских (украинских, сербских...) властей способом. Они понимают и вычисляют наши действия, а мы их вычислить — не можем».

Опыт 2004—2005 гг. показал, что структура и культура общества Украины (как части бывшего СССР) за 20 лет перестройки и реформы изменились настолько, что критическую массу граждан можно организовать и активировать для революции («убийства государства»), направленной на «виртуальную» цель.

Иными словами, стало возможно на короткий срок создавать высокоорганизованную политическую силу, готовую свергнуть *государственную власть* — без какой-либо осознанной социальной цели, без большого проекта и без связной идеологии. Даже без ясного образа иной государственности, приходящей на смену «убиваемой».

А. Бузгалин, наблюдавший события на Майдане, пишет: «Разные люди, разные мнения. У большинства никаких четких политических и социально-экономических позиций. Большинство хочет одновременно и честный частный бизнес, и определенные социальные гарантии. Четко сформулировать свои взгляды на то, каким хотели бы видеть будущее Украины, как правило, не могут, но совершенно четко и однозначно хотят честной и подконтрольной народу власти. При этом в большинстве верят в Ющенко. Некоторые понимают, что за Ющенко тоже стоят олигархи («А как же без них?» — довольно типичное мнение), но считают это не главным. И практически все равнодушны к тому, что происходит на их Родине»¹.

Постсоветские политики Украины, чье мышление сформировано историческим материализмом, не ожидали никакой революции, потому что «не было революционной ситуации» — не созрели субъективные предпосылки для классовой борьбы. Они не понимали смысла *символических* действий, которые подрывали их власть и авторитет.

Р.Шайхутдинов пишет: «Что делал Лех Валенса в Киеве? Вел переговоры с Кучмой, Януковичем и Ющенко. Но кто такой был Ющенко? Формально — никто... Власть не отказалась встречаться с Квасневским после его встречи с Ющенко. Тем самым Украина признала авторитет ЕС, а Кучма и Янукович — существование Ющенко... Власть **не понимала механизмов порождения легитимности** [выделено нами. — Авт.]. А они таковы: если десять международных деятелей

— — — — —

¹ Бузгалин А. Майдан: народная революция или?.. // www.apn-nn.ru/diskurs_s/25.html, 2005.

едут и проводят переговоры с Ющенко, то он становится фигурой, равноправной всем остальным, имеющей статус «третьей силы». А власть, давая внешним деятелям встречаться с Ющенко, признает факт спорности выборов и наличия у оппозиции оснований для притязаний и т.п. Так власть фактически отказывает самой себе во власти»¹.

Помимо присущего истмату механицизма, над созданием политиков и политологов довлела инерция «демократического мышления», ложная программа которого была внедрена в их головы во время перестройки. Скорее даже, этот вирус поразил их подсознание — ведь не могли же умные люди сознательно и всерьез верить в то, что орудующие на Украине агенты ЦРУ и Сороса больше всего заботятся о честных демократических выборах.

Э.Михневский пишет об этой удивительной глупости: «Глеб Павловский — человек, долго изучавший революции и возможности их сокрушения — недоволен собой. Он считает, что, чрезмерно сфокусировав внимание на процессе украинских выборов, слишком поздно оценил реальный потенциал тамошней ситуации. В ту же ловушку попали и другие российские политтехнологи, искавшие себе применения на тех выборах — и Марат Гельман, и Сергей Доренко, и все тот же Стас Белковский. «Сколько их, куда их гонят?» — скорбно интересуется руководитель Фонда эффективной политики. Короче: проглядели конкурирующий проект.

В нескольких интервью (в частности — «Независимой газете» и журналу «Эксперт»), говоря о побе-

¹ Шайхутдинов Р. Цит. соч. // «Со-общение», 2005, № 2.

де «оранжевых» и перспективах потрясений в России, г-н Павловский на разные лады повторяет следующее: тем, кто хочет, чтобы развитие обеспечивалось политической стабильностью, важно понять: ошибка — думать, что оппозиционные круги готовятся к выборам. Революционеры осуществляют другой проект — проект взятия власти, приуроченный к выборам»¹.

Результатом поражения сознания во время перестройки стал и нелепый *легализм* мышления политиков и политологов. Нелепым он является потому, что сами они, легко нарушая нормы права, в то же время наивно верят, что политическая клика, руководимая Западом, будет действовать в правовом поле. А значит, и сами они не имеют права огорчить западных надзирателей и нарушить букву закона.

Р.Шайхутдинов констатирует с удивлением: «Характерными являются слова Кучмы на пресс-конференции вечером 24 ноября: власть не принимает участия в работе избиркомов, на Украине действует самый демократический избирательный закон. Это означает, что власть не видит необходимости покидать правовое поле, несмотря на то, что ее противники действуют все более беспардонно. А в это время Ющенко приносит присягу, создается Комитет национального спасения, объявлена политическая забастовка, планируется перекрывать дороги и нарушать работу госучреждений. Что, как не изначальное, навязанное бессилие руководит бездействием власти? Руки связаны у государства, но развязаны у оппозиции.

¹ Мухневский Э. Фабриканты страха // «Со-общение», 2005, № 1

Заметим: каждое из действий оппозиции, которые были описаны вначале, законно. Только все вместе они образуют неправоую конструкцию, с которой государственные службы пытаются справиться в рамках права, фиксируя лишь отдельные ее проявления. Ведь правовым образом практически невозможно доказать взаимосвязь отдельных проявлений идущей «спецоперации», поскольку тот, кто удерживает схему целиком, находится за пределами страны».

Поправляя Р. Шайхутдинова, заметим, что и самопровозглашение Ющенко Президентом, и декреты Комитета национального спасения, и перекрытие подходов к госучреждениям, и самовольный обыск автомобилей, показавшихся манифестантам «подозрительными», — каждое из этих действий «оранжевых» очевидно нарушало закон. Силовое пресечение этих действий было бы вполне законным, более того, закон *требует* от правоохранительных органов пресечения подобных беспорядков. Проблема в том, что закон не сформулировал однозначно, какие именно меры власть должна предпринять в подобном случае и какое наказание должностных лиц влечет непринятие этих мер. Получив формальный повод выбирать между активным противодействием беззаконию и выжидающим, должностные лица предпочли более безопасный для себя вариант. Выражение «оставаться в правовом поле» стало во время «оранжевой революции» эвфемизмом, обозначающим непринятие властью силовых мер против манифестантов, если только они не начнут прямой штурм административных зданий с использованием огнестрельного оружия.

КУЛЬТУРНЫЕ ПРИЧИНЫ УЯЗВИМОСТИ ЕВРОПЕЙСКИХ ХРИСТИАНСКИХ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Главным фактором консолидации общества и легитимизации его государства является *мировоззрение* (картина мира) и не осознаваемое людьми *мироощущение*. На их основе складывается представление о *благой жизни* («образ истинности») — система координат, позволяющая человеку различать *добро* и *зло*. Когда эта духовная основа переживает кризис, культурное ядро общества разрыхляется или даже разваливается, и в любой ситуации выбора люди чувствуют себя неуверенно, они затрудняются в различении добра и зла. Общество становится беззащитным против манипуляции сознанием.

В таком положении победителем в политическом столкновении становится тот, кто владеет лучшими средствами манипуляции (техническими, технологическими и интеллектуальными). Известно, что манипуляция опирается на реально имеющиеся в обществе противоречия и стереотипы. Но ее цель заключается в том, чтобы посредством духовного воздействия на граждан нужным образом *изменить* представления людей о реальности и об их собственных интересах — гипертрофировать одни элементы, приглушить другие, нарушить способность «взвешивать» явления и угрозы, отключить память и навыки рефлексии. Образ человека, которого надо «создать» посредством манипуляции, вырабатывается технологами для каждой конкретной программы, а затем в «лаборатории» под-

бираются технические и идеологические средства для превращения людей-мишеней в существа, соответствующие шаблону.

Как показал опыт, в таких революциях при наличии даже весьма слабых предпосылок (которых было бы совершенно недостаточно для революции по Ленину или Грамши) манипуляторы могут быстро сплотить большую массу людей очень сильной солидарностью. На ее основе удастся на короткий срок организовать толпу иной природы, чем описанная Лебоном, — толпу целеустремленную, сложно структурированную, обладающую коллективным разумом и ответственностью. Ее отличие от классических революционных масс в том, что и цели, и разум, и структура, и действия этой «оранжевой» толпы задаются извне, манипуляторами.

Все эти атрибуты революционной массы имеют встроенный механизм саморазрушения, так что после выполнения поставленной задачи у массы не остается ни целей, ни организации — в ходе революции не возникает политической воли и проекта (в отличие, например, от русской революции 1905—1907 гг.). Анализируя опыт Украины, А. Головков пишет: «При должной постановке дела ограбленные массы идут за своим ограбителем против других ограбителей, ничуть не более виновных в бедствиях народа. Масс-психологические особенности организованной толпы позволяют ситуативно объединять усилия самых разномастных деятелей, невостребованных официальной политической средой. Так произошло в Грузии, где под карточными крестовыми знаменами Саакашвили соединились правые и левые, демократы и «авторитеты». Соединились, чтобы разойтись сразу же после «пира

победителей». Так происходит и на Украине, где в нынешней тусовке Ющенко сошлись элементы, идейно несовместимые в обычных условиях: рафинированные киевские интеллигенты и шпана из винницких и уманских подворотен, идейные последователи украинского «Яблука» и откровенные нацисты из УНА-УНСО, политические выдвиженцы киевских олигархов и как бы левые социалисты из партии Мороза. По российским меркам, это как будто смесь из явлинцев и баркашовцев с жириновцами в одном флаконе»¹.

«Оранжевые революции» не порождают революционной элиты, которая могла бы выработать свой проект и развивать революцию вопреки целям манипуляторов. «Оранжевые революции» безопасны для их организаторов, из бутылки выпускают джинна-однодневку. Более того, после завершения такой революции и роспуска толпы власть может отобрать по своему усмотрению и интегрировать в систему ценные кадры активистов революции — *россыпью*, на индивидуальной основе, без всякой опасности для системы².

Политические технологи Запада вынесли эти уроки уже из событий 1968 г. во Франции — стихийно вспыхнувшей революции этого нового типа. Советские

¹ Головков А. На пороге заказных переворотов // «Политический журнал», 2004, № 47.

² Р. Шайхутдинов отмечает: «Нынешние властные элиты (по крайней мере, в России, Украине и Белоруссии) не знают способов эффективного включения интеллектуалов во власть. Если во Франции после 1968 г. такие механизмы, включая ротацию, были разработаны, и теперь каждый интеллектуал может участвовать в выработке государственных решений: работать в различных экспертных советах, занимать соответствующие должности, то на Украине (и в России) интеллигенция не понимает власть, поскольку власть не знает, что с ней делать».

и постсоветские обществоведы и политики этих уроков не вынесли и не поняли. Ни элита, ни власть советского общества не освоили уроков Красного мая, поскольку они были еще полностью погружены в рациональность Просвещения, находящуюся в СССР в сложном взаимодействии с рациональностью традиционного общества. Столкновение с рациональностью (или иррациональностью) постмодерна казалось тогда неактуальным. Эта культурная ситуация не изменилась в постсоветских европейских республиках до сих пор.

Р.Шайхутдинов пишет: «Этот новый народ (народ новой власти) ориентирован на иной тип ценностей и стиль жизни. Он наделен образом будущего, который действующей власти отнюдь не присущ. Но действующая власть не видит, что она имеет дело уже с другим — не признающим ее — народом!..

Мы стали свидетелями и участниками столкновения двух принципиально разных способов строительства и оформления власти — и при этом продемонстрировали себе и миру полное бессилие, проиграв в ситуации украинских выборов по всем статьям. Тот способ власти, то ее понимание, которое реализуется сегодня в России, а до недавнего времени реализовалось на территории Украины, Грузии, Аджарии, а ранее Сербии, оказался неспособен противостоять иному — современному и эффективному»¹.

¹ Надо подчеркнуть, что речь здесь идет о республиках, культура которых в достаточной степени «пропитана» европейским Просвещением. В азиатских постсоветских республиках революции, начавшиеся с Киргизии, при внешней схожести, например, с «революцией роз» в Грузии, опираются на использование других культурных средств, другого языка и норм рациональности. Здесь «оранжевые» революции идут не вполне по плану, и результаты их пока что очень неопределенны.

Красноречива растерянность избирательного штаба и политтехнологов Януковича на Украине. Они не понимали, что происходит — настолько, что даже попытались имитировать приемы своих оппонентов (тоже надели цветные шарфы), что было признаком полной беспомощности. Речь действительно идет об искусственно созданной на сравнительно короткое время *культурной катастрофе*. В нее была втянута почти половина политически активного населения, имевшая для этого некоторые объективные предпосылки в сфере рациональных интересов. Но столь глубокое расхождение со второй половиной было достигнуто средствами воздействия на духовную сферу. И друг друга обе половины понять не могли — люди из обеих частей общества казались друг другу помешанными или злонамеренными.

Пресса писала, что в те короткие два месяца стало модным красить волосы и бороды в оранжевый цвет — из магазинов даже исчезла хна. В лавках на видных местах висят оранжевые женские трусики и такого же цвета презервативы. По официальным данным, с начала «оранжевой революции» на Украине подано около 40 тыс. заявлений о разводе по политическим разногласиям. И причина только одна: жена — «белоголубая», а муж — «оранжевый». В одном из киевских загсов мужчина рассказывал, едва не плача: «Тридцать лет прожили! А недавно жена словно с ума сошла — проголосовала за Януковича. Не могу я в одной постели с врагом спать!»

«Оранжевые» на Украине говорили на новом, непривычном для людей «прежней эпохи» языке. Этот язык был необычным и привлекательным для полови-

ны населения, идиотским и бессодержательным — для другой половины. Коммунисты Украины, которые пытались разглядеть в этом столкновении классовые интересы, не смогли определить свою позицию в непривычных понятиях — и просто вышли из боя, представив дело как «схватку двух олигархических кланов». Неадекватность рациональности КПУ выявилась с полной очевидностью: при глубоком общенародном конфликте коммунистическая партия даже не нашла слов для определения его природы. Мало того, в критический день 27 ноября фракция КПУ в парламенте подлила воду на мельницу «оранжевых»: в условиях, когда ситуация организованного из-за рубежа переворота была очевидной, лидер партии Симоненко вдруг заговорил о массовых фальсификациях в обоих турах голосования, а фракция проголосовала за постановление, выгодное «оранжевым».

Слова, которые Ющенко бросал в толпу, не имели жесткого конкретного содержания. Их функция была — сплотить людей в толпу общей идентификацией («мы — не быдло»), наэлектризовать привлекательным магическим словом *свобода*. В столкновении с запрограммированным сознанием этой толпы проиграла типичная русско-советская рациональность — и элиты, и массы шахтеров и рабочих. И Янукович, и его избиратели говорили о тех ценностях, которые были для них очевидными и самыми важными и, как им казалось, должны были быть самыми важными для всех. Эти ценности — восстановление украинского хозяйства, рост производства угля и стали, повышение пенсий и зарплаты, политическая стабильность и порядок.

Та «постсоветская» часть населения Украины, которая не присоединилась к революции, была парализована непривычным типом поведения своих оппонентов. Это было «поведение постмодерна», лишенное и закона, и «понятий». Дело не в разной степени аморальности, а в несоизмеримости стилей двух сообществ, принадлежащих к двум разным культурным эпохам (неважно, что эта «принадлежность к постмодерну» у толпы на Майдане была краткосрочной, наведенной режиссерами спектакля).

Что могли ответить постсоветские люди на непрерывно повторяемый «оранжевыми» лозунг: «Все нормальные люди с нами, все было уркаганное — с ними»? Они просто остолбенели. Огульное поливание грязью Януковича и его сторонников, обвинение их во всех грехах тоже вызвали замешательство. Янукович — сепаратист, хочет отделиться (хотя именно «оранжевые» первыми отказались повиноваться властям, приведя страну к расколу)! 96% голосов за Януковича в Донецке — подтасовка (а 93% во Львове за Ющенко — выбор народа). Люди Януковича насильно гонят студентов на митинги, нанимают спецпоезда для перевозки пьяных шахтеров из Донецка в Киев (хотя все знали, что на западе Украины на митинги насильно гонят всех, вплоть до младших школьников, и все в Киеве видели, что улицы и переулки рядом с площадью Независимости забиты автобусами с западноукраинскими номерами). Спорить было глупо — пространства для диалога не существовало. Господствовал *постмодернистский спектакль*, и зрителям слова в нем не давалось.

Беззащитно оказалось постсоветское сознание и против манипуляции — причем с использованием ме-

тодов, которые уже применялись во время перестройки. Не вызвали они иммунитета в сознании, катастрофа 90-х годов оказалась недостаточна, чтобы произвести катарсис, заставить людей «починить» сознание. Выше уже говорилось, что на Украине был применен тот же миф, что и в РСФСР при избрании Ельцина — *«оппозиция против номенклатуры»*.

Вообще, антигосударственный синдром перестройки оказался на удивление живучим — у очень большой части населения Украины вызывала ненависть сама власть, те хозяйственные структуры и даже трудящиеся, которые эту власть поддерживали. Вот что писал в редакционной статье журнал, целиком посвященный «оранжевой революции»: «Удивительны свойства постсоветского образованного класса — нетерпение и пугливость. Едва только развернется хоть вполсилы государственная конструкция, как вступает хор: авторитаризм наступает! Геть! Долой! Довольно! Едва консолидируется массовое политическое представительство неких значимых экономических интересов, как звучат испуганные охи: коли дадим им победить, так все, конец, эти — ни с кем не делятся, они всех слопают! Разве не так твердили украинцам «оранжевые» агитаторы о «донецких», развернув неслыханную по беспардонности антивосточную кампанию»¹.

Опыт Украины показал, что постсоветская власть почти полностью утратила инструменты рационализации конфликта, то есть возможность обратиться к обществу с изложением сути выбора, который надо сделать населению, наблюдающему за столкновением

¹ Оранжевое цунами // «Со-общение», 2005, № 1.

власти и оппозиции. Методы рационализации, то есть представления противоречий в разумных терминах с применением разумной меры, вырабатываются соответственно типу и культуре данного общества. В культуре с православными или мусульманскими корнями власть ведет с обществом разумный и реалистичный разговор на ином языке, нежели в культуре «свободных индивидов». Переход к языку, не соответствующему типу общества, ведет к пресечению диалога и взаимопонимания. Происходит отчуждение населения от власти, растет недоверие к ней. С другой стороны, и власть (шире — весь правящий слой) перестает понимать процессы, происходящие в массовом сознании. Одной из главных причин резкого ослабления власти в СССР и стало то состояние, которое Ю.В.Андропов определил так: «Мы не знаем общества, в котором живем».

В СССР расхождение между языком власти и языком населения увеличивалось начиная с середины 50-х годов. К 80-м годам образовался разрыв, накопившиеся социальные противоречия, которые вовсе не были антагонистическими, не находя выхода, превратились в призраки, которые бродили по Союзу. Горбачев эксплуатировал эти призраки и привел к катастрофе советской государственности, оставшись в коллективной памяти как изменник Родины.

Представителем власти, потерявшей общий язык с обществом, на Украине оказался В.Янукович. Он, будучи премьер-министром правительства Кучмы, утратил возможность говорить на близком обществу языке земных понятий, а вынужден был, защищаясь от нападков Ющенко, обращаться к категориям «прав человека» и «демократической законности», которые дав-

но утратили всякий смысл и авторитет, да и попросту надоели людям. Он не имел возможности и навыков для того, чтобы изложить людям суть исторического выбора, представленного двумя кандидатами, личные достоинства и недостатки которых *несущественны* по сравнению со значением этого выбора. В.Янукович проиграл, имея разумные основания для победы.

«Постсоветская» часть украинского общества, на которую и опирался Янукович, ждала от него разумного реалистичного *проекта*. Но он, в принципе имея возможность ответить на этот запрос, вел себя как «западный» политик, пытаясь переиграть Ющенко на его поле и вторя оппоненту о «европейском выборе» Украины. Ю.Громыко пишет: «Янукович не заявил проекта национального масштаба, в котором каждому украинцу есть место. Выступив прорусским политиком, он оперся на... «пустоту» В.В.Путина, который тоже не выступил с проектом цивилизационного масштаба, определяя роль и функции Украины в этом проекте... Но никакого содержательного проекта у Януковича в процессе избирательной кампании не оказалось. В этих условиях Янукович был обречен».

В. Осипов пишет о состоянии избирателей на востоке Украины: «Там люди в большинстве своем поддерживали Януковича, но без энтузиазма, так, спокойненько. Ходили и голосовали. В обычной ситуации этого оказалось бы достаточно. Но в революционной — нет... Таксист из Энергодара рассказал, что у них в городе почти все были за Януковича. А хозяин автопарка — за Ющенко. И вот, угрожая шоферам увольнением, он потребовал, чтобы они надели на машины оранжевые ленточки. Они надели. Работать стало невозможно —

никто не хотел ехать. Как-то ночью наш герой подъехал к ресторану, откуда вышли три здоровенных мужика в сине-белых шарфах, заставили бесплатно возить их по городу, а потом чуть не разнесли машину. И все за оранжевые ленточки. Он — к шефу: пиши бумагу, что если машину разобьют, то мне ничего не будет. Шеф — в отказ. Тогда ребята ленточки сняли. Вот такой накал страстей».

Беззащитным оказалось и сознание значительной части населения Украины и против другого мощного средства манипуляции — активизации и раскручивания *национализма* (в данном случае антироссийского). Этот фактор требуется рассмотреть особо.

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СЛАБОСТИ ПОСТСОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Все революции, какими бы «оранжевыми» они ни были, используют для замены власти *реальные социальные противоречия*. Однако «оранжевые революции» организуются так, чтобы *использовать* накопившееся недовольство масс и едва народившуюся революционную энергию для достижения политических целей, никак не связанных с разрешением социальных противоречий в интересах этих самых масс.

А.Бузгалин, развивая афоризм Ленина («Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти»), дает трактовку «оранжевой революции» как эпизода классовой борьбы. Трактовка, на наш взгляд, совершенно неадекватная, но расхождение целей «массовки» и режиссеров отражено верно: «Наиболее активными, эн-

тузиастичными и постоянно работающими на победу Майдана стали «рядовая» интеллигенция, молодежь (прежде всего студенчество) и рабочие. На их плечах, на их поте и энергии приходят к власти буржуа и «опозиционные» олигархи Украины, потеснив (но не победив до конца) старую олигархо-бюрократическую власть»¹.

Конкретно «оранжевые революции» в Югославии, Грузии и на Украине были эффективным «перехватом» энергии массового недовольства и применением его как тарана для смены типа государственности этих стран в интересах строительства Нового мирового порядка. А. Головков пишет: «Технология построения хорошо организованной толпы — ключевой элемент всей соросовской революционной механики. Толпа — механизм одноразового использования, поэтому требует больших, но одноразовых затрат. Большинству из «протестующих против антинародного режима» не надо даже платить — они делают это вполне добровольно. Им необходимо прежде всего выплеснуть свой гнев против окружающей скверной действительности. И они получают такую возможность. Недовольные жизнью граждане составляют весьма значительную часть населения любой страны. Поэтому «армию протеста» всегда можно наберечь, если имеются необходимые на то деньги»².

При этом устанавливалась новая власть, лишённая остатков государственного суверенитета и превращаю-

¹ Бузгалин А. Майдан: народная революция или ...? — www.apn-nn.ru/diskurs_s/25.html, 2005.

² Головков А. На пороге заказных переворотов // «Политический журнал», 2004, № 47.

щая эти «бывшие» страны в периферийное пространство нового порядка. Разрешение или простое подавление прежних противоречий, использованных в такой революции, в дальнейшем будет происходить по планам и исходя из критериев той метрополии, которая и была заказчиком и теневым руководителем переворота. В каких-то случаях это может соответствовать желаниям и надеждам «революционных масс», а в каких-то будет противоречить, но это уже не будет играть существенной роли в ходе дальнейших событий¹.

Здесь мы фиксируем этот первый урок «оранжевой революции» на Украине: если в стране накопились реальные социальные противоречия, не находящие разрешения при данной конфигурации власти, в этой стране *может быть* проведена революция этого типа. Будет или не будет предпринята эта попытка, решается уже вне страны.

Этот вывод настолько надежен, что ряд политологов считает его главным уроком для РФ, который нам преподали события на Украине. Е.Холмогоров пишет: «Мы должны прекратить реформаторское издевательство над страной, подрывающее основы ее цивилизации и социальной жизни. И мы должны при этом не дать повторить над Россией операцию, которая успеш-

¹ Д. Якушев проводит такую аналогию с Сербией: «Многие врачи Сербии радовались «освобождению от Милошевича». Опираясь на опыт «революции» 1991 г. в СССР, им говорили, что напрасно они так радуются: каким бы ни был Милошевич, миллионам таких, как они, лучше от подобных революций не бывает. Они в это не верили. Сегодня, два с лишним года спустя, они уже не ликуют. Они слишком заняты элементарным животным выживанием в мире «прозрачных и равных условий для всех». Точно так же теперь украинцам сербский опыт не указ. Главное — не допустить того, «чего хочет Путин»!».

но уже была проведена над Грузией и Украиной — когда реальное недовольство народа уровнем жизни и реальная утрата властью социальной базы были использованы для фактического сворачивания независимого существования этих стран, для превращения их в политические марионетки»¹.

В другом месте он подчеркивает, что именно на этот фактор следует прежде всего обращать главное внимание, а не на технологическую сторону дела: «Оранжевый» контекст напрочь заслоняет социальный смысл происходящего. И это очень зря, поскольку и в Грузии, и на Украине для запуска революционного маховика были использованы реальные социальные проблемы и линии напряжения»².

Таким образом, *объективные предпосылки* для недовольства населения являются важным фактором слабости власти при угрозе «оранжевой революции». Эти предпосылки превращаются в открытое недовольство, если в данной политической системе они не находят адекватного механизма их выражения через общественный диалог с властью.

В любом обществе и любом государстве имеют место неразрешенные общественные противоречия. Если политическая система способна *рационализировать* эти противоречия (открыто выложить их на стол переговоров), то их сложно превратить в объект манипуляции и далее — в *идолов* массового сознания. Они становятся предметом или конструктивного разрешения, или временного компромисса, или, в крайнем случае,

¹ Холмогоров Е. Проблема 2005 // «Спецназ России», 2005, № 1 (100).

² Холмогоров Е. «Мы не рабы. Рабы — они». 25.01.2005.

подавления — с объяснением причин невозможности их разрешения или компромисса.

Если же говорить о технологической стороне, то «бархатные» и «оранжевые» революции показали эффективность современных методов *канализирования* массового недовольства, то есть внушения людям различных, в том числе взаимоисключающих представлений о способах разрешения противоречий. Благодаря этому и удастся во время выборов так расколоть общество, что два кандидата с альтернативными программами получают почти одинаковые количества голосов.

Политическим и экономическим порядком, который установился во время президентства Кучмы, были недовольны жители всей Украины. Людей возмущало и беспрецедентное массовое обеднение населения вчера еще высокоразвитой страны, и бесстыдная коррупция власти. За последние три года наметились признаки возрождения промышленности, загрузки простаивающих производственных мощностей, рост занятости и доходов работников. На эти признаки население промышленных регионов (дающих, кстати, свыше 80% чистого ВВП Украины) ответило тем, что проголосовало за Януковича, в бытность которого премьер-министром эти признаки и проявились. Мотивация была ясной — поддержка восстановления хозяйства и экономического роста. Язык и логика его предвыборных выступлений соответствовали именно этой мотивации его избирателей. Для них возвращение к власти команды Ющенко означало повторение разрушительной политики 90-х годов.

Напротив, недовольному Кучмой населению запада Украины была внушена противоположная мотива-

ция — ориентироваться не на восстановление своего народного хозяйства, а на интеграцию с богатыми западными соседями. Очень многие поддержали Ющенко исходя из утопической надежды, что «Украину еще могут принять в ЕС и НАТО, но Россию никогда». Этой части населения подсказали, что для благоприятного решения о скорейшем принятии Украины в «Запад» нужно всеми силами развивать в себе и демонстрировать *особенное украинское* и подавлять все *общее русское*. Надо доказать Европе и США, что украинцы — не русские, что они навсегда порвали со своим предосудительным прошлым.

Отсюда и антирусский психоз, и гипертрофированный антисоветизм электората Ющенко. В ответ в резолюциях конференций и собраний избирателей в восточных областях Украины присутствовало такое красноречивое требование: «Требуем не вступать в ЕС и НАТО, а плодотворнее сотрудничать со странами СНГ и другими партнерами». В результате столь резких расхождений — идейный хаос и раскол украинского общества, в конце столкновения победа проамериканских сил. Острое недовольство властью резко сокращает возможности диалога и выяснения сути исторического выбора.

Свидетельством общего культурного кризиса явилось на Украине не только резкое размежевание граждан в их отношении к векторам альтернативных программ кандидатов, но и трудность в определении самой сути происходящих в стране столкновений. Эта трудность обнаружилась даже в среде близкой по своим идейно-политическим установкам интеллигенции.

А. Бузгалин пишет о дискуссии на круглом столе в Киеве, в которой он принял участие в январе 2005 г. На собрании присутствовало более пятидесяти человек — политологов и лидеров левых партий, молодых активистов «оранжевых». Аудитория разделилась на группы, предлагающие совершенно разные версии, объясняющие природу декабрьских событий. Одни считали, что эти события представляют собой «выступление граждан против бюрократически-криминальной власти, демократическую народную революцию — пусть не социально-экономическую, но политическую» (молодые активисты социалистической партии, постоянно работавшие и жившие на Майдане). Другие считали происходящее «переделом власти между олигархическими кланами, при котором оппозиционные олигархи использовали недовольство народа в своих целях, применив для этого современные политические технологии (профессора-политологи и активисты Коммунистической партии Украины). Таким образом, обе группы, кардинально расходясь в оценке целей и последствий «оранжевой революции», соглашались в том, что ее движущей силой было *недовольство народа*.

ОРАНЖЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СОУЧАСТИЕ ВЛАСТИ

Вторая причина успеха «оранжевых революций» менее фундаментальна, чем наличие тяжелых и неразрешенных социальных проблем и вызванный этим разрыв власти с обществом. Причина эта — в тайном сговоре власти с революционерами. Она с большим трудом поддается

сознательному воздействию со стороны той части общества, которая отвергает «оранжевую революцию».

Все «бархатные» и «оранжевые» революции происходят по команде и под контролем внешних сил, по отношению к которым сама власть обладает ограниченным суверенитетом. Например, партийно-государственное руководство восточноевропейских стран социалистического лагеря подчинялось командам из Москвы. Оттуда им и было сообщено решение о сдаче власти «бархатным» революционерам (попытка Чаушеску послушаться этой команды стоила ему жизни). Окружение Милошевича в Сербии после интенсивных бомбардировок НАТО и, видимо, закулисных переговоров решило прекратить сопротивление и подчинилось диктату Запада. Шеварднадзе и Кучма увязли в коррупции и потеряли самостоятельность по отношению к администрации США. Получив уведомление о том, что начинается спектакль по их «свержению», они не имели ни сил, ни мотивов для того, чтобы бросить вызов США и попытаться оказать реальное сопротивление (на манер Сальвадора Альенде).

То, что правящая верхушка Украины способствовала победе «оранжевых», мало у кого вызывает сомнение. Украинский коллега, далекий от политики, но наблюдавший события «оранжевой революции» с самого начала до конца, написал: «Почему власть, обладавшая несоизмеримым силовым превосходством перед митингующими, не разогнала их даже тогда, когда они начали осуществлять акции прямого саботажа против государственных учреждений? Ответ очевиден: такое развитие событий входило в план самой власти и тех, кто за ней стоит».

Е.Холмогоров обращает внимание именно на необычность и сложность для общества ситуации, в которой стоит задача не позволить власти совершить политическое самоубийство. Он пишет: «Возможность такого политического самоубийства ни для кого сегодня не секрет. В течение прошедшей пятилетки нечто подобное произошло с режимом Милошевича в Сербии — отказавшимся от противостояния уличной революции, режимом Саддама Хусейна в Ираке, фактически самораспустившимся на третью неделю американской интервенции, с режимом Шеварднадзе в Грузии, опрокинутым «революцией роз». Наиболее масштабное политическое самоубийство мы наблюдали в конце прошедшего года на Украине — и тревожно примеряли происходившее на Майдане к ситуации в России.

Во всех случаях речь шла о самоликвидации политических режимов, по тем или иным причинам не угодивших США. Во всех случаях на смену «самоубийцам» приходили политические режимы настолько марionеточные по своему характеру, что говорить о самоопределяющейся суверенной государственности в этих странах не представлялось более возможным».

Само предположение о том, что власть ведет закулисные переговоры, чтобы капитулировать перед противником, парализует общество и не позволяет ему организовать для поддержки такой власти. В западном обществе измена верховной власти является очень неблагоприятным фактором, ухудшающим положение государства в конфликте, но этот фактор не вызывает ступора структур гражданского общества. Ведь государство — всего лишь «ночной сторож»! Ну, изменил этот сторож, но общество должно организовать для защи-

ты своих осознанных интересов. В картине мира традиционного общества «самоубийство» верховной власти — катастрофа, которая вызывает моментальное обрушение государственности. Как защищать такую власть?

Холмогоров продолжает: «В то время как прежние технологии экспортирования переворотов и революций предполагали раскол в политической элите, ставку на переворот одной властной группировки против другой, современные технологии переворота предполагают именно соучастие «власти» и «оппозиции» в разрушении политической системы. Причем роль тех, кто играет за «власть», в каком-то смысле важнее и труднее. Им приходится изображать из себя не народных героев, а, напротив, опереточных злодеев, которых ненавидит весь народ и которые, в отличие от злодеев реальных, умеют только злить публику, но никак не навязать свою злодейскую волю хитростью и оружием. Подлинно новая черта новейших «революционных технологий» именно в том, что заказанная извне революция разыгрывается «в четыре руки», и представители «власти» способствуют своему свержению едва ли не с большим энтузиазмом, чем представители оппозиции.

Украинский случай был в этом смысле предельно показателен. Старая власть делала все для того, чтобы выставить себя в предельно невыгодном свете перед лицом украинского общества. Цинизм, продажность, беспринципность были настолько же демонстративными, насколько демонстративным было и бессилие политического режима в организации собственной самозащиты... А когда обнаружилось, что виртуальная украинская «революция» неожиданно спровоцировала вполне реальное сопротивление восточных регионов

«оранжевому» перевороту, были приложены огромные усилия, чтобы нейтрализовать этот встречный поток и не дать ему разрушить целостный сценарий «народной революции против коррумпированного режима Кучмы». Хотя «постановочность» революционного действия и вовлеченность в него всех мнимых антагонистов была настолько очевидной, что даже кое-где в западной прессе прозвучали (правда, довольно робко) голоса протеста против попытки подать государственный переворот как «народную революцию».

Требования массовых собраний и конференций избирателей восточных областей Украины были принципиальными, и власть, если бы действительно желала реального волеизъявления, а тем более победы «своего» кандидата, вполне могла на них опереться и заставить «оранжевых» уйти с Майдана и включиться в диалог.

Вот некоторые из большого перечня требований (из резолюции конференции в Донецке):

3. Требуем не дать Ющенко совершить государственный переворот с помощью Америки.

4. Президент! Мы за применение силы, если Ющенко угрожает штурмом. Он не остановится, если его не остановите Вы.

9. Требуем прекратить вмешательство западных стран в политические процессы в Украине.

13. Требуем снять статус депутатской неприкосновенности с Ющенко и Тимошенко и призвать их к уголовной ответственности:

за попытку самозахвата власти (самовольная попытка инаугурации Ющенко);

за массовые беспорядки, блокирование работы правительства и, как следствие, развал экономики, инфляцию, расшатывание банковской системы, рост цен, панику среди населения;

за блокирование работы Верховной Рады, угрозы физической расправы над депутатами-оппонентами, протаскивание своих решений в их отсутствие;

за разжигание межнациональной розни;

за публичные оскорбления русскоязычного населения юго-востока (не «титульной» нации);

за погромы, избиения прихожан, захваты православных церквей на западе Украины.

Власть сделала вид, что просто не слышала этих требований. Все последующее было уже делом техники: и судебное решение о том, что многочисленные нарушения в ходе второго тура не позволяют определить истинное волеизъявление народа; и незаконный «третий тур», по итогам которого Ющенко, на фоне «подъема революционного движения» одержал «сокрушительную победу» над «обанкротившимся» Януковичем; и последующее игнорирование судом жалоб со стороны Януковича, полностью аналогичных тем жалобам, на основании которых были отменены итоги второго тура но, в отличие от жалоб Ющенко, подкрепленных многочисленными документальными доказательствами, в том числе, видеозаписями нарушений, которые Верховный суд просто отказался рассматривать... Так власть организовала опереточное «восстание» против самой себя.

А.Чадаев подчеркивает, что это — общее свойство ряда постсоветских государств (из этого ряда явно выпадают Белоруссия, Азербайджан и, вероятно, еще че-

тыре азиатских республики). Он пишет: «Такая стратегия «революции понарошку» может быть успешной лишь при наличии у действующей власти ряда обязательных свойств (ими, впрочем, обладают практически все постсоветские режимы). Картонному герою в пару нужен картонный злодей — и такой злодей в лице власти всегда находится, и всегда оказывается именно картонным.

Такую власть можно демонизировать бесконечно — в своих ответных действиях она никогда не пойдет до конца. Ее можно обвинять во всех грехах, в любом человекоубийстве и людоедстве, заранее зная, что, дойди дело до необходимости взять ответственность за реальное людоедство и человекоубийство, она всегда дрогнет и отступит»¹. Показательны в этом плане последние теледебаты Ющенко и Януковича перед «третьим туром». Ющенко в прямом эфире без конца обвинял оппонента в краже трех миллионов голосов, вбрасывании полумиллиона бюллетеней после окончания голосования в одной только Донецкой области — и Янукович ни разу не ответил прямо и четко, что это ложь, а только бормотал что-то невнятное.

И дело не только в том, что «злодей картонный» и никакого вреда «оранжевой» толпе причинить не может. Власть активно выставляет себя в дурном свете даже эстетически, сознательно окружает себя такими защитниками, которые не вызывают симпатий у обывателя. Д.Юрьев пишет: «Важно подчеркнуть, что на этом этапе участие «преступной власти» в разжигании революционного энтузиазма неопределимо: все более непопулярная элита становится все менее адекватной, все

¹ Чадаев А. Цит. соч.

более одиозной, на первый план выходят самые мало-симпатичные, самые отталкивающие персонажи (на самом деле на этом этапе те представители элиты, которые еще способны к нормальному взаимодействию с народом, к тому, чтобы слушать и слышать людей, попадают под ударное воздействие массовых настроений; на стороне власти остаются только самые одиозные отморожки, что вызывает еще большее раздражение и агрессивность общества)»¹.

В такой ситуации власть, имея достаточно средств для оплаты хороших консультантов и экспертов, вдруг начинает вести себя необъяснимо глупо, якобы «некомпетентно», делая ошибки грубейшие, последствия которых очевидны. Так она вела, например, предвыборную агитацию против Ющенко, просто возмутив массу аполитичных людей и оттолкнув их от «своего» кандидата.

Анализируя ход событий в Киеве, наблюдатели указывают, что даже с технической точки зрения «оранжевая революция» была бы невозможна без сознательного соучастия в ней высшей власти страны. Вот одно из таких заключений: «Следует учесть в анализе и тот факт, что провести мероприятие такого масштаба без существенного содействия Кучмы и его администрации оппозиция никак бы не смогла, несмотря на все американские деньги и материалы. Для разгона подобной манифестации в зимнее время не нужно танков или российского спецназа, который Тимошенко изыскала в рядах киевской милиции. Достаточно было бы пять-шесть пожарных машин. С мокрой задницей

— — —

¹ Юрьев Д. Цит соч.

в палатке не отогреешься, так что местный молодняк разбежался бы по домам, а где отогревать заезжий — стало бы головной болью оппозиции. Не справься она с этим — потеряла бы авторитет окончательно. Да и справилась бы — а митинг-то тью-тью... За это время площадь разгородили стройзаборчиками, побили американские экранчики и лазерные установки... Кина не будет, кинщик спился»¹.

Для нас здесь, в общем, не слишком важны мотивы властной верхушки, совершающей политическое «самоубийство», которое, в принципе, следовало бы трактовать как государственную измену. Скорее всего, действует комплекс мотивов — страха, корысти и часто неприязни к своей «прежней» стране (то есть идейное сочувствие революционерам).

Ш.Мамаев, изучающий сходные случаи свержения власти, делает такой общий вывод: «Невольно возникает вопрос — почему все они, Акаев, Кучма, Шеварднадзе, зная, что против них готовится революция, тем не менее фактически ей не сопротивлялись? Ведь во всех классических теориях революций подобное явление не было ни предусмотрено, ни описано. «В моем распоряжении имелись достаточные силы, которые были в состоянии это сделать», — говорил, в частности, Акаев в своем обращении к нации после бегства за границу. «Но когда бесчинствующая, неуправляемая волна стала накатываться на Белый дом, я дал жесткое указание в силовые акции не вступать и оружие не применять».

Поскольку в высокие моральные качества этих «бывших» верится с трудом — не далее как три года

¹ Гильбо Е 2004. Анализ «номенклатурной карты» Украины. 01.12.2004. <http://www.analysisclub.ru/index.php?page=social&art=1919>.

тому назад силовики того же Акаева вполне безнаказанно расстреляли мирную демонстрацию на юге страны, — приходится констатировать, что все дело заключается в позиции Вашингтона. Поскольку применение силы против «младенца», выношенного американскими правозащитными группами, грозит виртуальному «диктатору» изгнанием из финансового рая. Не говоря уже о том, что построенная на «купленных» выборах демократия не подразумевает никакого долга правителя перед своим электоратом»¹.

Таким образом, мы наблюдаем у близких соседей и скоро наверняка столкнемся сами с явлением, которое «не было ни предусмотрено, ни описано в классических теориях революций». Это значит, что классические теории устарели, и мы обязаны следовать не им, а выводам из эмпирических наблюдений, логического анализа и творческого поиска эффективных решений.

ОРАНЖЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ : РОЛЬ СПЕЦСЛУЖБ

Среди институтов власти особую роль в проведении «бархатных революций» играют *органы государственной безопасности*.

В цитированном ранее руководстве Дж.Шарпа сказано: «Стратеги неповиновения должны помнить, что разрушить диктатуру будет чрезвычайно трудно или невозможно, если полиция, бюрократический аппа-

¹ Мамаев Ш. Бархатные интервенции // «Политический журнал», 2005, № 16.

рат и вооруженные силы останутся целиком на стороне диктатуры и послушными ее приказам. Поэтому стратеги демократического движения обязаны считать стратегию подрыва лояльности силовых структур диктаторов высокоприоритетной.

Демократическим силам не следует призывать солдат и офицеров к немедленному мятежу. Вместо этого, если имеются связи с ними, необходимо четко разъяснять, что существует множество сравнительно безопасных форм «скрытого неподчинения», которые можно применять на начальной стадии. Например, полиция и военные могут выполнять приказы неэффективно, не находить людей, находящихся в розыске, предупреждать участников сопротивления о планируемых репрессиях, арестах или высылках, а также не представлять важную информацию вышестоящим начальникам. Недовольные офицеры могут по очереди игнорировать передачу команд по инстанции на проведение репрессий. Точно так же государственные служащие могут терять папки с делами и инструкциями, работать медленно, «заболевать» и сидеть дома до выздоровления»¹.

Американский обозреватель К.Д. Чиверс пишет в «Нью-Йорк таймс»: «Главную роль в победе оранжевой революции-путча на Украине сыграли офицеры госбезопасности, которые предпочли согласовывать свои действия с США»². Приведем кратко главные факты и выводы, данные в этом обзоре, оставляя за скобками допущения и слухи.

¹ *Шарп Дж.* От диктатуры к демократии // www.psyfactor.org/lib/sharp.htm

² *Чиверс К. Д.* 2005. Как украинские шпионы изменили судьбу страны // «Нью-Йорк таймс». <http://www.inopressa.ru/nytimes/2005/01/17/17:00:21/ukraina>.

Факты эти вполне согласуются с сообщениями российских и украинских наблюдателей. Как заявил корреспондент газеты «Коммерсант» С. Строкань, «решающая роль украинских секретных служб в недавних событиях в Киеве подтверждена десятками документальных свидетельств — появившихся по горячим следам и изобилующих откровенными признаниями. В числе интервьюируемых, помимо самих сотрудников спецслужб, — парламентарии, лидеры оппозиции, высокопоставленные сотрудники президентской администрации, западные дипломаты. Эти свидетельства появились в украинской и американской прессе. Их подтверждают наши собственные источники в Киеве».

Решающие события с участием спецслужб произошли в Киеве с 21 по 28 ноября 2004 г. Но подготовлены они были заранее. Чиверс пишет, что в 2003 г. Кучма назначил председателем Службы безопасности Украины (СБУ) генерала Смешко, известного прозападными взглядами. Ранее генерал работал в Вашингтоне и Цюрихе. Многие силовики, действовавшие против Януковича, входили в окружение генерала Смешко и работали в странах Запада или осуществляли связь с западными правительствами. Юлия Тимошенко заявила, что многие сотрудники СБУ, включая Смешко, просто сделали свои ставки. «Это была очень сложная игра», — сказала она.

21 ноября, после второго тура президентских выборов, Центризбирком сообщил о победе Януковича с перевесом в 2,9%. В тот же день начались демонстрации протеста, причем у оппозиции были деньги и организационные структуры, необходимые для длительного гражданского неповиновения. 22 ноября Генеральная прокуратура выступила с заявлением, что власти готовы «решительно положить конец любому беззаконию».

СБУ ответила на это контрзаявлением, в котором говорилось, что она не согласна с прокурором, что граждане имеют право на политические свободы, а политические проблемы должны решать исключительно мирными способами. Это был явный раскол в правоохранительных структурах Украины.

Затем в «Украинской правде» были опубликованы данные «прослушки» СБУ разговоров в штабе Януковича, из которых следовало, что при подсчете голосов были фальсификации. В ночь с воскресенья на понедельник, 22 ноября, один сотрудник штаба якобы сказал другому: «У нас негативные результаты, 48,37% у оппозиции и 47,64% у нас». По словам начальника избирательного штаба Ющенко (ныне вице-премьера) О. Рыбачука, эти данные ему предоставило СБУ¹.

25 ноября на Майдане рядом с Ющенко появились пять офицеров СБУ. Они обнародовали заявление, излагающее позицию СБУ и его обращение к коллегам из силовых структур — милиции и военным. «Не забывайте, что вы призваны служить народу. СБУ считает своей главной задачей защиту народа вне зависимости от того, откуда исходит угроза. Будьте с нами!» На следующее утро к толпе «оранжевой» оппозиции присоединились курсанты Академии МВД — они строем пришли на баррикады.

27 ноября состоялось совещание Кучмы, Смешко, Януковича и главы МВД М. Белоконя. Янукович потребовал назначить дату инаугурации, объявить чрезвычайное положение и разблокировать правительственные здания. Смешко изложил позицию СБУ и предупредил премьера, что мало кто из военных, если будет

¹ Начальник СБУ Смешко прокомментировал это так: «Официально СБУ не имеет никакого отношения к слежке за представителями Виктора Януковича. Такая слежка была бы незаконной без санкций судебных органов. К этому мне нечего добавить».

такой приказ, станет воевать с народом. Он сказал, что даже если солдаты выполняют приказ, разгрома не получится, так как демонстранты окажут сопротивление. Решением правительства было: военного положения не объявлять и силовых мер не принимать. О нем официально объявили на следующий день, 28 ноября, когда Совет по национальной безопасности и обороне проголосовал за урегулирование кризиса мирным путем.

Однако вечером 28 ноября на загородных базах под Киевом был по тревоге поднят и приведен в полную боевую готовность спецназ. Приказ выдвигаться в Киев отдал командующий внутренними войсками МВД в ранге замминистра генерал-лейтенант С. Попков. Сообщения о тревоге были переданы командованию СБУ, которое проинформировало оппозицию, своих офицеров на площади Независимости и американское посольство. Представители оппозиции позвонили американскому послу Джону Хербсту. Вскоре госсекретарь Колин Пауэлл позвонил Кучме (который не взял трубку).

Одновременно с этим руководители СБУ предупредили офицеров спецназа, что применение силы против мирных демонстраций незаконно, и если войска МВД войдут в Киев, спецслужбы будут защищать демонстрантов. Их предупредили также, что подразделения СБУ ведут наблюдение за Киевом и все действия будут сниматься на видео, а затем будут представлены в виде доказательств. Среди звонивших в тот вечер Попкову были глава ГУР А. Галака и начальник отдела военной контрразведки СБУ В. Романченко, который действовал по приказу главы СБУ Смешко. Спецназ вернулся на базу, и исход «оранжевой революции» был решен.

Глава 5

УРОКИ ОРАНЖЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА УКРАИНЕ: ТЕХНОЛОГИЯ И УЧАСТНИКИ

ПРОДУКТ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ УТОПИИ ВЫБОРЫ

Историк А.Тойнби писал, что целые цивилизации погружались в тяжелый кризис оттого, что господствующее меньшинство вдруг начинало верить в мифы, которые оно само внедряло в сознание масс, чтобы ими манипулировать. Это и произошло в постсоветских государствах. Сначала властная элита внедрила в массовое сознание предельно примитивный миф о западной демократии с ее якобы честными и равноправными выборами — чтобы добиться пассивного согласия на ликвидацию советской государственности. Потом та же самая властная верхушка нагло манипулировала выборами, зачастую этого даже не скрывая, так что большинство граждан просто плюнуло на этот «демократический институт». И вдруг, когда эту верхушку стали свергать, используя выборы всего лишь как *момент дестабилизации власти*, эта самая верхушка почему-то решила, что выборы всерьез.

Никаких логических оснований для такого странного выверта не было, это надо считать болезненным

приступом аутистического сознания. Вместо того, чтобы готовиться к реальной борьбе с конкурирующей политической силой, власть и ее кандидаты создают себе иллюзорную защиту в виде избирательного права и обслуживающих его органов. То есть начинают видеть в этих выборах действительный механизм конкуренции на «политическом рынке», который функционирует в рамках права.

Политологи прекрасно знали, что механизм «классических» выборов, как и «классический» суверенитет национального государства демонтированы в восточноевропейских странах, втянутых в орбиту Запада. Какое правительство является законным, а какое незаконным, решают в метрополии, причем для этого не требуется никаких формальных оснований (например, А.Лукашенко считается «незаконным», и Кондолиза Райс открыто совещается с белорусской оппозицией, обсуждая планы его свержения). Выборы становятся фикцией, спектаклем с заранее известным исходом.

Д. Юрьев пишет: «Единственным принципом признания законности власти — в том числе под угрозой прямого применения военной силы со стороны «мирового сообщества» — признается сегодня принцип поддержки народного большинства, выраженной путем «свободного» голосования на выборах. Единственное, что официально признает «Запад» — это общественное мнение, выражаемое через «свободные демократические выборы». А значит, необходимо обеспечить захват контроля за общественным мнением. Технологии узурпации выбора сводятся к тому, что с помощью ряда манипуляционных приемов воля определенной группы лиц сначала объявляется волей большинства населения, а потом с помощью других манипуляционных

приемов в головы большинства населения внедряется необходимость отождествлять эту волю со своей»¹.

Ясно, что необходимость обязательной легитимации результата выборов Западом вынуждает все группы населения, непосредственно зависящие от отношений с ЕС или США (например, собственники предприятий, работающих на западный рынок), вынуждены поддерживать на выборах того кандидата, которого признает Запад. В «Независимой газете» опубликовано интервью вице-президента консорциума «Индустриальная группа» (базирующегося в Донецке) А.Пилипенко. Он объясняет, почему эта группа бизнесменов не может взять сторону Януковича: «Если бы западные страны закрылись для нас, объявили эмбарго, это очень сильно ударило бы по нашей компании. Мы этого не скрываем. Поэтому нам важно не кто победит на выборах, а то, чтобы Запад признал их легитимность». А Запад предупредил, что признает только Ющенко².

Поскольку это явление наблюдалось с 2000 г. уже четыре раза, его надо считать присущей нашим государствам «переходного периода» родовой чертой. На Украине это проявилось драматическим образом. Р.Шайхутдинов пишет: «Пока власти Украины проводили выборы, Европа и США осуществляли на ее территории «спецоперацию», в которую выборы входили в качестве лишь одного из элементов. Это не заговор: с ним можно было бы справиться; это нечто иное — такое, чему ни мы в России, ни власть и официально выигравшая второй тур украинских выборов сторона ничего противопоставить не могли и уже не смо-

¹ Юрьев Д. Как сделать революцию («Оранжевые политтехнологии»)

// www.edinros.ru/forum.html?FID=161&page=3&FThrID=110391416910

² Якушев Д. 2004к.

гут. Это — стратегическая схема с отлаженным тактическим воплощением. Если технология и схема действия созданы, они будут распространяться»¹.

Что выборы являются лишь подмостками для спектакля, а овладевать ситуацией политические конкуренты будут с помощью совсем других технологий, было совершенно ясно из опыта подобных революций в Сербии и Грузии. Да и невозможно было скрыть эти планы, свержение «команды Кучмы — Януковича» открыто готовилось и обсуждалось с лета 2004 г. В начале октября, как писала пресса, Юлия Тимошенко заявляла: «Системно и последовательно готовимся к тому, что, когда победителем на выборах объявят представителя власти, мы возглавим настоящее восстание». Один из лидеров «Нашей Украины» Давид Жвания в интервью тоже заявлял, что «в Украине будет точь-в-точь так, как произошло в Грузии».

Команда Ющенко готовилась прийти к власти независимо от реальных итогов голосования. Она сразу предупредила: мы признаем выборы только в том случае, если победит наш кандидат. То есть о выборах уже не было речи, их превратили в плебисцит, на котором ставится вопрос: кто «наш», а кто «обманутый раб» (так именовались избиратели Януковича на плакатах оппозиции). Причем численность голосов, поданных за безальтернативного кандидата, не имела значения. Готовились совсем иные методы, чтобы рано или поздно заставить большинство населения поддержать нужного кандидата. Кому-то промыли мозги, кого-то испугали перспективой политико-экономического кри-

¹ Шайхутдинов Р. Демократия в условиях «спецоперации»: как убить государство // «Со-общение», 2005, № 2.

зиса, кто-то решил стать «нашим», чтобы не остаться изгоем.

На первой стадии велась интенсивная обработка сознания — избирателям постоянно внушалась мысль, что Ющенко проиграть не может, а если официальный подсчет голосов покажет, что он проиграл — значит, власти фальсифицировали результаты выборов и всем надо выходить на улицу протестовать против «беспредела». Но в штабе Януковича даже в конце октября не верили, что Ющенко выставит на улицы дружины штурмовиков, а тем более выведет многие тысячи сторонников.

Более того, ни слова, ни дела власти и сил, поддерживающих Януковича, не изменились и тогда, когда соратники Ющенко приступили к открыто силовым действиям, учинив беспорядки в помещении Центральной избирательной комиссии. Вот как звучит заявление избирательного штаба Януковича: «В ночь с 23 на 24 октября в Киеве произошли события, которые нельзя рассматривать иначе, как беспрецедентный акт силового давления на Центральную избирательную комиссию. Группа депутатов во главе с Виктором Ющенко при поддержке своих сторонников, вызывая злоупотребляя неприкосновенностью, ворвалась в помещение ЦИК и сорвала ее заседание».

Казалось бы, все ясно, сомнений в характере будущих действий Ющенко не остается. Каков же ответ? Он абсолютно неадекватен. Штаб Януковича заявляет: «Избирательная кампания Ющенко строится не на соревновании новых идей и конструктивной работе, а на грубой, вне цивилизованных норм, критике власти, безосновательных обвинениях и сознательном обмане людей. Обществу настойчиво навязывается мысль, что

любой другой вариант, кроме его победы, будет сфальсифицированным... Мы убеждены, что только безусловное соблюдение норм закона — от народного депутата до избирателя — сохранит стабильность и общественное спокойствие в стране, предоставит возможность каждому сделать 31 октября взвешенный и сознательный выбор».

Разве в действиях Ющенко можно увидеть «критику власти, безосновательные обвинения»? Нет, события развиваются совсем в другой плоскости — а в ответ предлагается «соревнование новых идей», «безусловное соблюдение норм закона», «взвешенный и сознательный выбор».

А в заявлении проправительственной коалиции парламентского большинства (27 октября) сказано, что усилиями Ющенко «непрестанно разрушается плюрализм как стержень демократических соревнований». Какой ужас — разрушают плюрализм как стержень! И это при том, что «плюрализм мнений является главным достоянием украинской демократии, потерю которого нельзя оправдать любыми рассуждениями политической целесообразности».

И далее следует апелляция к христианским ценностям Ющенко: «Виктор Андреевич! На словах Вы декларируете принципы христианской толерантности к ближнему своему. Вместе с тем, в действительности именно Вы провоцируете украинский народ на опасные противостояния. Вы, не извинившись за свои голословные обвинения относительно причин собственной болезни, опять делите украинскую нацию на «белое» и «черное», а наших граждан — на «чистых украинцев» и на «бандитов». И список последних, по Вашим субъективным критериям, с каждой минутой становится

длиннее и больше числом. Он становится списком политической инквизиции XXI века. В результате ежесекундно мы рискуем открыть ящик Пандоры, из которого вылетит дьявол раздора и противостояний, что уже столько веков является смертельным врагом украинской нации».

Все это — после погромов в парламентах Сербии и Грузии, которые проводились по той же самой схеме, без малейших отклонений. И это видение ситуации не изменилось до самого конца революции, причем даже у самых квалифицированных кремлевских политологов, посланных для поддержки Януковича.

Р.Шайхутдинов пишет: «Комментарий Павловского, сделанный им по каналу «Россия» в ночь с 24 на 25 ноября, звучал так: «Оппозиция лишила себя маневра. Она завела людей в тупик. Им нужно обострение ситуации для оправдания самозванчества». И это говорится в тот момент, когда сторонники Ющенко фактически — если не будут предприняты решительные действия — выиграли ситуацию в мировых СМИ и в отношении правительств влиятельнейших стран, когда на Украине создаются внутренние анклавные непокорства, когда половина населения не подчиняется решениям власти и не верит ей, когда у власти украдена половина народа! Это свидетельствует о том, что Павловский работает исключительно в рамке выборов, повышая рейтинги и явку, консолидируя сторонников Януковича и доводя процент до максимальной цифры, в то время как оппозиция совершенно безразлична к этим усилиям и действует в других пространствах. Пока политтехнологи работали внутри России, их способы были относительно эффективны, но как толь-

ко они столкнулись с внешними технологиями, их ничемность стала видна воочию»¹.

В том же ключе работали и другие российские политологи. 28 октября у приехавшего в Киев В.Милитарева спросили, как же можно противостоять «бархатной» революции. Он ответил: «Мне кажется самым разумным тот подход, который предложил Белковский, то есть связать двух кандидатов, которые сегодня поделили Украину пополам, некоторым пактом. Который сводится к тому, что при победе одного из кандидатов он взял бы другого премьер-министром... Чтобы не допустить «бархатной революции», а я уверен, что трезвая часть сторонников Ющенко ее так же не хочет, как и трезвая часть сторонников Януковича, Ющенко требуется сделать шаг назад и снизить тон своей пропаганды».

Откуда было видно, что сторонники Ющенко не хотят «бархатной революции» (причем *так же*, как сторонники Януковича)? Совсем наоборот, они ее готовили и к ней давно готовились — обучали кадры, получали и тратили деньги, консультировались с деятелями США высокого ранга. Посланного Кремлем эксперта спрашивают, как предотвратить свержение власти, а он советует Януковичу пойти к Ющенко премьер-министром. Это разумно? К тому же всем было ясно, что не Ющенко решает — делать или не делать революцию. Разве он просил у Москвы совета о том, кого назначать премьер-министром?

Истратив все силы и средства на проведение собственно выборов, не освоив и не применив никаких способов нейтрализации «вневыборных» действий по-

¹ Шайхутдинов Р. Демократия в условиях «спецоперации»: как убить государство // «Со-общение», 2005, № 2.

литического противника, команда Януковича обрекла себя на поражение.

Р.Шайхутдинов резюмирует ситуацию так: «Сколько бы ни набрал голосов Янукович, сторонники Ющенко заранее объявили свою победу, во всяком случае — моральную, заявляя как факт неспособность и нежелание властей провести честные выборы без использования административного ресурса. Если бы Ющенко получил хоть 30% голосов, оппозиция бы действовала точно так же. Это ставило ее в беспроигрышную ситуацию... Оппозиция действовала поверх выборов, используя их в качестве пускового механизма для начала революционных действий. Была применена антивыборная схема, которая никак не блокировалась».

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ РЕСУРС НАЦИОНАЛИЗМА

Все «оранжевые революции» опираются на реально существующие противоречия, разделяющие общество, а такие противоречия есть всегда. Новизна ситуации в том, что за последние десятилетия были разработаны эффективные технологии для того, чтобы средствами воздействия на сознание так углубить разделяющие людей трещины, чтобы превратить противоречия в раскол. И этот раскол должен хотя бы на время затронуть массивные социальные группы, так чтобы оппозиция и власть имели сравнимые по численности и активности группы населения, готовые их поддерживать — как в виде активной «массовки», так и пассивно, в качестве избирателей или доброжелательно настроенной толпы обывателей.

Необходимый для «оранжевой революции» раскол должен быть гипертрофирован, преувеличен в сознании так, чтобы приобрести иррациональные черты. У собранных в толпу людей не должно быть связных раздумий о причинах и последствиях раскола — отрицание должно быть полным, не допускающим диалога с противниками (здесь речь идет о «духовной толпе», которая может существовать и без прямого физического контакта людей, особенно если она связана через телевидение).

На Украине такой иррациональный раскол был создан путем разжигания в сознании части населения антироссийского психоза. Это совсем не проявления тех националистических чувств, которые издавна существовали в среде украинцев, то затихая, то обостряясь. Такой национализм присутствует в разной степени у любого народа как выражение необходимого для его идентификации этноцентризма. Он не препятствует диалогу, нахождению компромиссов и созданию приемлемых условий для общежития. Антироссийский психоз был разожжен теперь, через почти 15 лет после ликвидации союзного государства и при явной выгоде экономических отношений с РФ, исключительно как инструмент сплочения революционной толпы на иррациональной основе.

С.Вальцев, работавший на Украине в середине декабря 2004 г. и принимавший участие в массовом опросе, так излагает свои впечатления. Тезисы программ, личности кандидатов — все это занимает в умах избирателей второстепенное место. Если отвлечься от деталей, то надо признать, что украинское общество расколото на две части: на тех, кто за добрые соседские отношения с Россией (они поддерживают Януковича), и на

тех, кто ненавидит Россию (сторонники Ющенко). Сторонников Ющенко сплачивает даже не национализм, а именно иррациональная ненависть к России — они готовы «прогибаться» перед кем угодно: поляками, немцами, литовцами, американцами, только бы против России. Именно этот факт объясняет то, что многие известные украинские патриоты, которых часто обвиняли в национализме, оказались именно в лагере Януковича, например, Кравчук, Чорновол, Корчинский, Скорик и т.д.

Раскол, противопоставивший большинство населения Западной Украины ее Востоку и Югу, углублялся преднамеренно, с помощью сильнодействующих символических акций. Так, движение Ющенко «Наша Украина» внесло в Верховную Раду проект закона, признающего бандеровцев ОУН-УПА воюющей стороной и приравнивающего их к ветеранам Советской армии. Во Львове местные власти еще в 90-х переименовали улицу Лермонтова в улицу Дудаева, а ул. Мира — в улицу Степана Бандеры. А в Тернополе появилась даже улица имени дивизии «СС-Галичина».

Этнокультурное разделение Украины использовалось в политических целях и в ходе кампании по демонтажу СССР во время перестройки, но в настоящее время с помощью этой технологии страну просто взорвали. В преддверии последних выборов один российский* обозреватель писал: «Десятилетие назад во время президентских выборов на Украине не было оснований говорить о возможной балканизации соседней страны, несмотря на то, что отмеченные различия чувствовались и тогда. Ныне напряженность политической ситуации на Украине на порядок выше, что дает почву опасениям по поводу вероятного гражданского конфликта. Имеется серьезная опасность непризна-

ния одною из частей Украины легитимности выборов и создания альтернативных структур власти»¹.

Именно таким образом политтехнологам удалось превратить выборы в плебисцит по разделению народа на две противостоящие группы по принципу «мы» и «они». Никакого «соревнования идей» и подсчета выгод, в котором Януковичу пытались помочь московские эксперты, в этой обстановке просто не могло иметь места. Политолог из Москвы П.Малиновский пишет: «Есть сведения, что из сидевших на Майдане 30% вроде бы за Ющенко, а 70% присоединились заодно, против Януковича. Кандидатура Януковича — отдельная песня. Вопрос: это была ошибка или сознательный ход? Если мы не понимаем казусности этой фигуры, то непонятно, что произошло. Как вся Украина может отнестись к человеку из донецкого клана в качестве президента? Янукович — человек из того самого поколения сороковых годов рождения, настоящих советских людей, да еще с подмоченной репутацией. Для ребят с Майдана это третьесортный товар, который им пытаются подсунуть. Публичное оскорбление всему украинскому народу. Я беседовал с этими ребятами, которые не считают себя сторонниками Ющенко: «Януковича в президенты? Да ни при какой погоде!»²

П.Малиновский преувеличивает роль личности Януковича, ибо на этих выборах вообще голосовали не за людей, а за определенные *имиджи*. А имиджи создаются. Имидж Януковича был вполне разумным и отвечал установкам половины (а скорее всего и большинства) населения Украины. Вот заголовки газетных сообщений в ходе предвыборной кампании в октябре.

¹ Батаков Я. Балканизация Украины // «Русский Журнал». 2004, № 2.

² Малиновский П «Со-общение», 2005, № 1.

1 октября: «Янукович говорит о новой долгосрочной модели экономического развития». 4 октября: «Виктор Янукович выступает против вступления Украины в НАТО», а в ответ: «Украину необходимо принять в НАТО. Такое заявление сделал первый заместитель министра обороны Соединенных Штатов Пол Вулфовиц во время выступления в Варшавском университете» (6 октября). «Премьер-министр Украины Виктор Янукович выступает против распродажи земли в стране, считая, что земля должна оставаться в собственности украинцев» (19 октября).

Смысл этих заголовков ясен, и половина украинцев этот смысл поддерживала. Но на время с помощью методов манипуляции сознанием у другой половины была создана иррациональная ненависть к «настоящим советским людям», то есть к главным чертам этого имиджа (а значит, и к установкам первой половины украинцев). А какого конкретно человека сделали бы носителем того имиджа, который был предложен кандидату «партии власти», не слишком существенно (хотя накопление неблагоприятных деталей и могло сыграть роль при равновесии сил, но в данном случае равновесия не было — на «Украинском фронте» США накопили подавляющее превосходство в живой силе и технике).

Размежевание избирателей произошло уже по языку, что само по себе указывает на символический, а не рациональный характер противостояния. Как пишут, «на Майдане совсем не было выступлений на русском языке, за исключением нескольких приезжих, включая Немцова и боксера Кличко... А вот на митинге сторонников Януковича, проходившем на вокзальной площади, как и на съезде в Северодонецке, звучал только русский

язык. И это в свою очередь тоже очень символично, так как Янукович, хотел он того или нет, стал кандидатом Украины, настроенной на союз с Россией».

При этом противостояние достигло такого напряжения, что «оранжевые» привлекли к себе и значительную долю русскоязычного населения. Д.Якушев пишет: «Об истинном отношении «оранжевых» к русскому языку, на котором большинство из них, во всяком случае в Киеве, само разговаривает: мы имеем странный феномен русскоязычного украинского национализма, агрессивно настроенного по отношению к русскому языку».

Вот как он описывает свои впечатления о характере национализма на Украине во время выборов: «Отправляясь на Украину, я, конечно, знал, что националисты поддерживают Ющенко, но я наивно считал, что националисты — это только часть его команды, что большинство людей выходят на улицы протестовать против режима Кучмы и вовсе не являются идейными националистами. Увы, я сильно ошибся. «Оранжевые» буквально пропитаны национализмом. Я общался с десятками людей на Майдане на предмет их отношения к бандеровцам и не нашел ни одного, кто бы осудил их и назвал фашистами. Русскоязычные киевляне, не говоря уже о «западенцах», упорно доказывали мне, что бандеровцы — это украинские национальные герои. Сотысячный Майдан на ура принял исполнение группой «Плач Иеремии» известной бандеровской песни. Для собравшихся здесь это оказалось вполне в порядке вещей. При этом эти люди вовсе не были миролюбивы и дружелюбны, как об этом говорят во многих СМИ. Здесь, на Майдане, от киевской интеллигенции и передового студенчества я услышал весь стандартный набор русофобии, мол, у москалей в генах шовинизм

и рабство, а они, украинцы, свободолюбивая, спокойная европейская нация»¹.

Этому национализму интеллектуальные команды Януковича и других умеренных кандидатов ничего не смогли противопоставить ни в рациональной, ни в символической сфере. И дело здесь не в каких-то упущениях или частных ошибках. Переломить психоз можно было, только предложив проект национально-го и цивилизационного масштаба, который вызвал бы столь же сильную эмоциональную реакцию, как и гипноз постмодернистского спектакля «оранжевых». Это должен был быть проект, излагающий суть исторического выбора для Украины на эпическом, доходящем до сердца языке.

Такого проекта и такого языка не было.

ПОТЕНЦИАЛ НАСИЛИЯ В ОРАНЖЕВЫХ РЕВОЛЮЦИЯХ

Опыт всех уже совершенных «оранжевых революций» показал, что их ненасильственный характер является условностью. Ненасильственные действия создают общий фон и на первой стадии вызывают симпатии населения и привлекают массовых участников. Но уже на предварительном этапе подготовки революции в ней создается «жесткая» военизированная группа, которая в решающий момент должна совершать *насильственные* действия (с оружием или без оружия в зависимости от обстоятельств).

Такой «взрыв народного гнева» не просто предусмотрен в сценарии спектакля, он в нем необходим как

¹ Якушев Д. Оранжевый туман не будет вечным. — «Левая Россия» (left.ru). -left.ru/2004/17/yakushev116.phtml.

ритуал, как кульминация «праздника угнетенных». Уход Шеварднадзе был предreshен и оговорен заранее, но он должен был произойти как акт прямого *свержения* (тирана, прогнившей власти, коррумпированного правителя и т.п.). Группа беззаветных и отважных молодых людей должна была ворваться в здание парламента Грузии, разбросать бумаги, разбить графин, а окруженный охраной испуганный Шеварднадзе должен был бежать через черный ход. Вот тогда революция *свершилась*.

Сопrotивляется ли в этот момент охрана (Бастилии, парламента или Центральной избирательной комиссии), или она стреляет в воздух и разбегается, позволив революционерам даже слегка помять пару сержантов или младших офицеров, — определяется на предварительных переговорах или обменах знаками. Ни в Сербии, ни на Украине, ни даже в Киргизии пока что сбоек не было, и спектакль «штурм Бастилии» обходился без жертв¹.

Военизированные группировки в составе «бархатной» толпы, размахивающей розами, тюльпанами или оранжевыми ленточками, совершенно необходимы и для того, чтобы организовать эту толпу, строго направлять ее лишь на предусмотренные (и чаще всего уговоренные с властью) действия, поддерживать дисциплину, блокировать спонтанные попытки противодействия от разрозненных представителей правоохранительных

¹ Если договоренность не достигается, то исполнительная власть даже с очень слабой легитимностью легко расправляется с «дружинниками». Это показали события 3—4 октября 1993 г. в Москве. Огромное здание Верховного Совета РСФСР было расстреляно четырьмя танками с неполными экипажами, а большое число защитников здания, находившихся во дворе, было уничтожено членами «незаконных вооруженных формирований», выступивших на стороне Ельцина.

органов. Кроме того, именно эти организованные боевики обычно берут на себя эскалацию ненасильственных действий и «заражают» ими толпу. Сами по себе граждане, симпатизирующие революционерам, на первых порах морально не готовы к тому, чтобы общее недовольство властью превращать в действия против конкретных людей, эту власть представляющих.

Дж. Шарп в своем руководстве рекомендует в числе ненасильственных действий и такие, которые явно являются противозаконными. Они, как правило, претят массовым участникам протестов, еще не перешедшим некоторые культурные барьеры. Для совершения таких действий нужны группы «активистов», в том числе организованные по военному типу. Вот примеры таких действий (в нумерации Шарпа):

27. Установка новых уличных знаков и названий

30. Грубые жесты

31. «Преследование по пятам» официальных лиц

32. Насмешки над официальными лицами

52. Молчание

54. Разворачивание спиной

55. Социальный бойкот

56. Выборочный социальный бойкот

57. Отказ от исполнения супружеских обязанностей («по Лисистрату»)

58. Отказ от общения

93. «Черные списки» торговцев

130. Снятие знаков собственности и уличной разметки

140. Укрывание, побеги и изготовление фальшивых документов

148. Мятеж

158. Самоотдача во власть стихии (самосожжение, утопление и т.п.)

161. Ненасильственное психологическое изнурение оппонента

169. Ненасильственные воздушные полеты в зону, контролируемую оппонентом

170. Ненасильственное вхождение в запретную зону (пересечение черты)

173. Ненасильственная оккупация

176. Блокирование дорог

185. Политически мотивированное изготовление фальшивых денег

187. Захват ценностей

Р.Шайхутдинов пишет, обобщая опыт таких революций: «Сознательное использование принципов насилия, начиная от названия («бархатная», «каштановая» революция, «революция роз») и заканчивая символикой, имиджем и т.д. И тот, кто первым применит насилие, окажется по определению и тотально не прав. Но кто сказал, что в этой схеме на самом деле нет насилия? Напротив, оно есть! Это скрытое насилие! Просто смещенное с физического в иной план... Мощь такого способа действий основана на генетических страхах народа: страха перед смутами и восстаниями, гражданскими войнами и репрессиями»¹. Вновь поправляя Р. Шайхутдинова, заметим, что самому понятию «насилие» (так же как и понятию «правовое поле») во время «ненасильственных» революций придается смещенный смысл, выгодный манипуляторам.

«Пятый канал», который вел пропаганду Ющенко, сообщил, что «оранжевые» манифестанты перехва-

¹ Шайхутдинов Р. Демократия в условиях «специальной операции»: как убить государство // «Сообщение», 2005, № 1.

тили машину, вывозившую мусор из здания Администрации Президента и якобы нашли там под снегом важные документы о выборной кампании, которые будут использованы в Верховном суде для доказательства факта фальсификаций. Чуть позже, прямо на заседании Верховного суда, представитель Ющенко Ключковский размахивал пачкой из трехсот открепительных удостоверений, якобы «изъятых» в Днепропетровской области наблюдателями от Ющенко у сторонников Януковича, ездивших от участка к участку и голосовавших за Януковича. По словам Ключковского, открепительные удостоверения пришлось изымать самим наблюдателям от Ющенко, потому что милиция повсюду потворствовала фальсификаторам. Мы здесь не рассматриваем вопрос о правдоподобности этих историй — дело в другом. Очевидно, что ни «перехватить» грузовой автомобиль, ни «изъять» у прохожего пачки документов, ни заблокировать доступ работников в здание правительства или областной администрации невозможно без применения насилия или угрозы насилия. Но слову «насилие» телевидением уже придан смещенный смысл, подразумевающий по меньшей мере нанесение телесных увечий, а термин «ненасильственный» становится новым эвфемизмом, который используется, чтобы навязать публике представление, будто «ненасильственные» действия совершенно безобидны, так что их пресечение — явная диктатура.

На Украине в ходе выборной кампании точечные силовые действия применялись систематически, и благодаря СМИ их образ многократно преувеличивался. Вот довольно типичный газетный заголовок того времени: «Львов, 23 сентября: Ночью совершено нападение на Русский культурный центр им. А. Пушкина».

Телевидение донесло до всех сцену нападения на Януковича, в которого было брошено яйцо (по другим сообщениям, стальной шарик).

Нападению подверглась и Центральная избирательная комиссия. Вот газетное сообщение: «По информации пресс-центра, в 16.20 23 октября после окончания митинга группа неизвестных прорвалась к правой стороне фасада здания Киевской областной государственной администрации, где сейчас размещается ЦИК, и бросила в окна первого и второго этажей камни и 4 дымовые шашки. В результате были разбиты 12 окон на первом этаже и 2 — на втором».

На втором этапе силовые действия вошли в систему (блокада правительственных зданий и Верховного суда, организация шумовых действий, оказывающих эмоциональное воздействие и на органы власти, и на горожан, и пр.). Законную власть пока не свергают и не захватывают — ее провоцируют на применение силы или вынуждают идти на уступки. Для того чтобы такие действия были массовыми и строго синхронизированными согласно сценарию спектакля, требовалось наличие компактной военизированной группы, которая служила бы «пусковым двигателем» каждой из таких акций.

Таким образом, *«ненасильственно»* силовые действия являются важным актом в спектакле «оранжевой революции». Все эти действия совершаются при минимальном уровне «насилия», то есть драк, стрельбы и т.д. Напротив, постоянно говорится о необходимости «не поддаваться на провокации». По сути это типичное насилие, только вместо огнестрельного оружия используется толпа — масса невооруженных людей, — которая,

если против нее не применяется оружие, сама по себе обладает большой пробивной силой.

Организовавшись, толпа может перейти к последнему и решительному акту разрушения власти — «штурму», то есть открытому насилию, совершаемому толпой. К тому моменту право толпы на насильственное насилие уже стало законным вследствие предшествующих «ненасильственных» действий, не получивших отпора. Не сопротивлявшиеся, потому что «еще рано», власти теперь обнаруживают бессмысленность сопротивления, «потому что уже поздно». Власть, законность, порядок уже утрачены пассивностью на предшествующем этапе.

Газета «Известия» публикует такой комментарий из Киева: «Бескровные версии «цветочных революций» — сербская и грузинская — заключали в себе довольно явственный силовой потенциал, который выходил наружу в критический момент. Памятны кадры штурмов парламентов в Белграде и в Тбилиси.

В Тбилиси, как и в Белграде, толпа явила свою силу. В Киеве оранжевый Майдан был своего рода бронепоездом на запасном пути. Или, если быть более точным: дамокловым мечом. Группы по команде, исходящей из «штаба революции», бросались на блокирование того или иного правительственного учреждения, подвергали осаде парламент, Верховный суд, Центризбирком. Ненасильственный, несиловой характер «оранжевой революции» — фикция.

Был момент — телевидение его четко зафиксировало, когда голосование в Раде едва не поломало сценарий переворота. Тогда комиссар «оранжевых» Юлия Тимошенко бросилась на улицу, пригласив ее к штурму

и срыву парламентского заседания. «Улица» мгновенно среагировала. Перед угрозой быть смятой Рада прервала свое заседание. Ну, а затем ни президент, ни парламентарии, ни судьи уже не посмели перечить тем, кто оказался во главе толпы, и все пошло как по маслу»¹.

В описании газеты «Известия» есть неточность. Приведем детали, которые характеризуют обстановку. Парламент действительно *принял за основу* проект постановления, не устраивавший сторонников Ющенко. Но организовать штурм за несколько минут, за которые постановление могло бы быть принято в целом, было невозможно. Тогда «оранжевые» фракции стали активно срывать голосование и добиваться перерыва. Когда Верховная Рада отклонила предложение объявить, вопреки регламенту, получасовой перерыв, депутат Кириленко заявил: «Сейчас на улицах сотни тысяч киевлян и гостей столицы, которые хотели бы рассмотрения вопроса про отставку этого преступного правительства, которое допустило массовые фальсификации на выборах. И в этом проблема, а не в регламентах или каких-то других вопросах. Поэтому я бы хотел, чтобы Председатель Верховной Рады и члены Коммунистической фракции и фракции правительства поняли, что надо искать понимание, а не способ дестабилизировать ситуацию. Если вы будете сейчас не давать нам возможности рассмотреть этот вопрос, то мы уже сейчас призовем людей всех возвращаться на площадь Независимости [Майдан], собраться там и высказать свое слово. Потому что сейчас позиция в парламенте абсолютно не отвечает тем настроениям, которые сложились в обществе. Общество хочет перемен».

¹ <http://www.izvestia.ru/comment/article983602>.

В этой обстановке уже не был услышан робкий вопрос проправительственного депутата В.Зайца: «Неужели это правильно, когда коллеги из соседней фракции «Наша Украина» угрожают нам, что «если вы не будете голосовать так, как нам надо, вы не выйдете из этого зала, а если будете делать такую попытку, вас порвут»? Неужели это демократия, уважаемые коллеги?» Председатель Верховной Рады Литвин поставил на голосование вопрос об объявлении перерыва более чем на час для проведения заседания согласительного совета. За время перерыва состоялся штурм, во время которого депутаты фракций большинства бежали из здания через задние выходы. После перерыва, как отмечено в стенограмме, Литвин сообщил о единогласном решении согласительного совета отложить заседание до следующего дня, чтобы провести консультации «для выработки согласованного решения».

Один наблюдатель пишет: «Мне пришлось быть свидетелем того, как у депутатов, проходивших по узкому коридору в толпе митингующих у парламента «оранжевых», «сичевики» силой отбирали удостоверения. Пропускали только тех, кто выступал за блок Ющенко—Тимошенко. А руководители «оранжевой» молодежной организации «Пора» уже объявили, что «накажут всех, кто их мучил эти недели на Крещатике и площади Незалежности»¹.

Из описания повседневного существования палаточных городков в Киеве характер военизированных групп виден вполне отчетливо. Вот что сообщали информационные агентства: «Палаточный лагерь (около 3 тысяч) живет в постоянной боевой готовности.

¹ Богданов В. Апофеоз незалежности // «Политический журнал», 2004, № 48.

Особые меры были приняты, когда прошел слух, что власти готовы снести мятежный городок с Крещатика с помощью танков и водометов. Только вряд ли здесь пройдет пехота. Армейские и туристские палатки прикреплены к асфальту Крещатика металлическими штырями и огорожены баррикадами из тяжелых бульварных скамеек, которые скреплены между собой проволокой и цепями. Рядом десятки автобусов и грузовиков, готовых по первому приказу окружить весь лагерь мощной стеной. А возле каждой дыры в баррикадах — охрана как минимум из двух человек. На «вражескую» бронетехнику здесь тоже найдется оружие. Штаб Ющенко завез сюда генераторы для освещения и обогрева палаток. Так что для «коктейля Молотова» всегда есть бензин и бутылки.

В палаточном городке действует своя спецразведка, а информация об оперативной обстановке и действиях украинских силовиков круглосуточно идет в штаб Ющенко. И если надо, за подозрительными лицами или объектами выставляется наружное наблюдение. Так называемые полевые командиры — сотники — четко контролируют ситуацию в «горячих точках» Киева: Верховном суде, Верховной Раде, администрации президента, Кабинете министров. И эти сотни всегда готовы выслать туда «оранжевые» отряды быстрого реагирования. Особенно бдительны стражи порядка в ночное время. Патрули и специальные дозоры наглухо перекрывают соседние улицы, ведущие к Крещатику».

А вот конкретно о составе этих организованных «сотен»: «Внешнюю охрану, а также охрану складов осуществляли так называемые «Сыны вольной Украины» (СВУ). Эта организация состоит из бывших военных и сотрудников силовых ведомств и спортсменов,

а командовал ею майор запаса воздушно-десантных войск Украины Иван Косинский. Это объясняет и наличие у них единообразной формы армейского образца. Появилась организация сразу после начала «революции». Их численность — около 500 человек, 150—200 из которых ежедневно несли дежурство в центре города, а остальные пребывали в режиме готовности.

СВУ руководили и возникшими коллективами самообороны на предприятиях. У них есть и группа разведки из бывших сотрудников спецслужб. Профессионалы постоянно следили за ведущими в город дорогами на случай вторжения из восточных областей. Оповещение вообще было поставлено у «оранжевых» отлично: у каждой важной точки (к примеру, у правительственных зданий) постоянно находились наблюдатели (из «Поры»), которые в случае возникновения нештатной ситуации либо при иной необходимости сообщить в том или ином месте людей тут же сообщали по телефону в лагерь. Немедленно кто-либо из активистов «Поры» бежал вдоль палаток с мегафоном, объявляя мобилизацию, невзирая на время суток. Через пять минут к требуемому месту уже бежал авангард из десятка-другого человек, а еще через пять подтягивается пара сотен основных сил. Иногда таким образом устраивали «учебные тревоги»¹.

Важнейшим условием для того, чтобы в ходе «оранжевых» революций можно было применять действия, находящиеся на грани или за гранью ненасильственных, всегда является их внешняя поддержка со стороны «заказчиков» этих революций. Членов властной команды, замену которой и должна осуществить «оранжевая ре-

¹ www.russian.kiev.ua/archives/2004/0412/041209upt1.shtml.

волюция», строго предупреждают о том, какие репрессии их ожидают в том случае, если они осмелятся «нарушить права человека», то есть применить против революционеров силовые действия, предусмотренные в таких случаях общепринятыми правовыми нормами.

Например, власти Украины накануне выборов были строго предупреждены из США. Вот сообщение от 1 октября 2004 г.: «Палата представителей обращается к президенту США с требованием «использовать все доступные дипломатические и прочие средства», чтобы власть Украины соблюдала законы... Кроме запрета на въезд в Соединенные Штаты авторы законопроекта предлагают применять к лицам, причастным к нарушениям прав и свобод в Украине, следующие меры: конфискацию имущества в Соединенных Штатах; закрытие счетов и арест находящихся на них средств; запрет на получение займов, кредитов и других видов финансовой помощи». Для коррумпированных чиновников эти меры являются исключительно болезненными (а для некоррумпированных существует Гаагский трибунал с его неопределенными процессуальными нормами — С.Милошевич четыре года находится в заключении при том, что суд не может сформулировать и доказать ни одного серьезного обвинения).

Таким образом, сценарий и «оранжевых революций», и действий власти против оппозиции в странах с ограниченным суверенитетом разрабатывается на Западе и контролируется оттуда. Почему во время югославской, грузинской и украинской «бархатных революций» власти не использовали силу для разгона незаконных демонстраций? Потому, что отдавший приказ о применении силы государственный чиновник и выполнивший этот приказ руководитель правоохрани-

тельных органов будет «мировым сообществом» объявлен «военным преступником» с последующей выдачей Гаагскому трибуналу. А если «мировое сообщество» дает разрешение на расстрел парламента и безоружных людей, неугодных для западной демократии (как в Москве 3—4 октября 1993 г.), то никакого возмущения на Западе это не вызывает, а Гаагский трибунал на это смотрит совершенно равнодушно.

Создание военизированных групп является необходимой частью «оранжевых революций» и потому, что новая властная верхушка далеко не всегда может быть уверена в полной лояльности силовых структур прежней власти. Поэтому на первый момент после свержения «коррумпированной диктатуры» новой власти нужен хотя бы небольшой контингент организованных «дружинников».

Р.Шайхутдинов пишет: «Заранее создаются и после выборов используются экстремистские (силовые) организации активистов оппозиции: в Югославии «Отпор», в Грузии «Кмара», на Украине «Пора». Их члены знают друг друга, обмениваются опытом, а в моменты смены власти участвуют в активных действиях. Эти организации являются зачатками будущей «гвардии» — структуры, обеспечивающей охрану демонстраций и штабов, возможность противостояния силовым структурам, организацию транспорта, связи, мобилизации и т.п... Так формируются зародыши будущей оппозиционной полицейско-административной структуры. Эти силы хорошо финансируются, их тренируют и организуют — именно они будут управлять затем организацией массовых манифестаций. Пример: за месяц до выборов почти все пансионаты под Киевом были сня-

ты для размещения и тренировок активистов подобных структур».

Целый ряд «ненасильственных силовых» действий, которые рекомендованы в учебном пособии Шарпа, оказывают на граждан и должностных лиц столь сильное воздействие, что подпадают под понятие «приватизации властных полномочий». Это — лишение власти монополии на некоторые действия, эффективный способ подрыва государственности. При таких действиях чиновники теряются и просто не знают, как на них реагировать. Работники заблокированного Кабинета министров Украины не нашли ничего лучшего, как обратиться к уполномоченному по правам человека с жалобой на то, что нарушают их *конституционное право на труд*. При чем здесь право на труд, при чем конституция? Достал томик Уголовного кодекса и зачитал статью. Не обсуждались фундаментальные вопросы, например, обязанность власти применять насилие к мятежникам. На само такое обсуждение было наложено табу во время спектакля на тему «права человека». В последние годы этот вид политических технологий приобретает все большее значение, поскольку к этой же категории относится *терроризм*. Сходство «оранжевых революций» и терроризма как двух типов политических спектаклей сразу привлекло внимание политологов.

Р.Шайхутдинов пишет об «оранжевой революции»: «С точки зрения технологии существует отчетливая параллель между действием этой схемы захвата власти и современным терроризмом... Точно так же они могут понести наказание за не основное свое деяние: террористы — всего лишь за убийство, а захватчики власти, действующие по описываемой нами схеме, — за беспо-

рядки, препятствование деятельности органов власти и т.п. Наказания за «убийство государства» нет. И убить его можно просто и практически безнаказанно».

В некоторых действиях, например, в использовании «живого щита», сходство имеет даже внешний характер — с той лишь разницей, что террористы для этой цели используют гражданских лиц под угрозой насилия. В «оранжевых революциях» для психологического давления на сотрудников правоохранительных органов используется *добровольный* живой щит — толпа женщин, детей, «молодежи», выступающая «за свободу», парализует силовые структуры власти. Это методы классического терроризма — только вместо взятия в заложники речь идет, по выражению Е.Холмогорова, о *самозахвате*.

Широко применяется в «оранжевых революциях» и *моральный террор* — организованное давление на тех, кто не согласен с новой, еще не получившей ни легальности, ни легитимности властью. Методы давления могут быть разные, в том числе и физическое насилие. Обстановка мягкого террора создается уже на ранних стадиях процесса. Например, с какого-то момента во время событий в Киеве ходить без оранжевой ленточки стало очень «неуютно»¹.

Впрочем, как показывает опыт всех подобных революций, они сопровождаются и целым рядом смертей, в том числе высокопоставленных лиц, обстоятельства и причины которых остаются нераскрытыми.

В Польше деятели «Солидарности» подчиняли себе органы власти через воздействие на родных и близких официальных лиц (например, жене члена парткома на работе объявлялся бойкот). К детям работников правоохранительных органов приставали на улицах, их избивали «хулиганы». Многие работники правоохранительных органов, офицеры и партийные работники такого пресса не выдерживали.

МОЛОДЕЖЬ В ОРАНЖЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Давно сказано: «революция — праздник угнетенных». О характере революции многое можно сказать исходя из того, какие *угнетенные* воспринимают ее как праздник. Они и являются движущей силой революции.

«Оранжевая революция» на Украине (как раньше в Сербии и Грузии) явно была *праздником молодежи*. Молодежь была и основным источником кадров революционного актива, и основным контингентом активных уличных действий. Она заполняла площади Киева, стояла в пикетах и населяла палаточные городки. Именно она своим настроением придавала «оранжевой революции» облик праздничного карнавала. А. Чадаев пишет о «революционном классе или, говоря более современным языком, социальной страте», сыгравшей роль массовой силы событий на Украине: «Самое важное здесь — свойства этой страты, «собирательный образ» ее представителя. В первую очередь — более высокий уровень солидарности, чем в среднем по обществу... В «оранжевой революции» эту роль сыграли студенчество, городские клерки (местный «средний класс») и селяне Западной Украины»¹.

Этот потенциал молодежи хорошо понимали и использовали западные политтехнологи и следующие их советам сотрудники Ющенко, но плохо понимали сотрудники Януковича и их московские советники. В то время как толпы молодежи «праздновали» на площадях Киева, собрания в Донецке принимали резолюции,

¹ Чадаев А. Оранжевая осень // «Со-общение», 2005, № 1.

требующие привлечь Ющенко и Тимошенко к уголовной ответственности «за подготовку и использование в уличных беспорядках агрессивных националистических молодежных формирований типа «Пора»; за наем и использование в уличных беспорядках несформировавшихся в качестве личностей школьников и студентов».

Спектакль «оранжевой революции» изначально ставился режиссерами как молодежный карнавал. Одна газета писала: «Мюзикл революции со всеми обязательными для него ингредиентами — героями-протагонистами, злодеями-антагонистами, с концертными номерами, с сольными партиями, с впечатляющей массовой, с лирикой и романтикой единения — это действительно самое эффективное средство новейшей выборной политтехнологии». Нельзя только согласиться с последней фразой — речь идет вовсе не о выборной политтехнологии, а о большой целостной операции, в которой выборы играют очень частную и скорее маскирующую роль.

Газета «Известия» выделяет важные признаки «оранжевой» молодежной толпы: «Для молодежи деньги не главное, хотя многие студенты не стеснялись подрабатывать на Майдане. Для нее главное романтика. Поэтому для молодых нужен красивый лозунг. Такой как — борьба с коррупцией, все равны, национальное возрождение... и другие. Лозунги должны быть короткие и понятные. Если есть деньги и хороший лозунг, то можно рассчитывать на успех. Важной особенностью нынешней «оранжевой революции» на Украине является широкое использование карнавальных технологий. Все, буквально все элементы и моменты карнавала нашли свое место в киевских событиях. Вплоть до имитации сражения Света с Тьмой, во всех возмож-

ных для украинской сцены вариантах. На площади Независимости в Киеве широко применялась технология аниматоров или массовиков-затейников. Аниматоры — это такие люди, которые должны поддерживать на территории дома отдыха или курорта чувство праздника. Заводить публику на дискотеке, общаться с отдыхающими во время ужина, доставлять все радости жизни, кроме интима.

Вот стоит молодой парень, увешенный «морковками», который подхватывает льющийся из динамиков гимн предвыборной кампании Ющенко: «Разом нас багато! Нас не подолати!» Типичный аниматор. Вон, через сто метров еще один такой же. У аниматора всегда деловой взгляд. А если он чему-то радуется, то в этой радости — оттенок иронии над собой. Они грамотно расставлены по площади и работают по всем законам профессии: например, каждый день именно эти ребята привносят в оранжевую моду какой-то новый элемент. Сначала это были просто оранжевые ленточки на рукаве, потом апельсины в руках. Каждый день должно быть ощущение обновления обстановки — это главный принцип аниматорского искусства»¹.

Московский наблюдатель С.Вальцев отмечает высокую способность молодежи к консолидации на аполитичной («культурной») основе: «Политтехнологами из штаба Ющенко умело используется потребность молодежи принадлежать к определенной группе. Место на площади Независимости в Киеве превратилось в молодежную тусовку, а оранжевая повязка — пропуск на нее. Молодежь особо не волнуют Ющенко и его программа, им интересно «тусоваться» и слушать «халяв-

¹ www.izvestia.ru/world/article783925.

ную» музыку. Показателен в этом отношении тот факт, что более 90% из тех, кто страстно доказывает правоту Ющенко, не могут даже назвать его отчество, не говоря уже о чем другом. Управляемый протест, разбавленный дискотеккой и подогретый выпивкой, очень хорошо направляется в определенное русло и служит для выполнения задач, о которых молодежь даже не догадывается»¹.

Революция, ударной силой которой является молодежная толпа, неминуемо несет в себе сильный привкус «революции гунна». С.Вальцев пишет: «Молодежи дали почувствовать собственную значимость: можно жечь костры на Крещатике, не боясь милиционеров, спокойно пить водку в центре Киева. Характерный эпизод — парень лет 17, абсолютно пьяный, в оранжевой шапке с наушниками управлял движением на Крещатике. Вся комичность эпизода заключается в том, что «управлял» движением он на обычном повороте около киевского ЦУМа и в чем суть его размахивания руками — непонятно, так как двигаться автомобили могут только в одном направлении. Это продолжалось до тех пор, пока его чуть не задавил джип. А сколько это могло бы продолжаться, будь в Киеве другая ситуация? Его просто отвезли бы в отделение милиции... Естественно, Ющенко бессовестно эксплуатировал эти настроения и всем обещал, что никто из тех, кто жил в палаточном городке, забыт не будет»².

Что мог бы противопоставить этому избирательный штаб Януковича? Очевидно, что конкурировать с Ющенко и стоящими за его спиной западными политтехнологами в постановке постмодернистского спек-

¹ Вальцев С. Украинский раскол, как он есть // «Дуэль», 2005, № 2.

² Там же.

такля-карнавала он не мог. Дело даже не в деньгах, организации и технике, а в совершенно разных культурных основаниях самих программ этих двух кандидатов. Значит, Янукович должен был действовать совсем в иной плоскости, нежели Ющенко. Янукович мог победить в «битве за молодежь» только в том случае, если бы ему удалось втянуть ее в диалог, затрагивающий фундаментальные проблемы жизни Украины и ее молодежи, но в диалог, ведущийся на понятном молодежи языке. Для этого он должен был бы располагать «своим» молодежным активом, способным говорить о фундаментальных проблемах на новом языке. Решить такую задачу штаб Януковича, видимо, был не готов.

ФИНАНСИРОВАНИЕ ОРАНЖЕВЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

Если на последних стадиях «оранжевой революции» возникает бескорыстное массовое движение толпы, очарованной спектаклем «праздника угнетенных», то вся подготовительная работа и техническое обслуживание спектакля, а также подкуп части властной верхушки требуют стабильного и значительного финансирования. Деньги поступают и из внешних источников, и от внутренних сил, решивших поддержать революцию.

Каналы внешнего финансирования хорошо отработаны при подготовке свержения Милошевича в Югославии, и эта схема применялась в Грузии и на Украине практически без изменений. Некоторые изменения были внесены лишь при организации «революции тюльпанов» — там была меньше роль Сороса и больше — «Фридом-хаус». При этом США даже не скрывали своего участия в киргизских событиях. В отчете

Госдепартамента сказано, что в 2004 г. США предоставили 53 финансовых гранта неправительственным организациям в Киргизии «для поддержки независимых СМИ, распространения информации, обучения журналистов, обеспечения прав человека, а также для получения правового образования». Как заметил директор гарвардского «Центра Дэвиса по изучению евроазиатских проблем» М. Гольдман, «потянув за конец киргизской нитки, можно размотать весь клубок бывших советских республик. И сама Россия может быть опрокинута»¹.

Реальные суммы, которые затрачивали западные спонсоры на каждую из этих революций, неизвестны. Некоторая часть этих сумм легализуется, иногда даже провоцируются скандалы — для того, чтобы показать «общественному мнению», насколько невелики эти суммы.

Так, представители Госдепартамента США в декабре 2004 г. сообщили, что украинская оппозиция за последние два года получила из Вашингтона около 65 миллионов долларов². На сайте Госдепартамента США можно было узнать, что в 2003 и в 2004 гг. на Украину поступило 13,9 и 13,8 млн. долларов по статье 121-0213 «Увеличение вовлечения граждан». Там указано, сколько часов теле вещания, «обучающего демократии», оплатит USAID (Американское агентство по международному развитию), сколько людей пройдут специальные тренировки и т.д.

Средства из госбюджета США поступали на Украину и через неправительственные структуры — в рамках «Программы поддержки демократии», на которую

¹ Панова Е. США готовят «революцию» в России // Росбалт, 30.03.2005.

² www.ukraina.utro.ru/news/2004/12/14/386037.html.

Госдепартамент ежегодно выделяет миллиард долларов. В списке неправительственных организаций, через которые переводились средства на Украину, числится Международный республиканский институт. Лони Кранер, глава этой организации и бывший высокопоставленный сотрудник Госдепартамента США, заявила, что США перечисляли средства на счета украинских оппозиционных партий преимущественно через международные благотворительные институты, такие как центр Карнеги, Фонд «Евразия» и другие¹.

Именно Международный республиканский институт взял на себя расходы по организации поездки Ющенко в Вашингтон в феврале 2003 г. и организовал его встречу с вице-президентом Чейни, первым заместителем госсекретаря Армитиджем и конгрессменами. «Экзит-полы» на выходе с избирательных участков также проводились на деньги США и ряда других западных стран. На встрече активистов «Поры» и оппозиционеров из целого ряда стран СНГ были названы и некоторые суммы, которые могут быть потрачены на продолжение «революционной волны». В частности, говорилось, что на Украине по линии NDI израсходовано 2 миллиона долларов «черного нала», не облагаемого налогами.

Член палаты представителей конгресса США Рон Пол заявил, что предвыборная кампания Виктора Ющенко частично финансируется на деньги американского правительства. По словам Пола, финансирование кампании Ющенко осуществляется не напрямую, а через различные неправительственные организации — как американские, так и украинские. «Мы не знаем точно, сколько именно миллионов долларов правительство США потратило на президентские выборы

¹ www.nr2.ru/policy/11288.html

на Украине, может быть, десятки миллионов, — заявил конгрессмен, выступая в комитете по международным отношениям палаты представителей. — Однако мы знаем, что значительная часть этих денег предназначалась для оказания содействия одному конкретному кандидату — Виктору Ющенко».

Схема, согласно Полу, такова: правительство США выделяет деньги «на развитие демократии и свободного рынка» через Американское агентство по международному развитию. Это агентство предоставляет миллионы долларов грантов «Польско-американско-украинской инициативе для сотрудничества» — организации, которая управляется американским «Фридомхаус». Затем эти деньги передают неправительственным организациям на Украине, которые и расходуют их по согласованному плану.

В качестве примера Рон Пол приводит Международный центр политических исследований, основанный Институтом открытого общества Джорджа Сороса (на сайте этого центра — оранжевая ленточка и фото Ющенко). Родственные сайты международных организаций также разместили оранжевую ленту и фотографию Ющенко. «Финансирование иностранцами американских выборов по праву считается противозаконным деянием, — сказал Рон Пол. — Однако именно этим мы сейчас сами занимаемся за рубежом»¹.

¹ Легальное финансирование оппозиции из-за рубежа — признак неполного суверенитета государства. Любое суверенное государство должно блокировать поступление иностранной финансовой помощи действующим на политической арене партиям. Например, в соответствии с законом Республики Беларусь «О политических партиях» финансовая и иная материальная помощь политическим партиям, действующим на территории Белоруссии, запрещена.

Вероятно, однако, иностранная финансовая поддержка играет прежде всего системообразующую роль и служит гарантией того, что намерения западных покровителей революции серьезны и отечественные инвесторы обязаны раскошелиться. В номере журнала «Со-общение», целиком посвященном «оранжевой революции» на Украине, в редакционной статье сказано об участии бизнеса в подобных революциях: «Только полуслепые политики и администраторы не хотели раззуть глаза и увидеть, что революция выгодна значимым секторам бизнеса! Их представителям было желательно провести в Белый дом своего кандидата.

Кто сказал, что бунт молодежи против истеблишмента не поддерживался и не направлялся политическими и бизнес-элитами, на время отделенными от власти? Поддерживался. Направлялся. И демократ Джими Картер, если угодно, стал президентом во многом вследствие митингов на вашингтонских, чикагских и нью-йоркских майданах. Просто не так быстро, как Виктор Ющенко.

Эти примеры говорят о том, что революции нужны не только и не столько буйным носителям значков, знамен, транспарантов, плакатов, шарфиков и ленточек. Активисты «недискуссионных смен режима» — лишь горячее переворотов. Их моторы, не говоря уже о конструкторах и машинистах, находятся в других местах.

Там выбирают цвета знамен и заказывают музыку. А потом выходят большие площадные оркестры. И мало — не кажется»¹.

Можно вспомнить и «бархатную революцию» в августе 1991 г. в Москве. Весь спектакль «народного со-

¹ Кто заказывает марсельезу? // «Со-общение», 2005, № 1.

противления ГКЧП» финансировался не только государственными организациями, но и предпринимателями. Только Инкомбанк «вложил» в оборону Белого дома 10 миллионов рублей (рублей того времени — примерно 200 тысяч минимальных месячных зарплат 1999 г.). Как пишет газета «Коммерсант», «Деньги на баррикады подвозились мешками — благо, было что в эти мешки положить... В помощь защитникам Белого дома ряд коммерческих банков выделил около 15 млн. наличных денег — для закупки продовольствия и экипировки. Борцам за свободу дали попробовать знаменитые гамбургеры McDonald's и пиццу из Pizza-Hut». Состоялось даже трогательное единение предпринимателей и их мучителей — рэкетиров (как сказал в передаче «Взгляд» 23 августа А.Любимов, «рэкетеры принесли кучу «бабок», взяли листовки, поехали по воинским частям»).

Украинские бизнесмены в разной форме финансировали «оранжевую революцию». Например, с едой помогали несколько ресторанных сетей Киева. Вообще среди киевских бизнесменов считалось хорошим тоном поддерживать митингующих, надеясь на льготы в случае победы Ющенко. Впрочем, как и во время любых потрясений, желающих погреть руки более чем достаточно: по словам жителей палаточного городка, регулярно не доходили до адресатов партии одежды, обуви, продуктов — вместо палаток они попадали на городские рынки¹.

Как сообщает агентство «Regnum», материальную поддержку митингующим оказывала и городская администрация: «Мэр Киева А. Омельченко дал добро на размещение «гостей города» в ряде городских зда-

¹ www.regnum.ru/news/373890.html.

ний и даже предоставил для ночлега и питания первые два этажа здания мэрии (в котором по совместительству расположен и городской парламент). Охраной мэрии занимались милиционеры, которые следили за тем, чтобы внутрь не проходили киевляне. Это связано с тем, что в дни революции в Киев на бесплатную пищу и ночлег съехались бомжи со всей Украины. Киевлян (кроме волонтеров) не пускали и в другие здания и лагеря. По указанию Омельченко вскоре после появления палаточного городка рядом с ним были установлены биотуалеты. Их вывозом, а также уборкой мусора занимались «Киевспецтранс» и муниципальные районные службы. Грубо говоря, горадминистрация взяла на себя оплату всех услуг городского ЖКХ для митингующих, включая разрешение на подключение лагеря к городской электросети (которое сама же и выполнила). Администрация также занялась поставкой в лагерь основных продуктов (хлеба, колбасы, сахара), которые закупала у производителей, и медикаментов»¹.

Скорее всего, затраты на хлеб и колбасу для митингующих составляют в смете расходов на «оранжевую революцию» лишь незначительную часть. Действительно крупные расходы требуются для обеспечения режима наибольшего благоприятствования революционерам со стороны правительственных чиновников и особенно правоохранительных органов.

Е.Холмогоров пишет, обобщая опыт «оранжевых революций»: «Эффективность технологии смены режимов была настолько велика, что эксперты заговорили даже о существовании «политической атомной бомбы»,

¹ www.regnum.ru/news/373890.html.

технологии, которая обеспечивает Америке гарантированный успех в осуществлении политического переворота. Хотя никакой особенной новой «технологии» предполагать не приходится — речь идет о старинном правиле: «Осел, нагруженный золотом, способен взять любую крепость». С этой стороны речь идет о тотальном коррумпировании политической системы, о подкупе целого ряда ключевых должностных лиц внешней силой. Спокойное и относительно стабильное существование, а то и сохранение власти при новом режиме многие чиновники предпочитают перипетиям политической борьбы, риску вооруженного сопротивления и положению «извергов преступного режима», руководящих «государством-изгоем».

В финансировании «оранжевой революции» на Украине участвовал и российский капитал — нечто среднее между иностранным и отечественным. Вернувшийся из Киева московский политолог С.Е. Кургинян рассказал, что во время его выступления в Украинском клубе сторонники Ющенко кричали, что от Сороса они получили только треть денег, а две трети им из Франции перевели промышленно-финансовые группы РФ, близкие к Кремлю. Впрочем, сторонники Ющенко могли и обмануть российского политолога.

В общем, при обсуждении сценариев новых «оранжевых революций» следует исходить из предположения, что механизм их финансирования налажен и смазан. Сама попытка блокировать или разрушить его будет воспринята и администрацией США, и влиятельными отечественными силами как недопустимый наглый вызов демократии и правовым нормам Нового мирового порядка.

Наконец, нельзя не отметить, что важным фактором в победе «оранжевой революции» на Украине было более эффективное, чем у сторонников Януковича, использование современных возможностей СМИ и Интернета. Эта эффективность определялась всеми тремя составляющими системы — социальной, содержательной и технической.

Как и в Москве в 1991 г., сообщество журналистов в основном встало под «демократические знамена», на сторону радикальных западников. А. Чадаев пишет: «Официозный агитпроп оказывается столь же бессильен, сколь и полицейщина: каждый журналист провластных СМИ к этому моменту уже носит под подкладкой оранжевую ленточку, и чем больше давит на него начальство, требуя нужного освещения событий, тем сильнее у него желание начать носить эту ленточку открыто. А потом самый смелый дает информацию в эфир помимо воли руководства, становится народным героем — и все, после этого контроль над медиа утерян. Хитрость тут в том, что журналисты — это часть того же самого революционного класса, и на них точно так же распространяются законы солидарности — это и их война»¹.

Важным компонентом «оранжевого восстания» явился бунт ведущих украинских журналистов. Самым известным эпизодом был протест женщины-диктора, которая переводила на язык глухонемых сообщения государственного телевидения. Перед зрителями она

¹ Чадаев А. Цит. соч.

предстала в оранжевом одеянии, а переводя сообщение о результатах второго тура президентских выборов, она внезапно языком жестов сказала: «Результаты выборов были сфальсифицированы... Мне жаль, что приходится переводить ложь».

Опыт Украины показал, что исход политической борьбы в сфере СМИ определяется не количественным соотношением объема вещания за власть и за оппозицию, а качеством вещания, умением *захватить* аудиторию. В.Осипов, изучавший роль культурных средств во время «оранжевой революции», пишет: «Телевидение, за исключением одного-единственного канала, оставалось в руках власти. Но именно этот канал работал во всех кафе, ресторанах, аэропортах — везде, где были телевизоры, доступные публике. Стандартный ресторанный репертуар сменил Пятый канал — речи Тимошенко, репортажи из Рады, и т.д. Помните, как в 1989 году ТВ стало передавать прямые репортажи с сессий Верховного Совета СССР, как это всех интересовало, как широко и страстно обсуждались эти передачи?»

Организаторы «оранжевых» сразу же наладили информационное обслуживание массы людей, привлеченных для поддержки в Киев. В палаточном городке было свое радио и телевидение. Прокрутку песен и объявлений осуществляла будочка «Гала-радио». В центре лагеря стоял «МАЗ» с телеэкраном огромной диагонали, вмонтированным в кузов, по которому бесперебойно крутили новости, а по вечерам — фильмы. Телегрузовик, появившийся в первый же день — вклад телевизионного 5-го канала, возглавляющего оппозиционные СМИ. Ежедневно информационные листки со своими новостями раздавало агентство УНИАН, так что

о действиях оппозиции митингующие были прекрасно осведомлены¹.

Учитывая, что последние 15 лет значительная часть населения, особенно молодежь, погружена в мозаичную культуру рекламы, художественные средства ее воздействия были сразу привлечены для поддержки «оранжевой революции».

Многие полиграфические фирмы начали использовать «революционную» тематику для собственной рекламы, печатая календарики с портретами лидеров оппозиции и своим логотипом. Небольшие предприятия также не упускали выгоды — в городке нередко можно было встретить красивый плакат типа «город такой-то — за Ющенко!», украшенный названием автосервиса или магазина. Большие же плакаты делали в Киеве на заказ сами делегаты.

Что касается пропагандистско-агитационной работы, то здесь все было налажено прекрасно. Запущенный одним толчком, маховик «оранжевого настроения» заработал сам по себе. Оранжевые шарфы, значки, козынки, дождевики и прочее смели за первые 2—3 дня. В дальнейшем атрибутику можно разве что купить. Предприимчивые торговцы наладили продажу шарфов и шапочек по 20—30 гривен. Можно было купить и флажки, и воздушные шары, заказы на которые коммерсанты размещают там же, где они и обычно это делают — на киевских и турецких трикотажных фабриках. Уходили влет. Единственное, что можно получить бесплатно — это оранжевые полиэтиленовые ленточки. На получение нескольких флагов с надписью «Так!», также полиэтиленовых, могли претендовать только ор-

¹ www.regnum.ru/news/373890.html.

ганизованные группы. Наклейки, которые штамповали сотнями тысяч экземпляров в киевских типографиях, заказывала, оплачивала и размещала «Пора». А с организацией размещения проблем не было — так, за одну ночь во всех лифтах домов целого района появились наклейки с надписью «Не мочись в лифте — ты же не донецкий», сделанные тиражом 500 000 экз.¹

Соединение эстетического приема с политическим символическим смыслом оказывает на сознание и еще более на эмоции магическое действие. Обозреватель из Москвы пишет: «Молодые девушки вплетают в волосы оранжевые ленты, бизнес-вумен украшают двухсот-долларовые сумочки кокетливыми оранжевыми бантиками, бабушки носят оранжевые платки, а парни, мужественно расстегивают зимние куртки, чтобы были видны оранжевые футболки. Бизнес достаточно быстро отреагировал на повышенный спрос. На нескольких сайтах можно не только ознакомиться с образцами «революционного товара», но и приобрести понравившуюся вещь. Оранжевый ежедневник с надписью «Да, Ющенко» стоит 45 гривен (чуть больше 8 долларов). Оранжевая футболка с надписью «Свободу не остановить» облегчит ваши карманы на 14 долл., а точно такая же футболка с надписью «Преступникам Хрен» обойдется на доллар дешевле. Руководители фирм настроены весьма оптимистично, ведь только объемы продажи футболок превысили полторы тысячи штук в неделю.

В витринах магазинов одежды манекены одеты исключительно в оранжевую одежду. Это правило касается как демократичных магазинов спортивной одеж-

¹ www.russian.kiev.ua/archives/2004/0412/041209upt1.shtml.

ды (шапочки, шарфы, свитера), так и бутиков. Но, если вы решили сэкономить и самостоятельно связать шарф или шапку, то вас постигнет жестокое разочарование — в продаже давно нет оранжевых ниток»¹.

Команда Януковича находилась в другом *культурном измерении*. Она говорила на другом языке, обращалась к другим струнам в душе. Она и не могла конкурировать с оппонентами на их поле — но не противопоставила им своих сильных слов и образов. «Независимая газета» пишет: «Власти не поняли роли эстетики. Малочисленные, одинаково подстриженные и одетые в одинаковый камуфляж сторонники Виктора Януковича вели себя так неактивно, будто отбывают номер. Образ жителя Восточной Украины как «недо-...» ярок и активно насаждается даже на ее же землях. В нынешней предвыборной (и перевыборной) кампании он прекрасно воплощен в образе «человека, голосующего за Януковича»: это небритое угрюмое лицо, грязная темная одежда, каска шахтера, или же это криминальная «шестерка» с одной извилиной, и общее у них то, что слушают они блатняк на радио «Шансон»².

Пропагандисты «оранжевых» действовали творчески и, главное, обращались к новым, даже нарождающимся эстетическим потребностям и предпочтениям городских жителей, тянущихся к культуре космополитического мегаполиса. Эти пропагандисты уже включены в большую интернациональную сеть, по которой новые слова и образы циркулируют независимо от политических задач. Технологи пропагандистской коман-

¹ *Скрябин Д.* В Киеве кончаются запасы оранжевого. Украинская столица столкнулась с дефицитом товаров, окрашенных в цвета оппозиции. www.strana.ru/stories/04/10/29/3567/235468.html.

² http://www.ng.ru/ideas/2004-12-07/1_pavlovskiy.html.

ды Ющенко были подключены к этой сети — так же, как технологи из их «племени» в РФ подключены к команде Ющенко. Например, в Калининграде на обычных десятирублевках уже появился штамп «Россия без Путина». Эта купюра — листовка, которую прочитают все. Любопытно! С точки зрения пропаганды это дешевле и гораздо эффективней, чем листовка. Таких технологий протеста существует множество¹.

Заметную роль сыграл и Интернет. Несмотря на то, что Интернет-аудитория зоны UA не так уж и велика (примерно 10% всего совершеннолетнего населения Украины), сетевому сообществу удалось внести существенный вклад в дело «оранжевой революции» — прежде всего, благодаря оперативности освещения событий. Даже при наличии оппозиционных телеканалов телевидение неспособно так полно освещать события, как это делают независимые Интернет-сайты, а бумажные издания в этом определенно проигрывали сетевым, не успевая реагировать на события.

Интернет позволил планировать акции протеста в режиме онлайн, то есть в прямом разговоре всех участников. Шел обмен сообщениями, члены сетевого сообщества договаривались о совместных действиях, таких, как, например, пикетирование Кабинета министров.

В целом в Интернете украинской зоны (UA) преобладала поддержка «оранжевой революции». Ее поддерживали и некоторые компании-провайдеры, представители телекоммуникационного бизнеса. Операторы связи «Сильверком» и «Визор» предложили своим клиентам

¹ Так, в Греции во время сходных политических схваток просто писали на стенах три буквы — «НЕТ». И всем было понятно. А если за этим делом заставала полиция, то говорили, что пишут «нет» загрязнению окружающей среды.

бесплатный канал доступа в Интернет, в том числе и к оппозиционным информационно-аналитическим сайтам «Украинская правда» и «Майдан».

К подготовке обеспечения поддержки «оранжевой революции» средствами Интернета привлекались и иностранные специалисты. Полной картины этой стороны дела нет, но базирующаяся в пригороде Вашингтона известная американская пиар-компания «Rock Creek Creative» подтвердила, что оказала содействие украинской оппозиции в «разработке информационной стратегии, бренда и политики для Интернет-сайта «оранжевой революции». Информационный Интернет-портал «оранжевой революции» был размещен на нескольких серверах в неназванных странах Европы, а все программное обеспечение для портала было зарегистрировано в Чехии.

На основе информации из Интернета был организован и самиздат, материалы которого распространялись на Майдане и по регионам. Этот «Народный самиздат» стал серьезной акцией информационно-политических ресурсов украинского Интернета. На оппозиционных сайтах размещались листовки, новости, а люди, у которых есть доступ в Интернет, распечатывали эту информацию и раздавали на улице. В качестве эффективного противодействия цензуре сетевые журналисты организовали круглосуточное вещание с украинских улиц и площадей: с Майдана, Крещатика, из регионов, трансляции из Верховной Рады.

Оппозиция более значимо присутствовала в Интернете благодаря финансовой поддержке ее сайтов и в силу приверженности целям «оранжевой революции» тех журналистов (большей частью столичных), которые делают независимые сайты. Ющенко прово-

дил очень активную Интернет-кампанию. У него и его штаба были великолепные, часто обновляемые сайты. Региональные штабы самостоятельно распространяли информацию через свои рассылки. Штаб Януковича и его сторонники были чрезвычайно слабы в этом плане — сайт самого кандидата обновлялся всего пару раз в день.

Власть пыталась «фильтровать» Интернет. Например, сайт с анекдотами про Януковича был «закрыт» для Украины. Однако сетевые СМИ к такому повороту событий оказались готовы и без проблем зарегистрировались в зарубежных сетевых зонах: com, net, org. Владельцы Интернет-ресурсов, сменив свои адреса на международные, организовали «зеркальные» серверы-копии за пределами Украины.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Глава 1. Общие положения. Теория «оранжевых революций»</i>	<i>9</i>
<i>Глава 2. Президентские выборы на Украине — подмостки «оранжевой революции»</i>	<i>85</i>
<i>Глава 3. Технологическая схема «оранжевой революции»</i>	<i>133</i>
<i>Глава 4. Уроки «оранжевой революции» на Украине: слабость государства</i>	<i>147</i>
<i>Глава 5. Уроки «оранжевой революции» на Украине: технология и участники</i>	<i>190</i>

**Кара-Мурза Сергей Георгиевич
Александров Александр Александрович
Мурашкин Михаил Алексеевич
Телегин Сергей Анатольевич**

ОРАНЖЕВАЯ МИНА

Редактор *О В Селин*
Художник *Б Б Протопопов*
Верстка *А А Кувшинников*
Корректор *Н Н Самойлова*

ООО «Алгоритм-Книга»

Лицензия ИД 00368 от 29 10 99 Тел 617-08-25

Оптовая торговля Центр политической книги — 733-9789

«Столица-Сервис» — 375-3211, 375-2433, 375-3673

ООО «БСК» 380-0028

Мелкооптовая торговля г Москва, СК «Олимпийский» Книжный клуб

Торговое место № 30, 1-й эт Тел 8-903-519-85-41

Сайт [http //www algoritm-kniga ru](http://www.algoritm-kniga.ru)

Электронная почта [algoritm-kniga@mail ru](mailto:algoritm-kniga@mail.ru)

Книги издательства «Алгоритм» можно приобрести в
интернет-магазине [http //www politkniga ru](http://www.politkniga.ru)

Подписано в печать 29 08 2008

Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная Усл -печ л 12,6

Тираж 4 000 экз Заказ № 4831036

Отпечатано на ОАО «Нижеполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул Варварская, 32

Новейшие политические технологии.

С их помощью свергаются правительства и ставятся под контроль целые государства. О них много говорят, но почти никто не владеет всей информацией. Их технология отточена почти до совершенства, но знать об этом могут только избранные.

А тот, кто не готов им противостоять, слышит, как под его кроватью (машиной, фундаментом) тикает мина.

Мина «оранжевой революции».

В книге культового российского политолога Сергея Кара-Мурзы рассмотрены философские и культурные предпосылки такого типа революций, способы их финансирования и организации, их социальная база и технические приемы. Кратко изложены история возникновения и развития доктрины «цветных» революций и причины беспомощности постсоветской государственности в противостоянии им.

ISBN 978-5-9265-0560-0

9 785926 505600 >